

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (*Москва, Российская Федерация*)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (*Ухань, КНР*)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (*Казань, Российская Федерация*)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (*Екатеринбург, Российская Федерация*)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (*Москва, Российская Федерация*)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (*Казань, Российская Федерация*)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (*Москва, Российская Федерация*)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (*Москва, Российская Федерация*)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (*Таллин, Эстония*)

Лаури МЯЛКСОО

профессор международного права, Университет г. Тарту (*Таллин, Эстония*)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (*Баку, Азербайджан*)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет (*Новосибирск, Российская Федерация*)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (*Москва, Российская Федерация*)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (*Москва, Российская Федерация*)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 20.12.2021 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 58

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2021

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Lothar Determann

Doctor of Laws, Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Ivan I. Kotlyarov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Author fees

Publication in «Moscow Journal of International Law» is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА		ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW	
<i>Маличенко В.С.</i> Формирование международного права здравоохранения	6	<i>Vladislav S. Malichenko</i> The Rise of International Health Law	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА		INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW	
<i>Пличанич С.</i> Как преодолеть бессилие экологического права в эпоху антропоцена: основы эоцентричного права	21	<i>Senko Plicanic</i> How to Overcome Impotence of Environmental Law in the Age of Anthropocene: Foundations of Ecocentric Law	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО		AIR LAW	
<i>Баталов А.А.</i> Региональное сотрудничество в области безопасности полетов: международно-правовые вопросы	40	<i>Alexander A. Batalov</i> Regional Cooperation in the Area of Aviation Safety: International Legal Issues	
МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО		INTERNATIONAL CRIMINAL LAW	
<i>Сафаров Н. А.</i> Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело « <i>The Attorney General of the Government of Israel v.</i> <i>Adolf Eichmann</i> » в контексте международного права	70	<i>Nizami A. Safarov</i> Justice in the Name of Six Million Accusers: the Case of the <i>Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann</i> in the Context of International Law	
<i>Лобанов С. А., Ростунова О.С.</i> Взаимосвязь международного и национального уголовного права в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности	108	<i>Sergey A. Lobanov, Olga S. Rostunova</i> Interconnections between International and National Criminal Law Relevant to Energy Security	
<i>Старкова Л. М.</i> Подходы к пониманию и нормативному определению категории «киберпреступность» и смежных понятий в практике региональных международных организаций	123	<i>Lyasyan M. Starkova</i> Approaches to Understanding and Normative Definition of the Category "Cybercrime" and Related Concepts in the Practice of Regional International Organizations	
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО		LAW OF THE SEA	
<i>Анисимов И.О.</i> Некоторые международно-правовые вопросы разработки и передачи морских технологий	136	<i>Igor O. Anisimov</i> Some International Legal Issues in the Development and Transfer of Marine Technologies	

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 30.08.2021
Принята к публикации: 02.11.2021

Владислав Сергеевич МАЛИЧЕНКО

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Большая Черемушкинская ул., д. 34, Москва, 117218, Российская Федерация.

vlad.malichenko@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3136-8054

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ. За последние десятилетия на международном уровне под влиянием демографических процессов, экономических потрясений, увеличения распространенности ряда заболеваний и других системных проблем постепенно произошло формирование целого спектра угроз в сфере охраны здоровья, которые могут повлечь катастрофические последствия социально-экономического характера для каждого государства вне зависимости от уровня экономического развития. На сегодняшний день вопросы обеспечения всеобщего охвата услугами в сфере охраны здоровья, доступа к безопасным, качественным лекарственным средствам, контроля расходов на здравоохранение, эффективного реагирования на чрезвычайные ситуации, противодействия развитию антибиотикорезистентности входят не только в сферу интересов ВОЗ, а включены в повестку ООН, МОТ, ФАО и других межправительственных организаций. Необходимость системного решения вопросов охраны здоровья и формирования унифицированных подходов к регулированию деятельности многочисленных участников международных отношений в этой области стала стимулом постепенного развития международно-правового регулирования сферы охраны здоровья и предметом изучения ведущих ученых-юристов, а также международных организаций.

В представленной статье проведен комплексный анализ исторических этапов развития международного сотрудничества в сфере охраны здоровья,

послуживших основой для формирования международного права здравоохранения как новой отрасли международного права.

Отдельное внимание в статье уделяется оценке роли процессов глобализации в изменении характера угроз здоровью человека и общества и их влиянию на формирование концепции глобального управления здравоохранением. Основываясь на системных проблемах, проявившихся в ходе пандемии COVID-19, автор сформулировал основные направления совершенствования международно-правового регулирования сферы охраны здоровья.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При подготовке статьи были изучены акты универсального и регионального характера, резолюции международных организаций, правовые позиции специализированных учреждений ООН, а также профессиональных научных объединений. Теоретической основой исследования являются научные труды отечественных и зарубежных ученых в области международно-правового регулирования и международных отношений в сфере охраны здоровья. Статья подготовлена с использованием общенаучных методов познания, включая формально-логический и ситуационный, и частно-правовых методов, таких как сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В рамках проведенного исследования сделан вывод о формировании международного права здравоохранения как новой отрасли международного права,

объединяющей международно-правовые нормы и принципы, регулирующие отношения субъектов международного права, а также иных участников международных отношений в сфере охраны здоровья человека. В работе представлены основные источники международного права в сфере охраны здоровья, а также сформулирован предмет регулирования данной отрасли права.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Описывая особенности международного сотрудничества в сфере охраны здоровья, выражающиеся в увеличении числа вовлеченных международных организаций и иных участников, не являющихся субъектами международного права, автор обосновывает формирование концепции глобального управления здравоохранением и анализирует основные научные публикации в данной области. Изучив характер угроз в сфере охраны здоровья, сформировавшихся за последнее десятилетие под влиянием процессов глобализации, а также систематические проблемы международного сотрудничества, которые особенно ярко проявились во время пандемии

коронавирусной инфекции, автор подчеркивает необходимость реализации неоднократно ранее предлагаемой инициативы по разработке акта универсального характера, формирующего основу международно-правового регулирования сферы охраны здоровья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право на здоровье, международное право, охрана здоровья, глобальное управление здравоохранением, безопасность человека, чрезвычайная ситуация в сфере общественного здравоохранения международного характера, мягкое право, ВОЗ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маличенко В.С. 2021. Формирование международного права здравоохранения. – Московский журнал международного права. №4. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>

Research article
Received 30 August 2021
Approved 2 November 2021

Vladislav S. MALICHENKO

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow, Russian Federation, 117218
vlad.malichenko@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3136-8054

THE RISE OF INTERNATIONAL HEALTH LAW

INTRODUCTION. Over the past decades under the influence of demographic processes, economic shocks, morbidity increase and other systemic problems a whole spectrum of threats to health has gradually formed at the international level, characterized by severe socio-economic consequences for each country regardless of the welfare level. Today, the challenges of ensuring universal coverage of services, access to safe, quality medicines, con-

trol of health care costs, effective response to health emergencies, antibiotic resistance are not limited by the WHO regulations, but are included in the agenda of the UN, ILO, FAO and other intergovernmental organizations. The need to form a unified approach to regulate activities of numerous participants in international healthcare regulation has served as an incentive for the gradual development of international legal regulation of the field of

health protection, becoming the subject of study by leading legal scholars, as well as international organizations. The presented article provides a comprehensive analysis of the main historical stages in the development of international cooperation in the field of health protection, which served as the basis for the formation of international health law in the field of health protection as a new branch of international law. Special attention in the article is paid to the assessment of the role of globalization processes in changing the nature of threats to human and public health and their impact on the formation of global health governance concept. Based on the systemic problems that emerged during the COVID-19 pandemic, the author formulated the main directions for improving the international legal regulation of the health sector.

MATERIALS AND METHODS. During article preparation the following documents were studied: acts of a universal and regional nature, resolutions of international organizations, legal positions of UN specialized agencies, as well as professional scientific associations. The theoretical basis of the research are the scientific works of national and foreign scientists in the field of international law and international relations in the field of health protection. The article was prepared using the general scientific method of cognition, including the formal logical and situational method and private law methods, such as comparative, historical and formal legal methods.

RESEARCH RESULTS. Within the framework of the study, a conclusion was formulated about the formation of "international health law" as a new branch of international law, uniting international legal norms and principles governing the relations of subjects of international

law, as well as other participants in international relations in the field of human health. In the work, the author presents the main sources of "international health law" and formulates the subject of regulation of this branch of law.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Describing the features of international cooperation in the field of health protection, expressed in an increase in the number of involved international organizations and other participants which are not subjects of international law, the author substantiates the formation of the concept of global health management and analyzes the main scientific publications in this area. Having studied the nature of health threats that have formed over the past decade under the influence of globalization processes, as well as the systematic problems of international cooperation demonstrated by the coronavirus pandemic, the authors emphasize the need to implement the repeatedly proposed initiative to develop a universal act that forms the basis of international legal regulation of health protection.

KEYWORDS: right to health, international law, health law, global health governance, human security, public health emergency of international concern, soft law, WHO

FOR CITATION: Malichenko V.S. The Rise of International Health Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-6-20>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение: исторические этапы развития международного сотрудничества в сфере охраны здоровья

Первые упоминания о сотрудничестве государств для противодействия угрозам в сфере охраны здоровья связаны с инициативами по борьбе с инфекционными заболеваниями, стремительно распространявшимися в Европе под влиянием развития торговых процессов [Маличенко 2021:174–197]. Так, в 1348 г. в Венеции был принят первый закон, устанавливающий карантинные меры для сдерживания распространения бубонной чумы. Впервые подобие международной организации, регулирующей вопросы охраны здоровья, появляется в 1838 г. с учреждением Высшего совета здравоохранения

Константинополя, сформированного представителями Османской империи и главами морских государств для надзора за санитарным регулированием турецких портов.

Однако официальный межгосударственный диалог по вопросам охраны здоровья человека на международном уровне впервые состоялся в 1851 г. в рамках Первой Международной конференции по санитарии в Париже, целью которой была разработка единой стратегии контроля за распространением холеры, чумы и желтой лихорадки, поразивших европейские страны. В 1882 г., после проведения Международной конференции по санитарии была принята «Международная санитарная конвенция», сформулировавшая необходимые меры для предотвращения распространения холеры и ставшая первым

международно-правовым актом, регулирующим вопросы охраны здоровья.

Историю развития международного сотрудничества в сфере охраны здоровья с момента Первой Международной конференции по санитарии до настоящего времени следует разделить на четыре этапа, каждый из которых оказал существенное влияние на развитие международно-правового регулирования данной области. Первый этап, с момента первой конференции по санитарии до учреждения Организации здравоохранения Лиги Наций, был связан с формированием норм и правил для обеспечения контроля и предотвращения распространения инфекционных заболеваний. В рамках второго этапа, между Первой и Второй мировыми войнами основной фокус международного сотрудничества был направлен на создание эффективного механизма регулирования отдельных вопросов в сфере охраны здоровья в рамках деятельности Лиги Наций. Третий этап развития международного сотрудничества, связанный с послевоенным периодом, ознаменовался созданием ВОЗ для формирования унифицированного подхода к регулированию вопросов охраны здоровья в международной повестке с учетом проблем, с которыми столкнулись государства в период существования Лиги Наций.

Современный этап международного сотрудничества в сфере здравоохранения начался в 1970 г. под влиянием стремительного роста числа участников регулирования вопросов охраны здоровья и значительного усложнения процессов координации их деятельности, что послужило основой переосмысления роли международного права.

2. Формирование концепции международного права в сфере охраны здоровья

Первоначально основным фокусом международного сотрудничества в сфере охраны здоровья были инфекционные заболевания, поэтому международно-правовое регулирование данной области сформировалось благодаря достижениям науки «общественного здравоохранения». Под влиянием таких известных ученых, как Р. Вирхов, Л. Пастер, Э. Чедвик, Л. Шаттак, Р. Кох в XIX в. произошло формирование четырех фундаментальных принципов науки общественного

здравоохранения: разработка правил поведения на основе научных данных и статических исследований; верховенство интересов здоровья общества, а не индивида; равенство и социальная справедливость; приоритет профилактических мероприятий. Согласно одному из наиболее обширных определений под общественным здравоохранением понимается область медицины, связанная с профилактикой заболеваний, продлением жизни и поощрением физического здоровья за счет организованных мер в сфере охраны окружающей среды, развития социального сектора, контроля инфекционных заболеваний, обучения личной гигиене, организации медицинской и сестринской службы для раннего выявления и лечения заболеваний [Winslow 1920:23–33].

Несмотря на более чем вековую историю развития международно-правовых норм в сфере регулирования вопросов охраны здоровья человека, впервые в научной литературе понятие «международное право здравоохранения», или «международное право в сфере охраны здоровья» (international health law) стало упоминаться с 50-х годов XX в. в контексте защиты социальных прав тех, кто пострадал в ходе военных конфликтов. Признание факта формирования новых механизмов регулирования охраны здоровья на международном уровне способствовало тому, что по инициативе Правительства Бельгии резолюцией ВОЗ WHA 6.40 в 1953 г. было предложено провести исследование «международного медицинского права»¹.

Важную роль для теоретического осмысления концепции международного права в сфере охраны здоровья и ее признания в качестве отрасли международного права сыграло проведение в 1988 г. круглого стола «Будущее международного права в сфере охраны здоровья», приуроченного к 40-летию ВОЗ. Основными докладчиками на мероприятии выступили проф. В.С. Михайлов и проф. М. Беланжер [Belangera 1989:1–8]. В частности, В.С. Михайловым было сформулировано, что международное право в сфере охраны здоровья является стремительно развивающейся отраслью международного публичного права, охватывающей широкий спектр предметов регулирования [Mihajlov 1989:9–28]. Представленная отрасль права сформирована международно-правовыми механизмами, регулирующими меж-

¹ World Health Organization: Preparatory Study on International Medical Law. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/85647/Official_record48_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 19.08.2021).

правительственные отношения по вопросам охраны здоровья, как в мирное время, так и в ходе вооруженных конфликтов. Кроме того, в рамках своей позиции В.С. Михайлов вносит ясность в отношении использования термина «международное медицинское право», справедливо отметив, что «международное право в сфере охраны здоровья» является более корректным определением и точно отражает содержание правовых принципов данной отрасли. М. Беланжер в своем докладе обратил внимание, что общая цель международного права в сфере охраны здоровья состоит в поддержании, направлении и координации национального законодательства в сфере охраны здоровья.

На рубеже веков в научной литературе все чаще стали появляться комплексные исследования, рассматривающие международное право в сфере охраны здоровья в качестве самостоятельной отрасли международного права. В частности, предпосылки и основные компоненты ее формирования подробно проанализированы в статье Б. Тобес [Toebes 2015:299–328]. В публикации А. Тейлор сформулировано, что международное право в сфере охраны здоровья охватывает вопросы биомедицинской науки, репродуктивного здоровья, клонирования, инвалидизации, инфекционных и неинфекционных заболеваний, контроля безопасности медицинских услуг, продуктов питания и лекарственных средств [Taylor et al. 2004:359–386]. Интерес со стороны научного сообщества к изучению влияния международно-правовых норм на регулирование разнообразных вопросов в сфере охраны здоровья позволил не только подготовить необходимый фундамент теоретических исследований для формирования нового научного направления, но и определить перспективные направления его развития на ближайшие годы.

3. Вопросы охраны здоровья в повестке международных организаций

С момента проведения Международной конференции по первичной медико-санитарной по-

мощи в Алма-Ате в 1978 г. и официального заявления ВОЗ в 1980 г. об искоренении вируса оспы на планете изменился вектор международного сотрудничества в сфере охраны здоровья. От борьбы с конкретными инфекционными заболеваниями путем решения краткосрочных задач по внедрению необходимых мер сдерживания и предоставления лекарственных средств и медицинских изделий произошел переход к формированию долгосрочных стратегий, нацеленных на фундаментальное изменение подходов к организации медицинской помощи для обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения. Под влиянием процессов глобализации постепенно сформировалась необходимость более широкого подхода, предполагающего воздействие на основные детерминанты здоровья: питание, экологию, здоровый образ жизни и др. Приверженность ВОЗ к использованию актов мягкого права, недостаточное финансирование и сложная модель функционирования организации привели к постепенному включению ряда вопросов охраны здоровья в повестку Генеральной Ассамблеи ООН, а также других международных и региональных организаций.

Достижения в отношении снижения смертности от ВИЧ / СПИД, туберкулеза, малярии следует ассоциировать с лидерством ООН в координации глобальных инициатив и формированием эффективных механизмов для их регулирования. В частности, ярким примером подобных изменений является создание Объединенной программы ООН по ВИЧ / СПИДу (ЮНЭЙДС) в 1994 г., а также утверждение Целей развития тысячелетия² и последующая разработка Целей в области устойчивого развития³, где отдельное внимание уделялось задачам в области охраны здоровья. Проблема всеобщего охвата услугами здравоохранения получила развитие в ряде резолюций ГА ООН. В частности, доступ к технологиям здравоохранения рассматривался ГА ООН в резолюциях, посвященных взаимосвязи глобального здравоохранения и внешней политики, регулярно принимаемых с 2009 г.⁴ В Политической декларации Заседания высокого уровня по

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 19.08.2021).

³ ООН: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 19.08.2021).

⁴ UN: Resolution adopted by the General Assembly on 12 December 2012 "Global health and foreign policy". URL: <https://undocs.org/A/RES/67/81> (accessed: 19.08.2021); UN: Resolution adopted by the General Assembly on 11 December 2014 "Global health and foreign policy". URL: <https://undocs.org/en/A/RES/69/132> (accessed 19.08.2021).

вопросу о всеобщем охвате услугами здравоохранения, принятой в 2019 г., уделяется отдельное внимание проблеме доступа к технологиям здравоохранения⁵. В частности, ГА ООН формулирует обязательство по всеобщему обеспечению доступа к услугам здравоохранения к 2030 г.

Важными актами универсального характера, формирующими основу развития научного потенциала для своевременной разработки технологий здравоохранения, являются Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г.⁶, подготовленная в рамках Программы ООН по окружающей среде, и Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод 2010 г.⁷. Представленные соглашения закрепляют право на доступ к генетическим ресурсам, что является основой для проведения научных исследований, разработки технологий здравоохранения и развития пищевой промышленности.

Доступ к безопасным продуктам питания – важный вопрос в системе охраны здоровья и одно из направлений сотрудничества ВОЗ и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). В частности, уже более полувека действует Комиссия «Кодекс Алиментариус», учрежденная совместно ВОЗ и ФАО для формирования международных стандартов обеспечения качества пищевых продуктов. Не менее важным вопросом является обеспечение рационального использования антибактериальной терапии в сельском хозяйстве для предотвращения развития антибиотикорезистентности.

Концепция всеобщего охвата услугами здравоохранения предполагает обеспечение доступа каждого к необходимым технологиям здравоохранения. Одним из основных барьеров доступности выступают нормы, устанавливающие определенные требования к защите исключительных прав разработчиков технологий, позволяющие устанавливать цены на продукцию, зачастую превышающие экономические возможности государств. Активную роль в поиске консенсуса

между интересами государства и производителей в рамках реализации положений Соглашения ТРИПС, а также региональных торговых соглашений, устанавливающих дополнительные требования в отношении защиты исключительных прав производителей фармацевтической и медицинской промышленности играют международные организации. В частности, роли международного права в обеспечении доступа к технологиям здравоохранения посвящено совместное исследование ВОЗ, ВТО и ВИПО⁸.

Представленный перечень вопросов, фигурирующий в повестке международных организаций, не является исчерпывающим, но демонстрирует возрастающую роль охраны здоровья в развитии международного сотрудничества, а также определяет необходимость эффективной координации деятельности всех вовлеченных участников и совершенствования нормотворческих процессов.

4. Глобальное управление в сфере охраны здоровья

Стремительное увеличение числа вопросов охраны здоровья в международной повестке, а также их существенное влияние на достижение целей устойчивого развития и обеспечение социально-экономического благосостояния стран послужили основой формирования концепции «глобального здравоохранения», постепенно заместившей понятие «международного здравоохранения» в документах международных организаций и научных публикациях. За 2005–2010 гг. было опубликовано значительное количество исследований, отмечающих сложную взаимосвязь процессов глобализации и показателей здоровья населения, оказывающую влияние на укрепление системы регулирования сферы общественного здравоохранения [Huynen, Martens, Hilderink H. 2005:1–12; Martens et al. 2010:1–14].

Концепция «глобального здравоохранения» подразумевает обеспечение здоровья населения

⁵ UN: Resolution adopted by the General Assembly on 10 October 2019 "Political declaration of the high-level meeting on universal health coverage". URL: <https://undocs.org/en/A/RES/74/2> (accessed 19.08.2021).

⁶ Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 19.08.2021).

⁷ Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии 2010 г. Доступ: <https://www.cbd.int/abs/doc/protocol/nagoya-protocol-ru.pdf> (дата обращения: 19.08.2021).

⁸ Повышение доступности медицинских технологий и инноваций. На стыке здравоохранения, интеллектуальной собственности и торговли. 2013. Доступ: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=305> (дата обращения: 19.08.2021).

посредством регулирования взаимосвязей и взаимозависимостей участников международных отношений, возникающих под влиянием процессов глобализации. Слово «глобальное» в контексте регулирования вопросов охраны здоровья стало использоваться с середины прошлого века. В качестве примера следует упомянуть Глобальную программу по иррадиации малярии, запущенную ВОЗ в середине 1950-х, памфлет Комитета ВОЗ по общественным взаимоотношениям Глобальная битва против заболеваний 1958 г. [Deutsch 1958], доклад 1971 г. Палаты Представителей США «Политика глобального здравоохранения»⁹, а также многочисленные исследования глобальных популяционных проблем. Так, уже в 1989 г. в работе Д. Геллerta отмечалось, что исторически сложившиеся основы для дифференциации вопросов в сфере охраны здоровья в западных странах на внутренний и международный уровень утратили смысл [Gellert 1989:421–424]. Существенное влияние глобализации на общественное здоровье было рассмотрено в специальном выпуске Бюллетеня ВОЗ 2001 г.¹⁰, а также других публикациях, появившихся в начале 2000-х гг. [Walt 1998:434–437; Taylor, Bettcher 2001:920–929; Bettcher, Yach 2000:521–534; Yach, Bettcher 1998:738–741; McMichael, Beaglehole 2000:577–582].

Угрозы и вызовы в сфере охраны здоровья, возникающие под влиянием процессов глобализации, не ограничиваются государственными границами и требуют скоординированного межсекторального взаимодействия. В подобных условиях международные организации, создаваемые для решения узкопрофильных вопросов в таких отраслях, как экология, трудовые отношения, интеллектуальная собственность, здравоохранение более не способны «единолично» решать поставленные задачи.

Тенденция увеличения числа организаций, не являющихся субъектами международного права и традиционными участниками международных отношений, но вовлеченных в решение вопросов охраны здоровья на международном уровне, отчетливо прослеживается с начала нового столетия, когда стало ясно, что амбициозные задачи

ЦРТ требуют существенных финансовых вливаний и организационного сопровождения. В одной из последних публикаций, посвященных данному вопросу, продемонстрировано, что порядка 203 различных межправительственных и неправительственных организаций, вовлечены в регулирование вопросов охраны здоровья [Hoffman, Cole 2018:1–19]. Потребность в эффективной координации деятельности всех участников управления процессами в сфере охраны здоровья послужила триггером формирования концепции глобального управления здравоохранением, направленной на повышение эффективности распределения ресурсов для достижения глобальных целей в области охраны здоровья.

Сегодня можно выделить следующие группы участников глобального управления здравоохранением: государства; международные организации системы ООН, а также иные международные организации, затрагивающие социальные вопросы в рамках своей повестки; негосударственные организации, объединяющие большое количество различных структур, не относящихся к традиционным субъектам международного права (филантропические организации, государственно-частные партнерства, некоммерческие организации, научные объединения, транснациональные корпорации).

Безусловно, изучая феномен глобального управления здравоохранением необходимо обратиться к работам, формулирующим определение понятия «глобальное управление». На сегодняшний день в научной литературе сформировалось множество подходов к определению данного понятия [Weiss, Ramesh 2010:448; Bjola, Kornprobst 2011:320; Finkelstein 1995:367–372]¹¹. В частности, в работе Ф.Ф. Мартенса употребляется термин «международное управление», определяемый как совокупность задач и правовых отношений, выходящих за пределы государственных границ [Мартенс 2014:3–7]. Таким образом, руководствуясь современными тенденциями в области международных отношений и развития международно-правовых механизмов их регулирования, под глобальным управлением понимается комплекс формальных и неформальных инсти-

⁹ См.: The Politics of Global Health, Prepared for the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Developments of the Committee on Foreign Affairs, US House of Representatives, Washington, DC: US Government Printing Office. 1971.

¹⁰ См.: Theme Issue on Globalization. – *Bulletin of the World Health Organization*. 2001 Vol.79. No. 9. P. 802–905. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/issues/173061/> (accessed 19.08.2021).

¹¹ См. также: Riazati S. A Closer Look. Professor Seeks Stronger UN. – *Daily Bruin*. October 17, 2006. URL: <http://dailybruin.com/2006/10/17/a-closer-look-professor-seeks/> (accessed 21.08.2021).

тутов, механизмов, отношений и процессов между государствами, рынками, гражданами и организациями (как межправительственными, так и неправительственными), обладающими коллективными интересами, а также сформулированными правами и обязанностями.

Термин «глобальное управление здравоохранением» впервые начал появляться в научной литературе в конце 1990-х гг. при описании разнообразия механизмов управления, выходящих за рамки межправительственного сотрудничества в области здравоохранения [Dodgson, Lee, Drager 2002:1–28]. В обзорном исследовании Р. Ли и А. Камрада-Скотта проведен анализ различных публикаций по вопросу глобального управления в сфере охраны здоровья, продемонстрировавший существенные различия в определении данного понятия, а также ситуации, при которых оно применимо [Lee, Kamradt-Scott 2014:1–10].

Вместе с тем, обратившись к исследованиям наиболее известных теоретиков в данной области, можно сформулировать основные характерные признаки феномена глобального управления здравоохранением. В частности, Д. Фидлер определил, что глобальное управление здравоохранением – это процессы, реализуемые государствами, международными организациями и иными участниками международных отношений в противодействии глобальным угрозам и вызовам в сфере охраны здоровья. Известный исследователь особенностей глобального управления в сфере охраны здоровья Л. Гостин утверждал, что концепции права и управления взаимосвязаны – закон является основным аспектом управления, а механизмы управления могут принимать форму правовых норм [Gostin 2014:560]. Основываясь на проведенном анализе научных публикаций, под «глобальным управлением здравоохранения» необходимо понимать процессы, направленные на обеспечение эффективной координации деятельности всех участников международных отношений в сфере охраны здоровья, на достижение согласованных глобальных целей, а также профилактику и противодействие чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения.

5. Определение понятия

«международное право здравоохранения» и «глобальное право здравоохранения»

Совершенно логично, что под влиянием процессов глобализации и рассмотренной ранее

концепции глобального управления здравоохранением в научной литературе произошла эволюция термина «международное право здравоохранения» (или «международное право в сфере охраны здоровья»), трансформировавшегося в «глобальное право в сфере охраны здоровья» (global health law). Возникает вопрос, следует ли использовать термин «глобальное право» вместо «международного права» в сфере охраны здоровья. Более традиционный термин «международное» при определении норм права в сфере охраны здоровья соответствует дефинициям, используемым в отношении других отраслей международного права. [Toebe 2015: 299–328]. С одной стороны, термин «глобальное право в сфере охраны здоровья» потенциально отражает последствия глобализации в области здравоохранения, включая рост роли и влияния множества участников глобального управления здравоохранением, объединяя акты обязательного характера и мягкого права, принимаемые как международными и региональными межправительственными организациями, так и объединениями иного характера. Как справедливо отмечает профессор Д. Рюгер, в то время как международному праву в сфере охраны здоровья присущ более традиционный подход, основанный на правилах, регулирующих отношения между государствами, глобальное право в сфере охраны здоровья формирует более общий подход, регулируя отношения мирового сообщества как единого целого [Ruger 2008:423]. Профессор сформулировал основные отличия понятий «международное право в сфере охраны здоровья» и «глобальное право в сфере охраны здоровья». По его мнению, первое понятие является более традиционным и объединяет отношения, формирующиеся при взаимодействии субъектов международного права, в то время как последнее регулирует отношения между всеми возможными субъектами, прямо или косвенно оказывающими влияние на регулирование вопросов охраны здоровья на международном уровне.

На сегодняшний день изучению глобального права в сфере охраны здоровья посвящено множество фундаментальных исследований, формулирующих предпосылки появления данной отрасли права, принципов и особенностей ее применения в контексте современных угроз и вызовов здоровью человека [Gostin 2014:560; Law...2014:635; Global Health Law...2016]. Л. Гостин и А. Тейлор сформулировали определение «глобального права в сфере охраны здоровья»

как области, объединяющей правовые нормы, процессы и институты, направленные на формирование условий достижения максимально возможного уровня физического и психического здоровья. Нормы глобального права в сфере охраны здоровья призваны обеспечить правильный подход всех участников международного сотрудничества, включая международные организации, СМИ, ТНК, благотворительные фонды, НКО к регулированию вопросов в данной области. Необходимо отметить, что этот подход выходит за рамки традиционных границ официальных источников и субъектов международного права [Gostin, Taylor 2008:53–63;].

В подтверждение тезиса о формировании нового научного направления стоит отметить, что за последнее десятилетие было сформировано несколько экспертных групп для изучения особенностей глобального права в сфере здравоохранения как отрасли международного права. Так, в 2014 г. Ассоциацией международного права был учрежден Комитет по глобальному праву в сфере охраны здоровья для поддержки развития этой самостоятельной отрасли международного права, и для того чтобы сформулировать единые приоритеты развития международно-правового регулирования в таких областях, как защита прав человека, защита интеллектуальной собственности, регулирование торговли и инвестиций. Регулирование вопросов общественного здравоохранения затрагивает многие области права на субнациональном, национальном, региональном и международном уровнях. Поэтому одна из основных задач Комитета состоит в систематизации источников новой отрасли права путем анализа и кодификации решений международных организаций, международных и национальных судебных органов, актов универсального и регионального характера, затрагивающих прямо или косвенно вопросы охраны здоровья. На второй конференции Ассоциации в 2018 г. в Сиднее Комитет признал, что глобальное право в сфере охраны здоровья утвердилось в качестве новой отрасли международного права, несмотря на отсутствие четко сформулированных принципов регулирования¹². В докладе по итогам конференции подчеркивается, что глобальное право в сфере охраны здоровья не сопоставимо

с другими отраслями международного права, где сформировалось существенное количество актов универсального характера с согласованными объектом и целью.

В рамках формирования глобального права в сфере охраны здоровья в качестве самостоятельной отрасли международного права в 2019 г. была учреждена совместная Рабочая группа по Глобальному здравоохранению и праву Университета Джорджтауна и журнала «Ланцет», подготовившая доклад о роли национального и международного права в противодействии глобальным проблемам в сфере охраны здоровья [Gostin et al. 2019:1857–1910].

Несмотря на общую направленность научных исследований на обоснование закрепления понятия «глобального права здравоохранения», руководствуясь общепризнанными теоретическими основами науки международного права, необходимо сделать вывод о формировании международного права здравоохранения в качестве новой отрасли международного права, объединяющей международно-правовые нормы и принципы, регулирующие отношения субъектов международного права, а также иных участников международных отношений в сфере охраны здоровья человека.

6. Источники международного права здравоохранения

Определяя источники международного права здравоохранения как отрасли международного права, необходимо найти основные различия с упомянутой ранее концепцией глобального права здравоохранения. По мнению Б. Тобес, международное право в сфере охраны здоровья сформировано набором ограниченного числа актов обязательного и рекомендательного характера, принимаемых ВОЗ и региональными организациями в отношении противодействия распространению конкретных заболеваний или организации оказания медицинской помощи [Toebes 2015:299–328].

Глобальное право в сфере охраны здоровья затрагивает широкий спектр вопросов, в различной степени оказывающих влияние на здоровье общества, а также руководствуется документа-

¹² International Law Association: Sydney Conference "Global health law". 2018. URL: <https://frederickabbott.com/sites/default/files/draft%20ILA%20Global%20Health%20Law%20Committee%20Australia%20Biennial%20Report%2018%20June.pdf> (accessed 19.08.2021).

ми, разрабатываемыми участниками глобального управления здравоохранением, не являющимися субъектами международного права. Так, в публикации Л. Гостина и Б. Мейера сформулировано, что отличительной чертой глобального права в сфере охраны здоровья является стремление противодействовать новым угрозам в сфере здравоохранения, регулировать деятельность новых участников международных отношений и при этом руководствоваться «новыми нормами» [Gostin, Meier 2019: 788–793]. В частности, помимо актов мягкого права, принимаемых межправительственными организациями, одной из особенностей глобального права в сфере охраны здоровья является распространение и влияние международных стандартов и руководящих принципов, разрабатываемых различными негосударственными организациями. В качестве наиболее известного примера следует назвать стандарты регулирования обращения лекарственных средств и медицинских изделий, разрабатываемые Международной организацией по стандартизации (ISO), Международным советом по стандартизации технических требований к фармацевтическим препаратам для человека, Международным форумом регуляторов медицинского оборудования.

Для международного права в сфере охраны здоровья, как ни для одной другой отрасли международного права, характерно широкое обсуждение значения норм обязательного (*hard law*) и рекомендательного характера (*soft law*) в регулировании данной сферы. Необходимо отметить, что более чем за 70 лет существования ВОЗ, несмотря на наличие у нее согласно Уставу существенных нормотворческих полномочий, были приняты только два акта обязательного характера: Международные медико-санитарные правила (ММСП) и Рамочная конвенция по борьбе против табака (РКБТ). ММСП, принятые в 1951 г. и существенно пересмотренные в 2005 г., формировали перечень обязательных мер для противодействия распространению инфекционных заболеваний. РКБТ стала первым актом обязательного характера, направленным на обеспечение контроля курения табака как одного из основных факторов развития неинфекционных заболеваний.

Согласно ст. 23 своего Устава ВОЗ разрабатывает рекомендации, относящиеся к актам мягкого права, принимаемые в форме резолюции простым большинством членов ВОЗ. Вместе с тем отсутствие общеобязательности рекомен-

даций ВОЗ не означает, что подобные документы лишены управленческой силы. В качестве примера наиболее эффективных рекомендаций ВОЗ следует упомянуть Механизм обеспечения готовности к пандемическому гриппу, а также Международный свод правил по сбыту заменителей грудного молока 1981 г. и Глобальный свод правил найма медицинского персонала 2010 г.

В исследовании Ш. Секалы, посвященном роли норм мягкого права в глобальном здравоохранении, отмечается их важная роль в заполнении нормативных пробелов, а также на примере механизмов борьбы с малярией и туберкулезом подчеркивается потенциальная эффективность норм мягкого права по сравнению с актами обязательного характера [Sekalala 2017:317]. В структуре регулирования процессов глобального здравоохранения преобладают следующие акты мягкого права: кодексы, декларации и стратегии. Принимая во внимание, что многие международные договоры ожидают вступления в силу долгие годы, нормы мягкого права позволяют своевременно реагировать на возникающие угрозы и вызовы в различных сферах.

Согласно концепции международного права, в сфере охраны здоровья к источникам обязательного характера также следует отнести акты универсального и регионального характера, направленные на регулирование отдельных детерминант, воздействующих на состояние здоровья, принимаемые ООН, МОТ, ФАО, ВТО, Советом Европы и другими организациями.

В соответствии с Уставом организации, МОТ наравне с ВОЗ играет важную роль в регулировании вопросов охраны здоровья, в противодействии социальным и экономическим потерям, вызванным снижением производительности или утратой трудоспособности. Устав МОТ предполагает применение Рекомендаций и Конвенций в качестве основных инструментов в работе организации. Рекомендация является документом необязательного характера и согласно Уставу используется в ситуации, когда рассматриваемый предмет или его аспект не считается подходящим или уместным на тот момент времени для заключения Конвенции. Рекомендации часто носят более технический характер, чем Конвенции, и используются для дополнения соглашений либо для предоставления более подробной информации о содержании стандарта. Конвенция является документом обязательного характера и предполагает консенсус стран-участниц в отношении принимаемого документа, а также

последующую ратификацию. Одним из требований в отношении контроля за исполнением Конвенций является регулярное предоставление отчетов в Международное бюро труда, которые затем рассматриваются экспертами по правовым вопросам. На сегодняшний день в системе МОТ было принято около 190 Конвенций и 206 Рекомендаций.

На региональном уровне удалось добиться существенных достижений в отношении формирования актов обязательного характера для регулирования отдельных вопросов охраны здоровья граждан. В рамках Совета Европы следует упомянуть Конвенцию о разработке европейской фармакопеи 1964 г.; Конвенцию Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями 2011 г. (Конвенцию Медикрим), угрожающими здоровью населения; Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенцию о правах человека и биомедицине).

7. Предмет регулирования международного права здравоохранения

Сегодня нормы международного права в сфере охраны здоровья охватывают обширный спектр вопросов (сфера биомедицинской науки, клонирование человека, трансплантация органов, противодействие инфекционным и неинфекционным заболеваниям, контроль безопасности медицинских услуг, продуктов питания, средств медицинского применения в системе международной торговли, обеспечение доступа к технологиям здравоохранения, а также контроль над обращением сильнодействующих препаратов), подчеркивая значимость данной отрасли права для мира и безопасности, но вместе с тем приводя к уже упомянутой институциональной раздробленности и ограничивая возможность сфокусироваться на разработке актов универсального характера по наиболее при-

оритетным вопросам. Основываясь на докладах международных организаций, а также научных публикациях по данной тематике, можно выделить несколько основных вопросов в сфере охраны здоровья, регулируемых международным правом в сфере охраны здоровья.

В первую очередь необходимо подчеркнуть значение норм международного права в обеспечении безопасности здоровья (health security), являющейся составным компонентом концепции безопасности человека (human security). Обеспечение безопасности здоровья не ограничивается вопросами противодействия распространению инфекционных заболеваний, а также охраны здоровья населения в ходе вооруженных конфликтов [Harman 2012:200]. Неконтролируемые выбросы в окружающую среду, равно как использование различных инфекционных и биологических агентов представляют существенную угрозу безопасности каждого [Fidler, Gostin 2008:320]. В частности, ММСП обращает внимание на происхождение угроз, подчеркивая, что положения документа распространяются на их «естественное, случайное высвобождение или преднамеренное применение». В частности, в ст. 7 устанавливается, что независимо от происхождения или источника, которые могут создать чрезвычайную ситуацию в области здравоохранения, государства – участники ВОЗ передают организации всю соответствующую медико-санитарную информацию. Таким образом, в сферу ММСП попадают ситуации пандемий вследствие преднамеренного распространения вируса [Маличенко 2021:174–197].

Вторым важным направлением регулирования международного права в сфере охраны здоровья является формирование необходимых условий для реализации права на наивысший достижимый уровень здоровья. Как было неоднократно отмечено в Замечаниях общего порядка КЭСКП¹³, а также докладах Специального докладчика по праву на наивысший достижимый уровень здоровья¹⁴ и других документах между-

¹³ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам: Замечание общего порядка № 14. Доступ: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rescgencom14.html> (Дата обращения: 21.08.2021); Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам: Замечание общего порядка № 6. Доступ: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCESCR%2fGEC%2f6429&Lang=ru (Дата обращения: 21.08.2021)

¹⁴ См.: UN: Report of the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health, Anand Grover, on access to medicines dated May 1, 2013. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/RegularSession/Session23/A-HRC-23-42_en.pdf (accessed 18.08.2021); UN: Visit to Ecuador - Report of the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health dated June 5, 2020. URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/44/48/Add.1 (accessed

народных организаций, доступ к технологиям здравоохранения является важнейшим элементом реализации права на наивысший достижимый уровень здоровья, позволяя сдерживать распространение жизнеугрожающих заболеваний, увеличивая продолжительность жизни, снижая инвалидизацию населения. Пандемия COVID-19 продемонстрировала острую необходимость в формировании международно-правовых механизмов, обеспечивающих разработку и устойчивый доступ к технологиям здравоохранения. В качестве примера необходимо упомянуть Механизм обеспечения готовности к пандемическому гриппу (Pandemic Influenza Preparedness Framework), признающий принцип суверенных прав государств на их биологические ресурсы и значение коллективных действий для уменьшения рисков для общественного здравоохранения и устанавливающий основной целью обмен вирусами гриппа, обладающими пандемическим потенциалом, и обмен полученными данными и разработками.

Третьей обширной областью регулирования международного права являются вопросы взаимосвязи международных торговых процессов и охраны здоровья человека. Соглашения ВТО воздействуют на целый перечень стратегически значимых вопросов международной повестки в сфере охраны здоровья. В частности, положения Соглашения по санитарным и фитосанитарным мерам применяются для противодействия распространению антибиотикорезистентности; Соглашение ТРИПС играет существенную роль в обеспечении баланса интересов государства и производителей технологий здравоохранения¹⁵; Соглашение ГАТС применимо к отношениям, возникающим при оказании трансграничных медицинских услуг (медицинский туризм), использовании систем электронного здравоохранения¹⁶. Обеспечение баланса торговых интересов и приоритетов в сфере охраны здоровья является одним из важнейших элементов увеличения доступа к необходимым технологиям здравоохранения и, как следствие, достижения целей в области всеобщего охвата услугами здравоохранения.

8. Современные проблемы международно-правового регулирования сферы охраны здоровья

Последствия стремительного распространения коронавирусной инфекции, самой масштабной гуманитарной катастрофы наступившего столетия, стали индикатором системных проблем международного права в сфере охраны здоровья как отрасли международного права. Современные проблемы международного права в сфере охраны здоровья сформулированы в ряде докладов международных организаций, а также научных публикациях, посвященных анализу последствий коронавирусной инфекции для глобального здравоохранения. В частности, один из признанных экспертов Д. Фидлер отмечает, что сформировавшаяся система международно-правового регулирования оказалась не способна противодействовать COVID-19, справедливо обозначив задачу по проведению ее последовательного реформирования для обеспечения безопасности человека [Gostin, Habibi, Meier 2020:376–381].

Одной из первостепенных проблем, по мнению большинства экспертов, является преобладание актов мягкого права в регулировании вопросов охраны здоровья, что во многом обусловлено резистентностью ВОЗ к реализации своих обширных нормотворческих полномочий, определенных Уставом. Пандемия COVID-19, равно как и нарастающее бремя неинфекционных заболеваний, продемонстрировали необходимость подготовки акта универсального характера, закрепляющего основные принципы взаимодействия субъектов международного права и иных участников международных отношений при решении проблем глобального характера в сфере охраны здоровья. Предложения по разработке актов универсального характера фигурировали во многих аналитических докладах и научных публикациях последних лет. Среди основных предложений необходимо упомянуть конвенции, посвященные развитию научно-исследовательской деятельности в сфере здравоохранения, глобальному управлению в сфере здра-

18.08.2021); UN: Report of the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health - Expert consultation on access to medicines as a fundamental component of the right to health dated March 16, 2011. URL: https://ap.ohchr.org/documents/dpage_e.aspx?si=A/HRC/17/43 (accessed 18.08.2021).

¹⁵ The WTO Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS). URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips.pdf (accessed 19.08.2021).

¹⁶ General Agreement on Trade in Services (GATS). URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats.pdf (accessed 19.08.2021).

воохранения, противодействию инфекционным пандемиям.

Принимая во внимание стремительный рост числа инициатив в сфере охраны здоровья международного характера, выдвигаемых различными организациями, не являющимися субъектами международного права, но оказывающими существенное влияние на формирование международной повестки, открытым остается вопрос, можно ли рассматривать их в качестве стороны в международных спорах, а также привлекать к ответственности в соответствии с нормами международного права.

9. Заключение

За последние десятилетия изучению особенностей международно-правового регулирования сферы охраны здоровья было посвящено множество научных исследований, что послужило основой формирования ряда научных школ в различных регионах мира, создав фундамент для осмысления «международного права в сфере охраны здоровья» в качестве новой отрасли международного права. Несмотря на многообразие различных международно-правовых источников, воздействующих на регулирование вопро-

сов охраны здоровья, международные отношения в данной области испытывают потребность в подготовке акта универсального характера, позволяющего закрепить основные принципы международного права в сфере охраны здоровья и систематизировать взаимодействие всего многообразия участников глобального управления в сфере охраны здоровья. Пандемия COVID-19 лишь усилила данную потребность, что во многом определяет приоритеты работы как ученых-юристов, так и международных организаций на ближайшие годы.

Несмотря на продолжающуюся политическую напряженность на международной арене, Российская Федерация продолжает активно участвовать в решении глобальных проблем в сфере охраны здоровья, формируя повестку по ряду приоритетных вопросов. Признание сферы здравоохранения в качестве важного элемента обеспечения национальной безопасности и необходимости дальнейшего участия Российской Федерации в формировании международной повестки в данной сфере определяют потребность последовательного изучения особенностей международно-правового регулирования сферы охраны здоровья в научной работе ведущих отечественных правовых школ.

Список литературы

1. Маличенко В.С. 2021. Международно-правовые механизмы противодействия чрезвычайным ситуациям в сфере здравоохранения. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 1. С. 174–197. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.174.197
2. Мартенс Ф. Ф. 2014. *Современное международное право цивилизованных народов*. В 2 т. Т. 2. М.: Зерцало-М. 428 с.
3. Belangera M. 1989. The future of international health legislation. – *International Digest of Health Legislation*. Vol. 40. Issue 1. P. 1–8
4. Bettcher D., Yach D, Guindone G. 2000. Global trade and health: Key linkages and future challenges. – *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 78. Issue 4. P. 521–534.
5. Bjola, C., Kornprobst, M. 2011. *Arguing Global Governance: Agency, Lifeworld, and Shared Reasoning*. London: Routledge. 320 p.
6. Deutsch A. 1958. *The World Health Organization: its global battle against disease*. New York: Public Affairs Committee. 20 p.
7. Fidler D., Gostin L. 2008. *Biosecurity in the Global Age: Biological Weapons, Public Health and the Rule of Law*. Stanford: Stanford University Press. 320 p.
8. Finkelstein, L. S. 1995. What is Global Governance? – *Global Governance*. Vol. 1. No. 3. P. 367–372.
9. Gellert G.A., Neumann A.K., Gordon R.S. 1989. The obsolescence of distinct domestic and international health sectors. – *Journal of Public Health Policy*. Vol. 10. Issue 4. P. 421–424.
10. *Global Health Law*. Vol. 1. Ed. by G. Burci. 2016. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 1384 p.
11. Gostin L. 2014. *Global Health Law*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 541 p.
12. Gostin L., Meier B. 2019. Introducing Global Health Law. – *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. Vol. 47. P. 788–793. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073110519897794>
13. Gostin L.O. [et al.]. 2019. The legal determinants of health: harnessing the power of law for global health and sustainable development. – *The Lancet*. Vol. 393. P. 1857–1910. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)30233-8
14. Gostin L.O., Habibi R., Meier B.M. 2020. Has global health law risen to meet the COVID-19 challenge? Revisiting the International Health Regulations to prepare for future threats. – *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. Vol. 48. P. 376–381. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073110520935354>
15. Harman S. 2012. *Global Health Governance*. Abingdon: Routledge. 200 p.
16. Hoffman S., Cole C.B. 2018. Defining the global health system and systematically mapping its network of actors. – *Globalization and Health*. Vol. 14. Issue 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12992-018-0340-2>
17. Huynen M., Martens P., Hilderink H., 2005. The health impacts of globalisation: a conceptual framework. – *Globalization and Health*. Vol. 1. Issue 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-1-14>
18. *Law and Global Health. Current legal issues*. Vol. 16. Ed. by

- Freeman M., Hawkes S., Bennett B. 2014. Oxford: Oxford University Press. 662 p.
19. Lee K., Kamradt-Scott A. 2014. The multiple meanings of global health governance: a call for conceptual clarity. – *Globalization and Health*. Vol. 10. Issue 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-10-28>
  20. Martens P. [et al.]. 2010. Is globalization healthy: a statistical indicator analysis of the impacts of globalization on health. – *Globalization and Health*. Vol. 6. Issue 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-6-16>
  21. McMichael A., Beaglehole R. 2000. The changing global context of public health. – *The Lancet*. Vol. 356. P. 577–582. DOI: 10.1016/S0140-6736(00)02564-2.
  22. Mihajlov V.S. 1989. International health law: current status and future prospects. – *International Digest of Health Legislation*. Vol. 40. Issue 1. P. 9–28
  23. Ruger J. 2008. Normative foundations of global health law. – *The Georgetown Law Journal*. Vol. 96. Issue 2. P. 423–443.
  24. Sekalala S. 2017. *Soft Law and Global Health Problems*. Cambridge: Cambridge University Press. 314 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107278950>
  25. Taylor A. [et al.]. 2004. International Health Instruments: An Overview. – *Oxford Textbook of Public Health*. Ed by R. Detels [et al.]. 4th ed. Oxford: Oxford University Press. P. 359–386.
  26. Taylor A., Bettcher D. 2001. WHO framework convention on tobacco control: a global good for public health. – *Bulletin of the World Health Organization*. Vol. 78. No. 7. P. 920–929. DOI: 10.1590/S0042-96862000000700010
  27. Toebe B., 2015. International health law: an emerging field of public international law. – *Indian Journal of International Law*. Vol. 55. Issue 3. P. 299–328. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40901-016-0020-9>
  28. Walt G. 1998. Globalisation of international health. – *The Lancet*. Vol. 351. P. 434–437. DOI: 10.1016/S0140-6736(97)05546-3
  29. Weiss T., Ramesh T. 2010. *Global governance and the UN: an unfinished journey*. Bloomington: Indiana University Press. 448 p.
  30. Winslow C. 1920. The untilled fields of public health. – *Science*. Vol. 51. No. 1306. P. 23–33. DOI: 10.1126/science.51.1306.23.
  31. Yach D., Bettcher D. 1998. The globalization of public health II: The convergence of self-interest and altruism. – *American Journal of Public Health*. Vol. 88. Issue 5. P. 738–741. DOI: 10.2105/ajph.88.5.738
  5. Fidler D., Gostin L. *Biosecurity in the Global Age: Biological Weapons, Public Health and the Rule of Law*. Stanford: Stanford University Press. 2008. 320 p.
  6. Finkelstein, L. S. What is Global Governance? – *Global Governance*. 1995. Vol. 1. No. 3. P. 367–372.
  7. Gellert G.A., Neumann A.K., Gordon R.S. The obsolescence of distinct domestic and international health sectors. – *Journal of Public Health Policy*. 1989. Vol. 10. Issue 4. P. 421–424.
  8. *Global Health Law. Vol. 1*. Ed. by G. Burci. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2016. 1384 p.
  9. Gostin L. *Global Health Law*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 2014. 541 p.
  10. Gostin L., Meier B. Introducing Global Health Law. – *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2019. Vol. 47. P. 788–793. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073110519897794>
  11. Gostin L.O. [et al.]. The legal determinants of health: harnessing the power of law for global health and sustainable development. – *The Lancet*. 2019. Vol. 393. P. 1857–1910. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)30233-8
  12. Gostin L.O., Habibi R., Meier B.M. Has global health law risen to meet the COVID-19 challenge? Revisiting the International Health Regulations to prepare for future threats. – *The Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2020. Vol. 48. P. 376–381. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073110520935354>
  13. Harman S. *Global Health Governance*. Abingdon: Routledge. 2012. 200 p.
  14. Hoffman S., Cole C.B. Defining the global health system and systematically mapping its network of actors. – *Globalization and Health*. 2018. Vol. 14. Issue 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12992-018-0340-2>
  15. Huynen M., Martens P., Hilderink H., The health impacts of globalisation: a conceptual framework. – *Globalization and Health*. 2005. Vol. 1. Issue 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-1-14>
  16. *Law and Global Health. Current legal issues. Vol. 16*. Ed. by Freeman M., Hawkes S., Bennett B. Oxford: Oxford University Press. 2014. 662 p.
  17. Lee K., Kamradt-Scott A. The multiple meanings of global health governance: a call for conceptual clarity. – *Globalization and Health*. 2014. Vol. 10. Issue 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-10-28>
  18. Malichenko V.S. Mezhdunarodno-pravovyye mekhanizmy protivodeistviya chrezvychaynym situatsiyam v sfere zdoravookhraneniya [International Legal Mechanisms for Counteracting Health Emergencies]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2021. No. 1. P. 174–197. (In Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2021.1.174.197
  19. Martens P. [et al.]. Is globalization healthy: a statistical indicator analysis of the impacts of globalization on health. – *Globalization and Health*. 2010. Vol. 6. Issue 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1186/1744-8603-6-16>
  20. Martens, F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov. V 2 t. T. 2* [Contemporary international law of civilized nations. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Zertsalo-M Publ. 2014. 428 p. (In Russ.)
  21. McMichael A., Beaglehole R. The changing global context of public health. – *The Lancet*. 2000. Vol. 356. P. 577–582. DOI: 10.1016/S0140-6736(00)02564-2.
  22. Mihajlov V.S. International health law: current status and future prospects. – *International Digest of Health Legislation*. 1989. Vol. 40. Issue 1. P. 9–28
  23. Ruger J. Normative foundations of global health law. – *The Georgetown Law Journal*. 2008. Vol. 96. Issue 2. P. 423–443.

References

1. Belangera M. The future of international health legislation. – *International Digest of Health Legislation*. 1989. Vol. 40. Issue 1. P. 1–8
2. Bettcher D., Yach D., Guindone G. Global trade and health: Key linkages and future challenges. – *Bulletin of the World Health Organization*. 2000. Vol. 78. Issue 4. P. 521–534.
3. Bjola, C., Kornprobst, M. *Arguing Global Governance: Agency, Lifeworld, and Shared Reasoning*. London: Routledge. 2011. 320 p.
4. Deutsch A. *The World Health Organization: its global battle against disease*. New York: Public Affairs Committee. 1958. 20p.

24. Sekalala S. *Soft Law and Global Health Problems*. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 314 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781107278950>
25. Taylor A. [et al.]. *International Health Instruments: An Overview*. – *Oxford Textbook of Public Health*. Ed by R. Detels [et al.]. 4th ed. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 359–386.
26. Taylor A., Bettcher D. WHO framework convention on tobacco control: a global good for public health. – *Bulletin of the World Health Organization*. 2001. Vol. 78. No. 7. P.920–929. DOI: 10.1590/S0042-96862000000700010
27. Toebe B., *International health law: an emerging field of public international law*. – *Indian Journal of International Law*. 2015. Vol. 55. Issue 3. P. 299–328. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40901-016-0020-9>
28. Walt G. Globalisation of international health. – *The Lancet*. Vol. 351. 1998. P. 434–437. DOI: 10.1016/S0140-6736(97)05546-3
29. Weiss T., Ramesh T. *Global governance and the UN: an unfinished journey*. Bloomington: Indiana University Press. 2010. 448 p.
30. Winslow C. The untilled fields of public health. – *Science*. 1920. Vol. 51. No. 1306. P. 23–33. DOI: 10.1126/science.51.1306.23.
31. Yach D., Bettcher D. The globalization of public health II: The convergence of self-interest and altruism. – *American Journal of Public Health*. 1998. Vol. 88. Issue 5. P. 738–741. DOI: 10.2105/ajph.88.5.738

Информация об авторе**Владислав Сергеевич Маличенко,**

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34

vlad.malichenko@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3136-8054

About the Author**Vladislav S. Malichenko,**

Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow, Russian Federation, 117218

vlad.malichenko@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3136-8054

Senko PLICANIC

Faculty of Law, University of Ljubljana,
2, Poljanski nasip, Ljubljana, Slovenia, Si-1000
senko.plicanic@pf.uni-lj.si
ORCID: 0000-0002-0386-3595

HOW TO OVERCOME IMPOTENCE OF ENVIRONMENTAL LAW IN THE AGE OF ANTHROPOCENE: FOUNDATIONS OF ECOCENTRIC LAW

INTRODUCTION. *This scientific article discusses the reasons for inefficiency (“impotence”) of modern environmental law as a normative reaction to the “destruction of Nature”. The scope of the destruction of Nature has been broadening. The environmental protection law has thus not influenced the resurrection of “destroyed Nature”.*

MATERIALS AND METHODS. *Consistent with explanatory and theory-building research, the methods used are those of historical legal research as well as general scientific methods, such as analysis, synthesis, analogy, description, and deduction.*

RESEARCH RESULTS. *The essential reasons for the current excessiveness (intemperance) of man’s interaction with Nature (the reasons for the “destruction of Nature”) and/or reasons for the inefficiency of the modern environmental law should be sought for in the dominant anthropocentric cultural paradigm of the western cultures oriented towards an un-limited material progress. If anthropocentrism (exploitativeness) as the basis of human utilitarian interaction with nature has led to the “destruction of nature,” there is no doubt that the ecological reason remaining within the anthropocentric construction of Nature can not lead to its “resurrection”. Only the setting-up of the ecocentric construction of Nature may lead to the “resurrection” of Nature. This orientation must be followed by the norms of the western cultures. A new law of nature on*

the basis of the new, ecocentric ontology and ethics is therefore necessary.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In this article, the basics of a new ecocentric legal philosophy as the foundation of modern environmental law have been proposed. The scientific realisation of man’s equality in the network of co-dependent natural entities in the last decades shows man his initial position – that is his (equal) position in Nature. The determination of the rules of conduct which man must respect in interaction with Nature implies an expansion of the idea of law itself (justice and correctness) towards the interaction between man and Nature and not only the interaction within human community. Consequently, the economic interaction has to be maintained within the framework ensuring the vitality of other biotic communities. Also, incorporation of Nature in the very essence of law inevitably triggers a redefinition of legal values. The natural equilibrium, i.e., the equilibrium of life (including human life) becoming a legal value, we could speak of the expansion of the legal subject, i.e. the expansion of values which are the subject of legal protection. The initial position of the natural equilibrium addresses the issue of relationship of the new legal value towards the existing fundamental legal values of the western cultures. The enforcement of the maintenance of natural equilibrium may also demand a limitation of another legally protected value, for example,*

the right to the freedom of movement or some other human right. The new value, i.e., the maintenance of natural equilibrium, must be incorporated in the “contracts of statehood”, that is in the constitutions of the western countries as one of main legal values, next to “freedom”, “democracy” and “private property”. The entry of Nature in the western (legal) value system is a conditio sine qua non for an efficient change in the legal order and, most importantly, for a change in man’s attitude towards Nature in everyday’s life.

KEYWORDS: *inefficiency of modern environmental law, anthropocentrism, ecocentrism, expansion of the*

idea of law, ecocentric legal philosophy, redefinition of legal values, natural equilibrium as a basic and common legal value

FOR CITATION: Plicanic S. How to Overcome Impotence of Environmental Law in the Age of Anthropocene: Foundations of Ecocentric Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No.4. P. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-21-39>

The author declares the absence of conflict of interest.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-21-39>

Сенко ПЛИЧАНИЧ

Факультет права, Университет Любляны,
Полянская насыпь, д. 2, Любляна, SI-1000, Словения
senko.plicanic@pf.uni-lj.si
ORCID: 0000-0002-0386-3595

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 22.05.2021
Принята к публикации: 01.11.2021

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ БЕССИЛИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА: ОСНОВЫ ЭКОЦЕНТРИЧНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Данная научная статья посвящена причинам неэффективности («бессилия») современного экологического права как ответа нормативной системы на «уничтожение Природы». Масштабы разрушения природной среды увеличиваются. Следовательно, право охраны окружающей среды не смогло привести к возрождению «уничтоженной Природы».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В соответствии с принципами объяснительных и теоретических исследований, автор статьи применял исторический метод юридической науки, а также такие

общенаучные методы познания, как анализ, синтез, аналогия, описание и дедукция.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Существенные причины чрезмерности (неумеренности) во взаимодействии человека и природы (причины «уничтожения Природы») и/или причины неэффективности современного экологического права следует искать в преобладающей антропоцентричной культурной парадигме западных стран, ориентированных на безграничный материальный прогресс. Поскольку антропоцентризм (эксплуататорское мышление) как основа человеческого

утилитаристского взаимодействия с окружающей средой привел к «уничтожению Природы», не вызывает сомнений, что экологическое мышление в рамках антропоцентричной трактовки Природы не может привести к ее «возрождению». Только принятие эгоцентричной трактовки Природы может привести к ее «возрождению». Западные государства должны следовать этому направлению в своем законодательстве. Таким образом, необходимо новое право охраны природы, основанное на новой, эгоцентричной онтологической и этической философии.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В настоящей статье выдвинуты начала новой эгоцентричной философии права как основы современного экологического права. Научные формы реализации равенства индивидов в системе созависимых природных образований в последние десятилетия позволяют выявить исходное положение человека в мире – то есть, (равное) по отношению к Природе. Определение правил поведения, которым должен следовать человек в своем взаимодействии с Природой, подразумевает распространение идеи права как таковой (справедливости и правильности) на взаимодействие между человеком и природой, а не только на взаимодействие людей в обществе. Следовательно, экономическая деятельность должна осуществляться в правовых рамках, обеспечивающих жизнеспособность иных природных общностей. Также включение Природы в концепцию права неизбежно влечет за собой пересмотр правовых ценностей общества. Поскольку природный баланс, то есть баланс жизни (в том числе, человеческой) становится правовой ценностью, можно говорить о расширении предмета правового регулирования, то есть расширения круга ценностей, которые

подлежат правовой защите. Постановка вопроса о природном балансе затрагивает проблему соотношения новой правовой ценности и существующих базовых правовых ценностей западных стран. Правовая защита природного баланса может также потребовать ограничения иных защищаемых правом ценностей, например, права на свободу передвижения или каких-либо иных прав человека. Положения о новой ценности – поддержании природного баланса – должны быть включены в «общественные договоры о государственности», то есть в конституции западных государств как одна из главных правовых ценностей наряду со «свободой», «демократией» и «частной собственностью». Включение Природы в западную систему (правовых) ценностей является *conditio sine qua non* действительного изменения правопорядка и, что наиболее важно, отношения человека к Природе в его повседневной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неэффективность современного экологического права, антропоцентризм, эгоцентризм, распространение концепции права, эгоцентричная философия права, пересмотр правовых ценностей, природный баланс как базовая и общая правовая ценность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пличанич С. Как преодолеть бессилие экологического права в эпоху антропоцена: основы эгоцентричного права. – *Московский журнал международного права*. 2021. No. 4. С. 21–39. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-21-39>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

1. Introduction

The purpose of this article is to analyze the reasons for the ineffectiveness of modern environmental law and on this basis to propose the legal and philosophical foundations of the new environmental law. The essential reasons for the current excessiveness (intemperance) of man's interaction with Nature (the reasons for the “destruction of Nature”) and/or reasons for the inefficiency of the modern environmental law should be sought for in the dominant anthropocentric cultural paradigm of the western cultures oriented towards an

unlimited material progress. This article thus analyzes the foundations of new ecocentric legal philosophy. This approach is original at the global level and is important at both the theoretical and applied levels. The new ecocentric legal philosophy should become the foundation of modern environmental law

2. “Impotence” of the modern environmental protection law

In the past decades the awareness of the necessity to “legislate temperance” [Hardin 1968] in hu-

man (economic) interaction¹ with Nature has been heightened. The inefficiency and/or “impotence” [Eder 1996] of the normative reaction to the “destruction of Nature” [Merchant 1980], i.e., the development of the environmental law in the second half of the 20th century is becoming increasingly evident. The scope of the destruction of Nature has been broadening. The environmental protection law has thus not influenced the resurrection of “destroyed Nature” [Ponting 1993].

Thanks to the scientific findings in the last few centuries concerning man's co-dependent and equivalent centrality in the “cosmic network” of biotic natural entities², the main levers which have brought about the destruction of Nature and are at the same time the main reasons for the inefficiency and/or “impotence” of the environmental protection law have become increasingly prominent.

The essential reasons for the current excessiveness (intemperance) of man's interaction with Nature (the reasons for the “destruction of Nature”) and/or reasons for the inefficiency of the current normative interference (i.e., the environmental protection law) should be sought for in the dominant anthropocentric cultural paradigm³ of the western cultures oriented towards an un-limited material progress in the age of Anthropocene [Charting...2019:3-4]⁴.

The morality “controlling” man's interaction with Nature has remained unchanged, i.e., utilitarian⁵. The “ecological reason” stems from the belief that man's exploitation of nature has gone too far and hence is in favour of limitation and prevention of nature pollution and of a more rational exploitation of nature. The implementation of the ecological reason leads therefore to a more rational exploitation; however,

¹ The direct subject of the law is the interaction between man and Nature. The interaction is twofold: spiritual, on the one hand, and material, on the other hand, (the use of Nature and waste disposal). Within the latter, economic interaction is specially important. Economic interaction is instigated by the desire to meet man's needs, whilst from the point of view of Nature and/or natural equilibrium it burdens the environment. It covers utilitarian interaction (to meet man's needs, in particular, energy needs) and waste disposal (in the broader sense) and nowadays (mostly industrial waste), i.e., pollution.

² The findings of quantum physics (W.Heisenberg, N. Bohr, G. Chew et al.) and other nature sciences (H. Maturana, F. Varela et al.) reveal the co-dependence and equivalence of all natural entities including man. We should call the reader's attention to the knowledge which for millennia has been accessible to other cultures (Australia's “aborigines,” the North-American Indians). At the same time, this knowledge could be traced back to the very threshold of the western cultures to the time before Socrates. The western civilisation needed two thousand and five hundred years to acquire the knowledge which other cultures have had since the beginning. The path to this knowledge has been paved with the destruction of Nature and the destruction of most of these “primitive” cultures. The West is increasingly aware that the tradition of these “primitive” cultures which it has been destroying with such thoroughness contains human knowledge amassed through millennia (according to the latest anthropological and archaeological research, the history of Australia's “aborigines” has continued uninterrupted for 80,000 years - Dreamtime) of the norms of human behaviour, ensuring harmony between human needs and Nature, to which man also belongs. It is a well-known fact that one of the key characteristics of the non-European “non-civilised” cultures (one of the fundamental criteria of civilisation was the scope of “cultivation” (exploitation) of Nature) has been environmental sensibility. This knowledge must, therefore, be incorporated in human culture. To paraphrase Bacon, knowledge is power, but not the power to destroy and to dominate Nature, but power to re-introduce harmony (equilibrium) with Nature.

³ The expression “paradigm” originates in the ancient Greek (“paradeigma”) and means a “model”, “pattern”. The notion of “paradigm” should be understood in this essay as a combination of beliefs, perceptions and values which form a certain conception of reality in science, philosophy, and in society and/or culture in general. For more detail on scientific paradigms see [Kuhn 1962].

⁴ “The Anthropocene is characterised by a state change in the Earth system. The Earth system encompasses the interconnected natural cycles and interacting biophysical and chemical processes of our planet. The state change observed in the onset of the Anthropocene refers to the disruptions to the Earth system which have moved the planet's physical, biological and chemical systems beyond the stable functioning observed in the Holocene. The Holocene began approximately 11,700 years ago and provided the conditions for human societies to flourish. It is the geological time period that preceded the Anthropocene. The Holocene encompassed most of the history of humanity and was characterised by rapid growth of human populations across the planet. The stable functioning of Earth's life support systems, characteristic of the Holocene, are being increasingly disrupted. Though human influence of the Earth system has occurred over centuries, it is only recently that anthropogenic activities have had a significant impact on the structure and function of this system. The expression ‘Anthropocene’ was first proposed at the start of the new millennium. Despite its conceptual foundations in geology, it has come to encompass a range of geological, ecological, sociological and anthropological changes in the Earth's recent history. References to the Anthropocene are increasingly found across a range of disciplines. The term has come to encapsulate the unprecedented planetary-scale changes caused by anthropogenic activity) and the novel challenges and opportunities which come about from appreciation of these changes; and the new thinking required to successfully navigate global environmental change” [Charting ...2019:3-4].

⁵ The use value of Nature is therefore quintessential: “Nature is perceived and experienced as an object of human needs” [Eder 1996:VII].

man's interaction with Nature continues to remain destructive (exploitative).

The spiritual background of environmental protection law is comparable to the spiritual background of the first legal norms which limited industrial pollution (before the "environmental explosion" of the '60s)⁶. The spiritual background of both is anthropocentric – there is no shift in the comprehension of Nature which continues to be understood instrumentally, i.e., as "environment" for the use of man and has to be kept clean or in some other way befitting man's comfort and health [Tarlock 1988:34; Eder 1996:123; Ortolano 1997:65, Dryzek 1997:75; Charting ...2019:1-3; Kotzé 2019:2-6].

"Ecological rationality"⁷ which has encouraged the formation of the environmental law has preserved its anthropocentric nature. The *telos* of the environmental law is not the transformation of unlimitedness (exploitativeness) of the utilitarian (and in general burdensome) interaction with nature, but merely the formation of "safety mechanisms" for the purpose of the protection of human health and comfort.

In terms of such premises, the "impotence" of the environmental law is logical, i.e., no improvement is noticeable in the "environment;" on the contrary, the scope of the destruction of Nature is broadening.

If anthropocentrism (exploitativeness) as the basis of human utilitarian interaction with nature has led to the "destruction of nature," there is no doubt

that the ecological reason remaining within the anthropocentric construction of Nature can not lead to its "resurrection". Only the setting-up of the ecocentric construction of Nature may lead to the "resurrection" of Nature⁸.

This orientation must be followed by the *nomos*⁹ of the western cultures. A new law of nature on the basis of the new, ecocentric ontology and ethics is therefore necessary¹⁰.

3. From the anthropocentric to the ecocentric (philosophical) construction of Nature – creation of a new (ecocentric) "philosophy of nature"

In the last decades, the issue of a redefinition of the relationship between man and Nature has become an increasingly important philosophical issue also within the western philosophy which has throughout its history been predominantly anthropocentric (and anthropomorphic)¹¹.

A "new philosophy of nature"¹² incorporating the ecological awareness¹³ is arising also from the western philosophical tradition, i.e., from the pre-Socratic philosophy [Philosophy...1994:157-167] which was relegated to the "dustbin of history" with the advent of "homo mensura" and the ensuing anthropomorphizing of the western philosophical thought.

The entrapment of the western civilisation in the ontological duality of the (anthropomorphic) spirit

⁶ These are legal norms established before the creation of the environmental law at the time of the "industrial revolution".

⁷ This expression is used by Eder, who wishes to emphasise the rationalist (Cartesian) basis of the environmental law. "When we speak of ecological reason we mean that the exploitation of nature has gone too far and that the pollution of nature must be limited. If we were to follow only this rationality, that would indeed make our exploitative interaction with nature more rational, but it would remain an exploitative way of interacting with nature" [Eder 1996:VII].

⁸ Kotzé's starting point in his article is similar: "Law has failed to address the ever-deepening socio-ecological crisis of the Anthropocene. In the light of, and as a response to, law's failures in this respect, in his article he argues in support of developing a new legal paradigm for the Anthropocene epoch called Earth system law" [Kotzé 2019].

⁹ *Nomos* is understood as a normative social system of the western cultures, whereby the rules of behaviour are characterised by the attribute of lawhood. In the western cultures *nomos* is a synonym for legal rules governing behaviour. Their content depends on the context defined by the legal and political philosophy and/or the spiritual framework of a certain culture as the "ideological" superstructure of *nomos*.

¹⁰ The term "environmental law" connotes a set of legal norms governing man's communication with other cosmic phenomena (nature) – thus determining the rules of behaviour towards other biotic communities which, together with the norms regulating human private interaction and norms regulating social interaction, i.e., norms regulating man's social and political character, represent the "human" *nomos*, the "human formula" [Kaufmann 1994].

¹¹ The issue of relationship between man and other natural entities received minimal attention within the established modern western philosophy. Within the framework of this essay it is not possible to examine in more detail certain exceptions. Of the modern philosophers "stricto sensu" we should only mention Heidegger (his philosophical ecocentrism is explored in more detail by Zimmerman in [Zimmerman 1994: 91-150]; of considerable interest is also Levi-Strauss's ecocentric "practical philosophy" [Lévi-Strauss 1992]. Nietzsche and Bergson also indirectly opposed the rationalist anthropocentrism [Zimmerman 1994:57-91].

¹² The established term is "Environmental Philosophy".

¹³ The "secular" awareness and not the philosophical awareness "stricto sensu" is meant here, created at the time of "destruction of Nature" and encouraged by the scientific findings and traditions of other cultures.

and matter which has placed man on the pedestal, at the crown of creation, and made him the master of the universe, has not been questioned, not even by Kant, who is well known¹⁴ for solving another dualist issue of the West (epistemological dichotomy between reason and experience)¹⁵.

In conjunction with the new ontology and the new ethics, the “new philosophy of nature” represents one of the key starting points for the transformation of *nomos*, i.e., a transformation of new legal and political philosophy and thus also new (instrumentalised) law of nature.

In view of the centrality of *nomos* in the western cultures, its very transformation is quintessential for the enforcement of the ecocentric social construction of nature. The transformation of *nomos* means the transformation of the system¹⁶ which regulates the behaviour of man at the everyday level, i.e., the normative legal system.

In terms of the “status of Nature,” the current “ecologisation” of *nomos*¹⁷ connotes in particular the creation of obstacles and constraints of human interaction with Nature. The measure for human interaction with Nature is the maintenance of natural equilibrium.

The “resurrection” of environmental awareness in this century has triggered different approaches to the philosophical construction of nature.

The ecological situation at the turn of the 20th century¹⁸ triggered (first in the USA) the beginning of ecological anthropocentric awareness¹⁹. The criterion adopted in this approach to the issues of the “destruction of Nature” is the criterion of human health and comfort which necessitates the cleaning of the environment and a more careful exploitation of natural resources²⁰. The philosophical framework for this approach is still Cartesian, issuing from the anthropocentric ontology and utilitarian ethics.

This (philosophical) approach represents the baseline for the dominant political and legal construction of Nature, i.e., “environmental protection”²¹.

At the same time, the ecological impulse spurred (again first in the USA) the creation of the ecological ecocentric awareness²², which rejects the anthropocentric construction of nature and takes into account the new scientific developments, giving rise to a new, ecocentric ontology and ethics. From the ontological point of view, man's place is in Nature, as an equivalent and co-dependent part of Nature.

¹⁴ When he argued that it is not possible to cognise objectivity only through the faculty of mind (on the basis of reason and senses). Reason does not cognise things “per se”, as they are “in reality”, but only as they “appear” through the medium of senses (experience). As reason is not able to see, only sensual and experiential objects are given, i.e., “phenomena” of objects (objectivities). Reason may not penetrate “noumena”, “things in themselves”, i.e., the objectivity itself. It is not capable of “penetration” (in the sense of spiritual-intellectual gaze), but is merely the faculty of thinking the object of the sensuous gaze. It is only capable of synthesising the varied, contained in the sensuous gaze, into a notion. Reason thus processes and shapes only that which is transmitted by senses, i.e., phenomena. The cognisant use of rational notions does not refer to the reality per se, but to its phenomena: the objects of possible experience. There can be no a priori knowledge except of objects of possible experience [Kaufmann 1994:85-86].

¹⁵ If we accept Kaufmann's interpretation of the connection between the dominant orientation of philosophy with the actual (ecological) circumstances of individual periods [Kaufmann 1994: 27-32], Kant was primarily concerned with epistemological issues i.e. the issues of cognition of reality, because he lived in a period of transition. The fundamental philosophical issue at a “time of doubt and mistrust” [Kaufmann 1994:28] is the following: How to arrive at the knowledge of the “external world” from my awareness? This means: How can I know anything? What is at stake here is not a thing, object, entity, but an awareness, a method. What can easily happen is what Goethe reproached Kant's philosophy at one point, namely, that it no longer arrives at the object [Kaufmann 1994:29].

¹⁶ This is the incorporation of the systemic ecocentrism in the western cultures.

¹⁷ The “ecologisation” of *nomos* implies the incorporation of new ontology and ethics into a legal value system.

¹⁸ The “destruction of Nature” as a result of intense development of “industrie”. For “state of Nature” at the turn of the 20th century see [McCormick 1995:1-20; Ponting 1993:346-393].

¹⁹ This is so-called “shallow ecology”. “Shallow ecology is anthropocentric, or human-centred. It views humans as above or outside of nature, as the source of all value, and ascribes only instrumental, or “use” value to nature” [Capra 1997:7].

²⁰ Whilst the approach of “cleaning up the environment” can not be incorporated in a philosophical context, the approach of “rational” exploitation of natural resources is connected with the “conservation philosophy”, which is usually linked in literature to the name of Gifford Pinchot, a well-known forestry expert from the USA from the beginning of the 20th century.

²¹ Environmental protection” is an approach dealing mostly with the issues of pollution, which it approaches from the point of view of anthropocentric construction of nature. It sees man as the master of nature and the issue of “destruction of nature” as merely the issue of the pollution of his environment. Such approach does not perceive the issue of the “destruction of Nature” as a deeper problem of man's un-limited interaction with all forms of Nature and not only man's environment.

²² This is so-called. “preservation philosophy”, personified at the level of “practical philosophy” by John Muir and Aldo Leopold and at the level of philosophy “stricto sensu” by Henry David Thoreau and Ralph Waldo Emerson. See also [McCormick 1995:1-26; Natural Resources Policy 1993:162-182].

This ecocentric ontology has also given rise to the ecocentric ethics which imposes on man a respectful interaction with other natural entities preserving the natural equilibrium²³.

The above approach is the departure point for the further development of ecocentric philosophy of nature²⁴. The key philosophical orientation is the philosophy of “deep ecology” [Law and the Environment...1997:91-96; The Politics...1997:61-71].

Together with the already mentioned ecocentric ontology²⁵ and ethics²⁶, one of its basic premises is the “naturalness”²⁷ of man's (material) interaction with other natural entities [Tarlock 1988:179-181]. However, man's centrality in Nature and man's co-dependence and connectedness with other natural entities demand a respect for the limitations of the natural equilibrium [Foundations...1997:39-44]²⁸; which also connotes an enframing of the current unlimitedness of human interaction with Nature and/or satisfaction of human (material) needs within the constraints of the natural equilibrium²⁹.

The philosophy of “deep ecology” stems, therefore, from a redefinition of the progressiveness of human development, in particular, the orientation of the western cultures into un-limited material

progress. It implies, therefore, a redefinition of the “functioning economy” of western cultures [Fredericks 2014:24].

The new “philosophy of nature”³⁰ has been gradually gaining ground since its initial position of “counterculture” [Zimmerman 1997:91-150] and has become increasingly prominent within the established western philosophy [Philosophy... 1994:38]. It represents a philosophical departure point for a new, ecocentric paradigm [Capra 1997:6]. This discussion, however, stresses its political operationalisation, comprised in the concept of “sustainable development,” which is the basis for the transformation of western cultures.

3. The concept of “sustainable development” and the necessary formation of “systemic ecocentrism” of the western cultures (premises of ecocentric legal and political philosophy)

The ecological situation, on the one hand, and the increasing scope of ecocentric ecological awareness, on the other hand, led to a global political agreement at the turn of the century in the form of the principle of sustainable development³¹.

²³ “A thing is right when it tends to preserve the integrity, stability, and beauty of the biotic community. It is wrong when it tends otherwise” [Law and the Environment...1997:4]. Regarding the issue of ecocentric ethics, i.e., ethics which emanates from man's co-dependence and connectedness with other biotic communities (i.e., ecocentric ontology) and commands a respectful interaction with Nature, the question of motive of the ecocentric ethics arises. Why should I show respect for other biotic communities? The motive may be heteronomous and I show respect because I realise that I endanger myself if I continue the exploitative interaction. In this case, Nature only has instrumental value. Nevertheless, this approach represents significant progress in comparison with the anthropocentric ecological ethics. Whilst only imposing the protection of man's environment, the ecocentric ecological ethics with its heteronomous motive refers to the maintenance of the equilibrium of biotic communities, or Nature as a whole, that I show respect because other parts of Nature have intrinsic value – they are a value in themselves apart from the importance they carry for man.

²⁴ At the level of legal construction of nature this approach influenced the formation of the legal category of “nature values” – national parks, first in the USA at the turn of the 20th century.

²⁵ “Human species, along with all other species, are integral elements in a system of interdependence such that the survival of each living thing, as well as its chances of faring well or poorly, is determined not only by the physical conditions of its environment but also by its relations to other living things. (...) Humans are not inherently superior to other living things, they are members of the Earth's Community of Life in the same sense and on the same terms in which other living things are members of that Community” [Foundations...1997:29-30].

²⁶ “Human use of the environment should not be destructive but should enhance the diversity, integrity, stability, and beauty of the biotic community. Individual plants and animals used by humans should be thoughtfully selected, skilfully and humanely dispatched and carefully used so as to neither waste or degrade them” [Earthly Goods...1996:61-62].

²⁷ Unlike certain extreme approaches, “inspired” by Leopold's ethics and the “state of Nature” at the beginning of the 20th century, advocating the approach “let nature be nature” or striving for extreme limitations of human interaction with Nature.

²⁸ Revezs defined natural equilibrium is as the limit of human interaction with other natural entities, whereby the natural equilibrium defines the equilibrium of life of all biotic communities. Such is the prevailing approach. There are, however, more radical approaches where the ecocentric ethics claims respect for individual members of other biotic communities and also – the respect for “non-life”, i.e., non-living parts of Nature.

²⁹ “Richness and diversity of kinds of living beings have intrinsic or inherent value. Humans have no right to reduce this richness and diversity except to satisfy vital human needs” [The Politics...1997:65].

³⁰ Or the “ecosophy” (philosophy of ecological harmony). See also in Slovene philosophy [Hribar 1991:11-16].

³¹ Declaration of the UN Conference on Environment and Development of 12 August 1992. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_CONF.151_26_Vol.I_Declaration.pdf (accessed 12.05.2021).

The principle of sustainable development (with its goals – i.e. Sustainable Development Goals: SDG³²) is understood as a political operationalisation of the ecocentric ecological awareness³³. It is understood, therefore, as an approach requiring humankind to adapt their interactions in conjunction with other biotic communities to the basic “law of Nature”, i.e., inter-connectedness of all natural entities³⁴. In this context, the preservation of a balanced state of Nature (all biotic communities) is essential. With regard to the centrality of the (un-limited) material progress, the adjustment of the production process of material goods is therefore essential, i.e., the adjustment of economy. It should be emphasised that this is not the principle of “zero growth”³⁵, but a principle of adjustment of material progress (development) to the constraints of natural equilibrium³⁶. In reference to the existing excessiveness of the economic interaction with Nature [Richardson 2012:56], the current

adjustment implies, of course, a limitation of the economy.

As an inter-national political agreement³⁷, the principle of sustainable development has a twofold meaning. Firstly, it is a political and social programme of cultural transformation of human communities all over the planet. And secondly, with regard to the actual social organisation of man (national states) it must be suitably incorporated within the individual social systems, providing therefore a relevant framework for the transformation of law. When incorporating the principle of sustainable development into legal order, the pervasiveness of anthropocentrism in all segments of the western cultures needs to be taken into account³⁸. The ontological and ethical orientation of the said principles does not have its “roots” in the existing (legal) value system and/or established western legal and political philosophy³⁹. The western legal philosophy has not included other natural enti-

³² Sustainable Development Goals are: 1. End poverty in all its forms everywhere, 2. End hunger, achieve food security and improved nutrition, and promote sustainable agriculture. 3. Ensure healthy lives and promote well-being for all at all ages, 4. Ensure inclusive and equitable quality education and promote lifelong learning opportunities for all, 5. Achieve gender equality and empower all women and girls, 6. Ensure availability and sustainable management of water and sanitation for all, 7. Ensure access to affordable, reliable, sustainable and modern energy for all, 8. Promote sustained, inclusive and sustainable economic growth, full and productive employment and decent work for all, 9. Build resilient infrastructure, promote inclusive and sustainable industrialization, and foster innovation, 10. Reduce income inequality within and among countries, 11. Make cities and human settlements inclusive, safe, resilient, and sustainable, 12. Ensure sustainable consumption and production patterns, 13. Take urgent action to combat climate change and its impacts by regulating emissions and promoting developments in renewable energy, 14. Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources for sustainable development, 15. Protect, restore and promote sustainable use of terrestrial ecosystems, sustainably manage forests, combat desertification, and halt and reverse land degradation and halt biodiversity loss, 16. Promote peaceful and inclusive societies for sustainable development, provide access to justice for all and build effective, accountable and inclusive institutions at all levels, 17. Strengthen the means of implementation and revitalize the global partnership for sustainable development. UN General Assembly: Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 “Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development”. URL: <https://undocs.org/A/RES/70/1> (accessed 12.05.2021).

³³ Such an approach is crucial. Dick Richardson in his in-depth study of the concept of “sustainable development” calls attention to some of his anthropocentric predecessors (Brundtland Commission Report, Our Common Future). “Our Common Future not only emphasised that economic growth was still an objective of human society, but also advocated a five or even tenfold increase in world manufacturing output. It accepted the Western development paradigm and profligate Western lifestyle as a model for the industrialising world. Ecological sustainability was not seen as primary in the policy-making process, but rather as only one of a number factors” [Richardson 2012:52]. That is why the necessity of incorporation of the concept of “sustainable development” in ecocentric framework should be emphasised.

³⁴ To achieve its goals this transformation (from Anthropocene - i.e. anthropocentric orientation of modern society to its ecocentric orientation) is essential. Namely: anthropocentric orientation of modern society (together with the dominant belief un-limited material progress) is the main reason for their present state of environment.

³⁵ This was proposed by the Club of Rome [Meadows, Randers, Meadows 2004].

³⁶ The implementation of the principle of sustainable development is therefore connected with the definition of the “natural equilibrium”. In Slovenian law, the natural equilibrium is defined in Article 3 of the Nature Protection Act as a state of mutually balanced relations and influences of living beings among themselves and their habitats. Under the law the natural equilibrium is upset if human activity destroys a biocenosis in terms of quantity or quality; if it encroaches on or destroys the habitats of plant or animal species or affects the proper functioning of ecosystems; if it interrupts the mutual connection between individual ecosystems or causes a significant isolation of certain populations.

³⁷ Similarly, Correa and Venâncio argued in their article [Charting...2019: 53-54] that International Environmental Law Needs a New Paradigm, which was established as a “sustainable development principle” and should be further developed as global pact for the environment.

³⁸ K. Eder ascertains that the pervasiveness of anthropocentrism in the western cultures practically “pushes” us into the exploitation of nature. [Eder 1996: VII].

³⁹ One of the quintessential values of the western cultures is the material progress and/or the satisfaction of material needs. This value is directly connected with the exploitative and/or anthropocentric attitude of man towards other natural entities.

ties in the quest for the “human formula” [Kaufmann 1994:134].

From the ecocentric ontology, i.e., co-dependent position of man in “ecological community” [The Ecological Community...1997] issue the rules of behaviour, i.e., ethical norms, with the following essential commandments: show respect for other natural entities, treat them with respect and satisfy own personal (material) needs within the limits of the natural equilibrium. When other natural entities are being used (to meet own needs) the limit determined by the natural equilibrium must never be overstepped. The basic value of the nascent culture is the maintenance of the natural equilibrium; its implementation necessitates a limitation and/or adjustment of one of the key existing values – material progress and/or un-limitedness in satisfaction of material needs. The limitation is necessary because the un-limitedness of the material progress has brought about the destruction of Nature. Man must return within the boundaries set by the natural equilibrium.

The oppositeness of the above mentioned values is manifest: on the one hand, there is unlimited exploitation of nature generated by the tendency towards an un-limited material progress and, on the other hand, the need for the adjustment of the use of Nature and/or the adjustment of satisfaction of material needs to the constraints of the planet and/or Nature, i.e., constraints defined by natural equilibrium. However, this is not the oppositeness between the value of the material progress itself and the value of the preservation of natural environment. The oppositeness relates to the un-limitedness of material progress, i.e., the un-limitedness and/or exploitativeness of human interaction with Nature.

It has to be established that despite the “break-through” of the issues of the relationship between man and other natural entities from the margins of philosophy (“counterculture”) in the last decade⁴⁰,

Nature continues to be ignored in the dominant contemporary legal philosophy and social theory (political philosophy) regardless of the ideological or philosophical origin.

Regardless of the possible reasons for such ignorance, this stance, today, when these issues have become global political issues can not be explained otherwise than by entrapment within the context of anthropocentric orientation of the western culture.

Man's “descent” into Nature implies, therefore, a value system which has “no roots”⁴¹ in the western cultures. In other words, in the actual established legal and political philosophy as the “ideological superstructure” and the starting point of the positive law and the state, the central position is taken by man and just satisfaction of man's material needs, whilst Nature (natural equilibrium) remains “outside the door”.

The successful transformation of law and/or its effectiveness (influencing the change in the treatment of other parts of nature in everyday life) is therefore directly related to the incorporation of values introduced by the new awareness in a (legal) value system of the western cultures. The first step of the transformation of law is therefore the ecologisation of legal philosophy⁴².

4. Discussion and Conclusion:

The foundations of ecocentric legal philosophy

Nomos is understood as the normative social system of the western cultures, whereas the rules of behaviour are characterised by the attribute of lawhood. In the western cultures, nomos is thus the synonym for legal rules governing behaviour. The content of these rules depends on the context determined by the legal and political philosophy and/or the spiritual framework of a certain culture as the “ideological” superstructure of nomos.

⁴⁰ “Until recent decades, most western thinkers and traditions have been silent about the evolving rape of nature and its consequences for humanity. (...) An occasional Romantic poet, a tradition of conservationism very much outside of mainstream social and ethical theory, early (largely ignored) glimmerings in Heidegger and the Frankfurt School (...) - these exceptions prove a rule of profound intellectual blindness. Theorists for the most part took it for granted that how humanity treated the nonhuman world was not a serious problem” [The Ecological Community... 1997:X].

⁴¹ “Environmental Law is entering a critical phase because environmentalism is at a turning point. The real debate about how environmental considerations should be integrated into the economic and social order is just beginning. The next debate will be centred around the forthcoming re-evaluation of the core legislation of the environmental decade” [Natural Resources Policy... 1993:53].

⁴² Only a few authors have dealt with some aspects of this topic so far. In recent years Vito de Lucia in his article outlines some starting points for an ecological philosophy of law. See Vito de Lucia, 2013. Sara de Vido in her article proposes an eco-centric approach to International Law and outlines some of its basic principles. See: [de Vido 2021]. In this article, this topic is addressed *comprehensively* - in it I propose *the foundations of an ecocentric legal philosophy*.

The nomos of the western cultures has ever since the mentioned turning point of the “homo mensura”⁴³, i.e., the separation between humanity and nature, lost touch with the “law of Nature” (nomos theios) and has become the “property” of man - “human law” (anthropeioi nomos) [Kelley 1990:31-33; Sinha 2006:18-22]. In the history of the western civilisation, the idea of law⁴⁴ has been linked only to man.

In this regard, it should be noted that this essay does not deal with the issue of lawhood (statehood) as the key attribute of “anthropeioi nomos”⁴⁵; but that we are interested in the centrality of man in Nature and/or the incorporation of the “natural law” in the “human formula”⁴⁶. The idea of law (justice) overlaps at this point with the issue of legal ontology. In this sense, the human formula and/or its part which regulates human behaviour in relation to other natural entities (“nomos interspecies”)⁴⁷ is understood as the “correct path”⁴⁸ which ensures a harmonious centrality of human community in Nature.

The lawhood of the rules of behaviour is understood as a departure point⁴⁹ whereby the desired de-anthropocentrism of nomos needs to be redefined.

It is not possible to discuss the lawhood of the “human formula” without the state. The state is understood as a result of social agreement reflecting man's social aspect (Aristotle's *zoon politikon*)⁵⁰.

From the point of view of redefinition of the relationship between human and other biotic communities, the incorporation of Nature in the basic social agreement or the *contrat social* (social agreement) is crucial and is understood as the “sample-genetic definition of civil life,” as an idea of the hypothetical original state, as the widest framework for human social aspect, i.e., a frame for human community, society, in short, the “generator of civil society,” whilst for the purposes of our essay, the focus lies on the entry of Nature in nomos, i.e., the (authoritative) normative system of human community.

In this sense, social agreement is understood as the contract of statehood providing the basis for the operation of the state, assigning the attribute of lawhood to the “human formula” [Contemporary Political Philosophy...2019:3-44]. The contract of statehood, therefore, is understood as the basic consensus regarding human social organisation which at the

⁴³ In the original: *metron anthropos*.

⁴⁴ The idea of law and/or the concept of law is connected with justice. In our examination of the issue of the rules of human behaviour in relation to other natural entities, we are interested in the substantial aspects of the legal philosophy, i.e., the substantive issues of the correct, just law.

⁴⁵ We are not dealing with the anarchist political philosophy. Concerning law and state in the anarchist political philosophy see the excellent study by authors T. Holterman and H. van Maarseven [Holterman, van Maarseven 1984].

⁴⁶ This is Dostoyevsky's syntagm who once said: “The ant knows the formula of its abode, the bee knows the formula of its beehive – they know it not in a human way, but in their own way – but that is all they need. Only man does not know his formula” [Kaufmann 1994:134].

⁴⁷ For the purpose of transparency, for that part of the human formula which specifies the rules of behaviour with regard to other biotic communities, the term “nomos interspecies” or “law of Nature” will be used and for other parts of the human formula (the rules regulating man's private interaction and the rules regulating man's social interaction, i.e., man's social and/or political thought, the term “internal law” will be used.

⁴⁸ For understanding law as the “correct path” see [Fletcher 1996:38-39]. For general issues of legal ontology see [Posner 1990:161-247].

⁴⁹ Here we should call your attention to the fact that the established western legal and political (liberalist) philosophies emanate from Hobbes' syntagm “homo homini lupus” and the ensuing “bellum omnium contra omnes” (hence from the assumption that man is an aggressive and selfish being) as a starting point and/or “natural state” into which subsequently enter the law and state, at the transition from a natural (pre-legal, pre-civilisation) state into a social state. This is a vulgarised interpretation of Darwin's theory, so-called social Darwinism (socio-biology), which perceives the basic “law of nature” as the food chain in which “big fish eat small fish” and applies this to the understanding of relationships among people. According to this view, conflicts among individuals and groups are resolved by competition of the parties in conflict. Such method of resolving conflicts is natural (biological), whilst resolving conflicts (contentiousness and conflictness are, as has been said before, the basic property of human community in a “natural state”) through the interference of state and law is an artificial method of conflict resolution. Regardless of the already mentioned fallacy of Hobbes' assumption of the “natural state” of man, i.e., regardless of the fact that in the past there existed cultures with a different value orientation (the Iroquois, the Huron, etc.- see also Weatherford, op.cit.), the fact that the contentiousness and conflictness seems to be, in accordance with the mentioned empirical findings in the recent decades, a prevailing characteristic of the western culture. It is contentious, however, whether it is possible to expand such a finding (eurocentric) to encompass man as a species. It is contentious, therefore, whether aggressivity in relations among people in the western cultures, evident practically at every step of the way (at the empirical level as well as the level of imagination - media), allows the conclusion of man's “wolf-like” nature (biological-instinctive orientation).

⁵⁰ In this sense we issue from the liberalist (social/political and philosophical) context of contractuality simply because of its (liberalist) all-encompassing empiricism in the contemporary western cultures. According to de-Shalit [The Ecological Community 1997:83], when discussing the transformation of nomos, it is necessary to take into account (the philosophical orientation) of the actual prevailing political context, i.e., liberalism.

“material” level, the level of the positive law, is represented by the constitution, whereby we are interested in particular in that part of the contract of statehood (constitution), as a social pact, which refers to the substantive definitions, i.e., definitions of the fundamental common values and goals.

4.1. Shaping of ecocentric legal philosophy

4.1.1. Premises of natural law

The scientific realisation of man's equal position in the network of co-dependent natural entities (“prima ontologia”) is certainly one of the realisations of the natural, cosmic law, the “divine nomos” (“nomos theios”), i.e., law which throughout the history of the western man has provided the criteria and norms for human behaviour.

The fundamental natural law (Logos – Heraklit), common to all natural entities, is the co-dependence and the inter-connectedness of all natural entities. The fundamental (cosmic) law is thus the same for all Nature, which means that all living beings must abide by it. It is the “cosmic formula” showing man his place in the cosmos (Nature); another issue altogether is the “human formula” and what it should be like.

In terms of rules of behaviour which man should respect in interacting with other natural entities, it is (thanks to prima ontologia) no longer possible to talk of the “indisposition” [Kaufmann 1994:50] of nature, i.e., the problem which condemned the philosophy of natural law to failure in its search for the criteria and norms for human behaviour “which would turn out to be resistant to human arbitrariness” [Kaufmann 1994:50].

“Prima ontologia” is thus cognisance obtained from Nature, allowing man to understand⁵¹ the crite-

ria and norms for his behaviour towards other natural entities [Hart 1994:178]. Prima ontologia and the ensuing rules of behaviour represent the cognisance of the natural, cosmic law – order that must be taken into account in the formulation of the positive law. They are therefore the legitimisation of the correct or just law (at least in terms of the relationship with other natural entities)⁵².

“Prima ontologia” shows man his initial position – that is his (equal) position in Nature. Man, therefore, is not merely a social, political being (zoon politikon), but is (first and foremost) a natural being (zoon physicon). The basic law of nature, the cosmic order, and the inter-interconnectedness and co-dependence of all natural entities are for the western man, defined in culture as the antipode of wild nature⁵³, a given, committing him to action in compliance with the cosmic order.

The image of Nature as a dynamic interaction of mutually intertwined and co-dependent natural entities, signifies the restoration of the organic image of Nature⁵⁴.

The above mentioned philosophical premise of law is also the basic premise of pre-Socratic philosophy (Ionic nature scientists) which was relegated to the “dustbin of history” with the advent of “homo mensura” and the ensuing anthropomorphizing of the western philosophical thought. As shown above, the centrality of western civilisation in the ontological anthropocentrism stemming from the ontological duality, was not questioned, not even by Kant in his (famous) solution of the other (epistemological) duality of the West⁵⁵.

The ecocentric ontology (prima ontologia) and the ensuing ecocentric ethics has long-term consequences for the shaping of human nomos. It de-

⁵¹ This is a scientific, and thus intellectual (rational) cognisance of the “cosmic law”. Kant rejected the possibility of rational cognisance of the objective world, but not entirely. He attributes to reason the potential for a priori knowledge of the objective world (not through sensuousness) within the mathematically supported natural science. Kant therefore admits the possibility of a rational cognisance of just law, if such cognisance is achieved with the aid of science [Kaufmann 1994:83-86]. See also [Brooks 1986: 36].

⁵² Natural law has always been understood as the criterion of the positive law, as a criterion of its legitimacy. According to the classical approach, the natural law provides the basis for the positive law.

⁵³ Culture as the domain of order as an antipode to nature as the domain of disorder, chaos, stems from the already mentioned image of nature as a chaotic world which man must leave behind.

⁵⁴ In his discussion of the connection of natural law with the image of nature, Posner establishes the fatal consequences of the changes of the image of nature. “It was one thing to speak of natural law when nature was conceived to be the expression of divine love or order, and quite another to find universal legal norms in Darwinian nature, red in tooth and claw. The natural law project has never recovered from what Nietzsche called the death of God (at the hands of Darwin)” [Posner 1990:14].

⁵⁵ Although, according to Kaufmann, there was, in the field of philosophical epistemology, no way back after Kant's philosophy (epistemology), it should be emphasised that Kant was aware, even though his ontology/cosmology remains within the anthropocentric “mainstream” western philosophy (man is the master of nature), of the harmoniousness of the “starry sky above;” he saw it, however, (within the spiritual framework of his period - the liberation of man) merely as a universe of religious-artistic intuition and not as a guide for human action in relation to other natural entities. See also [Solomon, Higgins 1996:213-214].

mands that man create law and social order in compliance with the mentioned premise of the “natural law”. This means a departure from the western man's centrality in ontological duality which places man apart from Nature (cosmos). In creating order, the rules of behaviour, and laws, man must take into account his position in Nature (he is part of Nature and not its master) and his vital connection with other biotic communities.

If we paraphrase A. Kaufmann through the optic of ecocentrism, “law is a cluster of mutual relations of people and relations towards other natural entities” [Kaufmann 1994:32]. The mentioned (scientific) cognisance of the basic law of nature translated into the “philosophical language” means the following: the ontology of relations (among people and between man and the other parts of Nature), i.e., “prima ontologia”⁵⁶.

If the western legal philosophy has dealt so far with the filling of the void which has occurred with the “banishment of Nature,” Nature has re-surfaced as the force aided by science to guide human behaviour in relation to other natural entities.

The search for the natural law does not focus on a preordained collection of natural laws which would determine the rules of social (human) order, but merely the “cosmic order” which would show man his true place in creation, in Nature.

This is then the issue of relation between man and Nature and hence the issue of “cosmic formula”. From here on it becomes the issue of the “human formula”, i.e., human nomos.

The answer to the issue of what the “human formula” should be like depends on the cognisance

of the “cosmic formula”. The ideological and value orientation of the human law (and hence the rules regulating the relationships between people) depends on the previous ontological cognisance of the relationship of man with Nature, the remaining cosmos⁵⁷.

Insofar as “prima ontologia” is based on the image of wild nature which man must cultivate to establish order, the ideological basis for human nomos also rests on the image of the man as a savage, living in a natural state “bellum omnis contra omnem”. Hence the human nomos is a means of creating social order from the natural state of chaos and dis-order⁵⁸.

If, on the other hand, prima ontologia is based on man's centrality in the dynamic harmonious relationship with nature, this underlying view has a corresponding value system in human nomos⁵⁹. The anthropological and, therefore, empirical confirmation of the mentioned link can be found in most non-western (“primitive”) cultures⁶⁰.

If the western philosophy of law has been predominantly characterised by an awareness of a lack of knowledge about human law (and what it should be), this, according to Kaufmann [Kaufmann 1994:134], only reveals a deep insecurity as to what man really is. Or, in the words of Dostoyevsky: “The ant knows the formula of its abode, the bee knows the formula of its beehive – they know it not in a human way, but in their own way – but that is all they need. Only man does not know his formula” [Kaufmann 1994:134].

The search for man's “formula” begins in “prima ontologia”, i.e., in the knowledge of the oneness of the reality whose part man is. The subjective-objective notion of reality in which man “observes” Nature

⁵⁶ “Instead of the ontology of substance, ontology of relations should be developed” [Kaufmann 1994:32].

⁵⁷ For more detail on the connection of human relations with Nature inside human community see [The Ecological Community...1997:2-21]. On the basis of anthropological sources, Wenz demonstrates the direct link of the “conquest” of nature, i.e., the anthropocentric social construction of nature with the wish to control, dominate, or, in the words of Derrida “control-impulse”. “Human oppression results largely from technologies and institutions developed under the guidance of mainstream anthropocentric views. (...) Devaluation of nature is related not only to the development of more advanced agriculture, increasingly complex social divisions of labour and relations of exploitation, but also to the desire for control” [The Ecological Community...1997:4]

⁵⁸ Hobbes's legal and political philosophy is one of the cornerstones of the western culture. For an analysis of the western cultures from the point of view of a “mechanical” model of social community see [Merchant 1980:206-215].

⁵⁹ The connection of man with other parts of Nature and man's relationship with fellow human beings was already the subject of study by Montaigne in the western philosophy. Montaigne posits that a brutal attitude towards animals leads to the brutal attitude to people. For more detail see [Kirn 1992:10-11].

⁶⁰ Within the framework of this essay it is not possible to give more attention to this issue. For more information on the direct relationship of individual cultures of the North American Indians with nature and human relationships (also between men and women) see [Weatherford 2010; Forbes 1992].

The underlying ecocentric value of human nomos is best illustrated by the wisdom of the chief of the Indian tribe Nez Perce: “Treat all men alike. Give them all the same law. Give them all an even chance to live and grow. All men were made by the same Great Spirit Chief. They are all brothers. The earth is the mother of all people, and all people shall have equal rights upon it” [Words of Power...1994:48].

“from above” and questions his own essence does not, of course, provide the framework for solving the riddle of man's formula.

The different ontological premise of man's position in the universe, i.e., “ontology of relationships,” provides assistance in the search for the “correct and just” human nomos. Only cosmic nomos exists objectively (in nature), whilst man must find his own nomos, his own “formula”.

The ecocentric value orientation of nomos will thus have to be gradually reflected within that part of “human formula” which regulates the mutual interaction of human community (i.e., in the “internal law” of human community)⁶¹. The inter-connectedness of all natural entities (human and other biotic communities), i.e., mutual ecocentric interaction, as the ontological characteristic of man's position in cosmos, is (also) the underlying value of the “internal human law”⁶².

4.2. Redefinition of the western legal philosophy – natural equilibrium as the underlying universal legal value (ecocentric legal philosophy)

4.2.1. Idea of law

The scientific realisation of man's equal position in the network of co-dependent natural entities (“prima ontologia”) has re-introduced the issues of man's centrality in Nature on the stage of the western philosophy. Other natural entities “have returned” to the western philosophy of law, for centuries “burdened” merely with the issues of man.

The determination of the rules of conduct which man must respect in interaction with Nature also implies an expansion of the idea of law itself (justice and correctness). Justice also refers to the interaction between man and Nature and not only to the interaction within human community. Just law, therefore, (from the point of view of relationship between human and other biotic communities) is law which complies with the ecocentric ethics, law

which directs man's conduct in order to preserve the natural equilibrium. Consequently, the economic interaction has to be maintained (kept) within the framework ensuring the vitality of other biotic communities.

“Prima ontologia” as the scientific cognisance of the dynamic link and co-dependence of all biotic communities is the philosophical premise of nomos. The connectedness and co-dependence, i.e., the ecocentric ontology, implies the exercise of respect and care in human interactions with other natural entities, and hence implies the ecocentric ecological ethics⁶³. Its essence is to keep the economic interaction within the framework ensuring the vitality of other biotic communities⁶⁴.

At this point we have to address the issue of whether the obligation to respect the natural equilibrium stems from the “rights” of other (living and non-living) natural entities. And whether the prima ontologia demands an expansion of the theory of rights to other natural entities. The concept of the expansion of legal rights was developed by Christopher Stone in his well-known article *Should Trees Have Standing? - Toward Legal Rights for Natural Objects* [Stone 1972]. In a similar vein, Levi-Strauss argues for the proposed amendment of the Universal Declaration of Human Rights [Lévi-Strauss 1992:340-346].

Stone posits that the (scientific) cognisance of man's co-dependent centrality in Nature dictates an expansion of rights to other (living and non-living) natural entities. In a persuasive argumentation, which he begins with a review of the historic expansion of rights (from slaves to legal persons), Stone argues for the expansion of rights. In this he follows the pragmatic orientation, i.e., the possibility to represent the interests of other biotic communities before the courts. The essence of Stone's conception is the possibility of setting up guardians to represent the rights of other biotic communities before the courts.

⁶¹ Kotzé similarly points out in his article that affording non-humans rights is also a way of acknowledging that law does not sufficiently cater for interspecies justice, but that it should. In fact, it is essential to appreciate that the human impact on the non-human world is also a matter of interspecies injustice [Kotzé 2019:6-7].

⁶² Interactiveness in the sense specified above as a characteristic of human “internal law” has been established by Unger with regard to ancient China. “All in all, the feudal world of ancient China provides us with wonderful example of society almost wholly dependent on interactional law and not yet acquainted with other sorts of law”. [Unger 1997:96].

⁶³ The motive for ecocentric ecological ethics may be heteronomous when we show respect and care in our interaction with other natural entities because we are aware of the negative consequences caused by the aggressive exploitativeness of the human community or autonomous when we show respect and care because of the natural entities themselves.

⁶⁴ This approach has been criticised by certain ecocentric philosophers as “speciesism” [Foundations...1997:43].

Levi-Strauss's argumentation is somewhat narrower in that it proposes an expansion of rights to encompass the community of life. In recognising the rights, he aims higher, i.e., to the creation of the new Declaration of Rights. "May we then imagine such a basis for freedoms which would be self evident enough to be applicable to all without discrimination? Only one was noticed; however, it demands that man be no longer defined as a moral being, but as a living being, which is his most noticeable property. If, however, man's rights are most of all the rights of a living being, it follows directly that the natural boundaries for these rights, recognised for humankind as a species, are defined by the rights of other species. The rights of humankind terminate when their implementation endangers the existence of another species" [Lévi-Strauss 1992:342].

The system of (human) rights is one of the central elements of the social organisation of western cultures. The right is actually a materialisation of justice (a just state respects the rights; human interaction is just if rights are respected). If in our search for the answer to the question, we depart from the actual philosophical context of rights, a single conclusion is possible. Justice in relationship to others (and hence also natural entities) is only possible if they have rights.

As shown above, humankind is in a period of transition from the "environmental protection" to the "maintenance of the natural equilibrium". An essential difference between the two is that the latter demands that man respect other biotic communities. We believe that this basic position necessitates the recognition of the rights of other biotic communities [Ortolano 1997:37-39].

Although some may disagree, it should be noted that the value systems with regard to rights have shown to be transitory in history (slaves, women), so we can expect this to be the case with regard to the rights of natural entities⁶⁵.

The matter of (other) natural beings rights has been widely discussed in past years by different authors. Maria Valeria Berros in her article "Rights of Nature in the Anthropocene: Towards the Democratization of Environmental Law?" [Charting...2019:21-31] examines the processes of recogni-

tion of the Rights of Nature that have taken place in recent years, emphasizing the Latin American case. She argued that this recognition can enrich socio-legal and ethical debates and thus enhance the defence of the natural world. She also argues that the Anthropocene presents a new opportunity for real and integrative collaboration among natural and social sciences and the humanities as well as the different types of knowledge and worldviews existing in our world, especially those of Indigenous Peoples. Finally, she argues that it is possible to consider a slow process of democratization of environmental law that implies several challenges for sociolegal research [Charting...2019:26-30].

Despite the seemingly impossible establishment of the rights of other biotic communities *de iure*, some legal acts have managed to assign these rights *de facto*. Ortolano cites the example of the American Endangered Species Act (ESA) protecting the animal and plant species identified as endangered and demonstrates that the lawmaker *de facto* recognised the rights of individual animal species by granting them protection [Ortolano 1997:38].

I believe that the definition of natural equilibrium should be considered the criterion of human interaction with other biotic communities for *de facto* recognition of their rights, namely the right to existence. Respect for natural equilibrium also "covers" the rights of other biotic communities to existence. The threat to natural equilibrium should be understood as endangerment of the right of other biotic communities to existence. Respect for interaction with Nature issues from the rights of other biotic communities to existence and implies the obligation to maintain the natural equilibrium⁶⁶. This provides the basis for the maintenance of the natural equilibrium as a duty for man as an individual and as a duty for the state to ensure it.

A shift from the existing framework of "environmental protection" to the framework of "maintenance of the natural equilibrium" means therefore a shift from the anthropocentric approach of "environment purification" to the ecocentric approach of the maintenance of the state of equilibrium in relationships between human and other biotic communities, whereby the approach is dynamic and not static.

⁶⁵ We should emphasise that to recognise rights to other biotic communities would certainly not mean that their rights would be equal to the rights of the people and it would also not mean that all biotic communities would have equal rights. The criterion for the scope and the type of rights is natural equilibrium. It is not possible to examine this issue in greater detail within the framework of this essay. See also [Stone 1988; Toulmin 1988; Tarlock 1988].

⁶⁶ This, of course, is not an absolute. The duty to preserve the natural equilibrium (respect for the right of other biotic communities to existence) is limited with so-called basic (vital) needs of man.

The concept implied is the concept of “dynamic equilibrium”, whereby human interaction with other parts of Nature is inherent to the “dynamics of nature”. The ethical imperative therefore is not the withdrawal of man from Nature but an attitude of respect in interaction⁶⁷.

Tarlock in his article *The Nonequilibrium Paradigm in Ecology* draws attention to the importance of understanding the dynamism of natural equilibrium in the creation of the natural law. Unlike the current prevailing belief with regard to the static nature of the natural equilibrium, the transformation of the natural law must take into account the latest scientific findings with regard to the dynamic and chaotic nature of the constantly changing ecosystems. According to Tarlock, such a scientific premise dictates a turning point in the natural law. “Enhancing the capacity” of law for an ongoing monitoring of the “dynamism of nature” is essential [Law and the Environment...1997:31]⁶⁸.

4.2.2. Legal values

The incorporation of Nature in the very essence of law inevitably triggers a redefinition of legal values. The natural equilibrium, i.e., the equilibrium of life (including human life), as a central value of ecocentric ecological awareness is becoming a legal value. In this sense, we could speak of the expansion of the legal subject, i.e. the expansion of values which are the subject of legal protection.

The following is of crucial importance: natural equilibrium is becoming a basic and a common legal value.

4.2.2.1. Natural equilibrium as a fundamental (basic) legal value

The definition of natural equilibrium as a criterion (framework) of correct law places the maintenance of natural equilibrium as a legal value in initial position. It is obvious that the natural equilibrium is thus becoming a fundamental legal value, a fundamental criterion of the correctness (justice) of law.

The initial position of natural equilibrium means that the constraint of natural equilibrium defines in particular the human interaction which has the function of satisfaction of (material) needs, i.e., economic interaction. The initial position of the maintenance of natural equilibrium as a legal value implies the enframing of the other (legal) value, i.e., the satisfaction of material needs (economic interaction).

In his satisfaction of (material) needs, man is no longer un-limited⁶⁹, but is constrained by the framework defined by the natural equilibrium.

A redefinition of legal philosophy directly limits the exploitativeness (un-limitedness) of the satisfaction of human material needs (but does not limit the satisfaction of material needs as such) and/or redefines the orientation of the western cultures towards an un-limited material progress⁷⁰, which means that man has returned within the boundaries set by the natural equilibrium. The initial position of the maintenance of natural equilibrium thus does not mean the “sacrifice” of economic progress⁷¹, but implies its enframing within the boundaries of the natural equilibrium.

⁶⁷ Such ethical approach could be expressed also with the paraphrase of the well-known Leopold’s maxim: “A thing is right when it tends to preserve the dynamic (added by P.S.) integrity, stability, and beauty of the biotic community. It is wrong when it tends otherwise” [Foundations...1997:41].

⁶⁸ “The major institutional change necessitated by the nonequilibrium paradigm is the need to apply adaptive management to biodiversity protection. (...) We favor management consistent with the core idea of the rule of law - consistent application of fixed rules to yield a single, final decision. Our environmental laws accept a scientific premise and then requires its continued application regardless of subsequent research findings and thinking. (...) Adaptive management, in contrast, is premised on the assumption that management strategies should change in response to new scientific information” [Law and the Environment ...1997:31].

⁶⁹ The un-limitedness of the (economic) interaction with Nature is linked with the conviction of the western cultures that the (material) development also is un-limited. This conviction, however, rests (implicitly) on the belief in the progressiveness of human (planetary) history, i.e. constant progress – the transition from worse to better [The Ecological Community 1997:362].

⁷⁰ Similarly [Law and the Environment...1997:420].

⁷¹ To assume that the conflictness of the maintenance of natural equilibrium and material progress is insurmountable is a fallacy. In the conflict involving the maintenance of the natural equilibrium, the un-limitedness of the material progress exists insofar as it is linked with the un-limited burdening of Nature, and thus the exploitation of Nature. The principle of sustainable development rejects the concept of zero growth (Club of Rome) and/or “zero sum mentality”. Without having to discuss man’s inherent developmentality we can establish that it is not problematic per se, but that the un-limitedness of the (material) development is problematic. The basic premise should therefore be the orientation towards the material progress with its enframing as the key. The key issue is how to achieve the enframing. In our view, for the existing state (destruction of Nature) and for the “dynamism of nature,” state interference in the private sphere (in particular the economy) is crucial. It is premised on the assumption of the impotence of the western economy (market), and thus its incapacity to itself provide the necessary enframing. The reason for this should be sought in its inherent orientation towards the maximisation of material progress.

4.2.2.2. Natural equilibrium as a common legal value

The maintenance of the natural equilibrium is also a value in the common, public interest of human community⁷². This does not relate to what we want as individuals, but to what we are as a human community [Foundations... 1997:22]. The collectivity, commonality of natural equilibrium as a legal value is the foundation for the creation of the ecocentric social theory (political philosophy). The definition of natural equilibrium as a basic and common legal value implies that the maintenance of natural equilibrium is defined as the fundamental public interest.

The “initial position” and “commonality” of the natural equilibrium assign the state the role of the guardian of the interests of human community as well as the interests (rights) of other biotic communities. They thus represent the legitimisation of state activities affecting the environment in the private sphere [Lévi-Strauss 1985:391] and thus provide the baseline for a redefinition of the political philosophy of the western cultures.

4.2.2.3. Maintenance of natural equilibrium as a human right

The investiture of the natural equilibrium in the system of legal values also gives rise to the necessity of the definition of the maintenance of the natural equilibrium as human right [Sax 1990]. Considering the necessity of the establishment of the active role of the state in the maintenance of the natural equilibrium, the state should ensure also this right. In our opinion, the environmental right should also comprise the right to the maintenance of the natural equilibrium as a traditional human right, and the guardianship of other biotic communities, i.e., the possibility of “civic” interference also in the interest of other biotic communities [Stone 1972]⁷³. Stone’s concept of legal guardianship of the interests of other

biotic communities has led (first) in the American law (and later elsewhere), also on the basis of the well-known separate opinion by the Supreme Court Judge William O. Douglas in the case *Sierra Club v. Morton* [Schoenbaum, Rosenberg 1991:23-25] first towards the liberalisation of the “standing doctrine”⁷⁴ and later towards the creation of the statutory instrument of “legal guardianship” by so-called class-action⁷⁵.

4.2.2.4. Relationship between the new legal value and the existing legal values

The initial position of the natural equilibrium⁷⁶ addresses the issue of relationship of the new legal value towards the existing fundamental legal values of the western cultures. At issue is in particular the question of conflict between the new legal value, i.e., the maintenance of natural equilibrium and other legal values firmly implanted in these cultures.

The conflicting character of the “emerging” value becomes obvious at the moment when its incorporation in the legal order demands an adjustment (limitation) of certain “deep-in-structure” values of the western cultures (nomos). At issue is in particular the un-limitedness of the economic⁷⁷ interaction of human and other biotic communities and the related material progress as one of the basic (legal) values of the western cultures.

The enforcement of the maintenance of natural equilibrium may also demand a limitation of another legally protected value, for example, the right to the freedom of movement or some other human right. Thus, for example, the administrative court of the state Baden Württemberg in its review of the regulation prohibiting night diving in the lake because of its negative impact on water organisms rejected the complaint by a plaintiff who claimed that this represented an inadmissible interference with the constitutional (human) right to personal development

⁷² In his classical study, Sagoff sees the difference between the common, public interest (common value) and the private interests (values) of individuals with regard to relation to Nature as the difference between the interests of man as a consumer and the interests of man as a citizen [Foundations... 1997:18].

⁷³ This is based on the “guardianship concept” developed by Christopher Stone [Stone 1972].

⁷⁴ The courts increasingly allowed the filing of complaints with regard to the protection of the interests of other biotic communities. See also [Ortolano 1997: 43-44].

⁷⁵ See also [Schoenbaum, Rosenberg 1991:28:33; Ortolano 1997: 43-44]. In the Slovene law, the provision with regard to such complaints is contained in Article 15 of the Environmental Protection Act.

⁷⁶ The definition of natural equilibrium as a basic common legal value opens up the issue of the role of science as a source of the knowledge of the limits of the natural equilibrium (For more detail see Sagoff, 1988. The issue of reliability of scientific knowledge and the possible “technocratic approach” of the western cultures is thereby raised [Law and the Environment... 1997:29-31].

⁷⁷ The “economic” interaction implies human activity in Nature for the purpose of production of material goods (for personal needs or for the purpose of marketing).

(paragraph 1 of Article 2 of the German constitution). The administrative court estimated that the public interest (of the maintenance of “well being” of water organisms) justifies the said limitation⁷⁸.

The following two values are at “conflict” here: natural equilibrium and material progress. The definition of the maintenance of the natural equilibrium as the fundamental, shared value legitimises an interference (limitation) with regard to other legal values, in particular the un-limitedness of the economic interaction. Such an intervention often represents the limitation of other legal values, also of private property⁷⁹.

The initial position of natural equilibrium is not absolute; it is limited with the vital needs of human community [Foundations... 1997:29-44; Stone 1988:1-13]. Nevertheless, each time an activity affecting Nature takes place for the purpose of meeting man's vital needs, the limits of the natural equilibrium must be taken into account as much as possible⁸⁰.

The new value, i.e., the maintenance of natural equilibrium, must be incorporated in the “contracts of statehood”, that is in the constitutions of the western countries as one of main legal values, next to “freedom”, “democracy”) and “private property” [Environmental Planning...1996:4f]. The entry of Nature in the western (legal) value system is, as I have shown, *conditio sine qua non* for an efficient change in the legal order and, in, most importantly, for a change in man's attitude towards Nature in everyday life⁸¹.

5. Conclusion

In the past decades the awareness of the necessity to “legislate temperance” in human (economic) interaction with Nature has been heightened. At the same time, it is becoming increasingly evident, that

the inefficiency and “impotence” of the normative reaction to the “destruction of Nature” i.e., the development of the environmental law in the second half of the 20th century is closely connected to dominant anthropocentric cultural paradigm of the western cultures, oriented towards an un-limited material progress in the age of Anthropocene.

The scientific realisation of man's equality in the network of co-dependent natural entities in the last decades shows man his initial position – that is his (equal) position in Nature. Man, therefore, is not merely a social, political being (*zoon politikon*), but is (first and foremost) a natural being (*zoon physicon*). The basic law of nature, the cosmic order, and the inter-interconnectedness and co-dependence of all natural entities are for the western man, defined in culture as the antipode of wild nature, a given, committing him to action in compliance with the cosmic order.

I've shown in this article that the determination of the rules of conduct which man must respect in interaction with Nature implies an expansion of the idea of law itself (justice and correctness). Justice also refers to the interaction between man and Nature and not only to the interaction within human community. Just law, therefore, (from the point of view of relationship between human and other biotic communities) is law which complies with the ecocentric ethics, law which directs man's conduct in order to preserve the natural equilibrium. Consequently, the economic interaction has to be maintained (kept) within the framework ensuring the vitality of other biotic communities.

Also, in this article I've shown that the incorporation of Nature in the very essence of law inevitably triggers a redefinition of legal values. The natural equilibrium, i.e., the equilibrium of life (including

⁷⁸ Verwaltungsgerichtshof Baden-Württemberg: Urteil vom 22.06.1987. URL: <https://www.saarheim.de/Entscheidungen/VGH%20Mannheim%20-%201%20S%201699aus86.htm> (accessed 12.05.2021).

⁷⁹ This concerns the restriction of the freedom of ownership (ecological function of property) and also direct divestment – expropriation of private property. The incorporation of the natural equilibrium as a basic common legal value in the legal value system (the Constitution), and therefore the definition of the maintenance of the natural equilibrium as the fundamental public interest, is, in our opinion, a circumstance which the citizens (owners) are expected to count on. This means that the weight of public interest is a priori very high, which has to be taken into consideration by the Constitutional Court when weighing both values, i.e., private property and natural equilibrium (principle of proportionality).

⁸⁰ This is the so-called “principle of minimum wrong” [Foundations... 1997:36].

⁸¹ In my opinion, the already adopted international acts which provide the grounds for the principle of sustainable development (Rio Declaration and several conventions) necessitate the amendment and/or change of constitutional acts of individual countries. Of key importance is the incorporation of the ecocentric legal philosophy (and hence the incorporation of the natural equilibrium in a system of legal values as a priority) as well as the incorporation of the ecocentric political philosophy (and thus the definition of the state as a guardian of its natural equilibrium). Certainly the inclusion of the above-mentioned international legal acts in the legal order of the individual country, even without a corresponding amendment of the constitutional act itself, requires that the existing constitutional provisions be interpreted in accordance with the principle of sustainable development.

human life), as a central value of ecocentric ecological awareness is becoming a legal value. In this sense, we could speak of the expansion of the legal subject, i.e. the expansion of values which are the subject of legal protection.

In this context it is of crucial importance that natural equilibrium is becoming a basic and a common legal value. The definition of natural equilibrium as a criterion of correct law places the maintenance of natural equilibrium as a legal value in initial position: natural equilibrium is thus becoming a fundamental legal value, a fundamental criterion of the correctness (justice) of law.

It is shown in this article that the maintenance of the natural equilibrium is also a value in the common, public interest of human community. This does not relate to what we want as individuals, but to what we are as a human community. The collectivity, commonality of natural equilibrium as a legal value is the foundation for the creation of the ecocentric social theory (political philosophy). The definition of natural equilibrium as a basic and common legal value implies that the maintenance of natural equilibrium is defined as the fundamental public interest.

It is also shown in this article that the “initial position” and “commonality” of the natural equilibrium assign the state the role of the guardian of the interests of human community as well as the interests (rights) of other biotic communities. They thus represent the legitimisation of state activities affecting the environment in the private sphere and thus

provide the baseline for a redefinition of the political philosophy of the western cultures.

Also shown in this article is that the initial position of the natural equilibrium addresses the issue of relationship of the new legal value towards the existing fundamental legal values of the western cultures. At issue is in particular the question of conflict between the new legal value, i.e., the maintenance of natural equilibrium and other legal values firmly implanted in these cultures.

The conflicting character of the “emerging” value becomes obvious at the moment when its incorporation in the legal order demands an adjustment (limitation) of certain “deep-in-structure” values of the western cultures (nomos). At issue is in particular the un-limitedness of the economic interaction of human and other biotic communities and the related material progress as one of the basic (legal) values of the western cultures.

The enforcement of the maintenance of natural equilibrium may also demand a limitation of another legally protected value, for example, the right to the freedom of movement or some other human right.

The new value, i.e., the maintenance of natural equilibrium, must be incorporated in the “contracts of statehood”, that is in the constitutions of the western countries as one of main legal values, next to freedom, democracy and private property. The entry of Nature in the western (legal) value system is, as I have shown, *conditio sine qua non* for an efficient change in the legal order and, in, most importantly, for a change in man's attitude towards Nature in everyday's life.

References

- Brooks R. Coercion to Environmental Virtue: Can and Should Law Mandate Environmentally Sensitive Lifestyles?. – *The American Journal of Jurisprudence*. 1986. Vol. 31. Issue 1. P. 21-54. DOI: <https://doi.org/10.1093/ajj/31.1.21>
- Buck S. *Understanding Environmental Law and Administration*. Washington, D.C.: Island Press. 1996. 225 p.
- Capra F. *The Web of Life. A New Scientific Understanding of Living Systems*. New York: Anchor Books. 1997. 368 p.
- Charting Environmental Law Futures in the Anthropocene*. Ed. by M. Lim. Singapore: Springer. 2019. 245 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-9065-4>
- Contemporary Political Philosophy: An Anthology*. Ed. by R. Goodin and Ph. Pettit. 3rd ed. Oxford: Wiley and Blackwell. 2019. 736 p.
- Dryzek J. *The Politics of the Earth: Environmental Discourses*. Oxford; New York: Oxford University Press. 1997. 220 p.
- Earthly Goods: Environmental Change and Social Justice*. Ed. by O. Hampson and J. Reppy. Ithaca; London: Cornell University Press. 1996. 272 p.
- Eder K. *The Social Construction of Nature (A Sociology of Ecological Enlightenment)*. London: SAGE Publications. 1996. 256 p.
- Environmental Planning and Sustainability*. Ed. by S. Buckingham-Hatfield and B. Evans. Chichester: John Wiley & Sons. 1996. 208 p.
- Fletcher G.P. *Basic Concepts of Legal Thought*. New York; Oxford: Oxford University Press. 1996. 226 p.
- Forbes J. *Columbus and Other Cannibals: The Wetiko Disease of Exploitation, Imperialism and Terrorism*. New York: Autonomedia. 1992. 160 p.
- Foundations of Environmental Law and Policy*. Ed. by R. Revesz. New York: Foundation Press. 1997. 375 p.
- Fredericks S. Ethics in Agenda 21. – *Ethics, Policy and Environment*. 2014. Vol. 17. Issue 3. P. 324-338. DOI: 10.1080/21550085.2014.955312
- Hardin G. The Tragedy of the Commons. – *Science*. 1968. Vol. 162. No. 3859. P. 1243-1248.
- Hart H.L.A. The Concept of Law (Slov. ed.: Hart H.L.A. *Koncept prava*. Ljubljana: Študentska organizacija Univerze v Ljubljani Publ. 268 p.)
- Holterman T., van Maarseven H. *Law and Anarchism*. Montreal: Black Rose Books. 1984. 215 p.
- Hribar T. Ekologija in ekozofija [Ecology and ecosophy]. –

- Glasnik slovenske Matice*. 1991. No. 1-2. P. 11-16. (In Slovenian)
18. Johnston R. J. *Nature, State and Economy. A Political Economy of the Environment*. New York: John Wiley&Sons. 1996. 274 p.
  19. Kaufmann A. *Uvod v filozofijo prava* [Introduction to Philosophy of Law]. založba, Ljubljana: Cankarjeva. 1994. 281 p. (In Slovenian)
  20. Kelley D.R. *The Human Measure. Soacial Thought in the Western Legal Tradition*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1990. 358 p.
  21. Kirn A. *Ekološka (okoljska) etika* [Environmental Ethics]. Maribor: Aram. 1992. 43 p. (In Slovenian)
  22. Kotzé L. Earth System Law for the Anthropocene. – *Sustainability*. 2019. Vol. 11. No. 23. P.1-13. DOI: <https://doi.org/10.3390/su11236796>.
  23. Kuhn Th. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press. 1962. 172 p.
  24. *Law and the Environment: A Multidisciplinary Reader*. Ed. by R. Percival and D. Alevizatos. Philadelphia: Temple University Press. 1997. 464 p.
  25. Lévi-Strauss Cl. *The View from Afar*. Chicago: University of Chicago Press. 1992. 311 p.
  26. Lucia V. de. Towards an Ecological Philosophy of Law: A Comparative Discussion. – *Journal of Human Rights and the Environment*. 2013. Vol. 4. Issue 2. P. 167-190. DOI: 10.4337/jhre.2013.02.03
  27. McCormick J. *The Global Environmental Movement*. 2nd ed. Chichester: John Wiley & Sons. 1995. 312 p.
  28. Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. *Limits to Growth: 30-year update*. The USA: Chelsea Green Publishing Company. 2004. 338 p.
  29. Merchant C. *The Death of Nature. Women, Ecology and the Scientific Revolution*. San Francisco: Harper and Row. 1980. 348 p.
  30. *Natural Resources Policy and Law: Trends and Directions*. Ed. by L. MacDonnell and S. Bates. Washington, D.C. :Island Press. 1993. 241 p.
  31. Ortolano L. *Environmental Regulation and Impact Assessment*. New York: John Wiley & Sons. 1997. 620 p.
  32. Palmer D. *Looking at Philosophy: The Unbearable Heaviness of Philosophy Made Lighter*. Mountain View: Mayfield Publishing Company. 1994. 412 p.
  33. *Philosophy and the Natural Environment*. Ed. by R. Atfield and A. Belsey. Cambridge University Press, Cambridge: Cambridge University Press. 1994. 250 p.
  34. Ponting Cl. *A Green History of the World. The Environment and the Collapse of Great Civilizations*. New York: Penguin Books. 1993. 430 p.
  35. Posner R. *The Problems of Jurisprudence*. Cambridge Mass.: Harvard University Press. 1990. 485 p.
  36. Przeworski A. *Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 156 p.
  37. Sagoff M. Ethics, Ecology, and the Environment: Integrating Science and Law. – *Tennessee Law Review*. 1988. Vol. 56. P. 77-229.
  38. Sax L. J. The Search for Environmental Rights. – *Journal of Land Use and Environmental Law*. 1990. Vol. 6. No.1. P. 93-105.
  39. Schoenbaum T., Rosenberg R. *Environmental Policy Law: Problems, Cases, and Readings*. 2nd ed. Westbury: Foundation Press. 1273 p.
  40. Sinha S. *Jursiprudence (Legal Philosophy) in a Nutshell*. St. Paul: West Academic Publishing. 2006. 379 p.
  41. Solomon R., Higgins K. *A Short History of Philosophy*. New York; Oxford: Oxford University Press. 1996. 352 p.
  42. Stone Chr. The Environment in Moral Thought. – *Tennessee Law Review*. 1988. Vol. 56. P. 1-13.
  43. Stone D. Chr. Should Trees Have Standing? - Toward Legal Rights For Natural Objects. – *Southern California Law Review*. 1972. Vol. 45. P. 450-501.
  44. Tarlock D. Earth and Other Ethics: The Institutional Issues. – *Tennessee Law Review*. 1988. Vol. 56. P. 43-77.
  45. *The Ecological Community*. Ed. by R. Gottlieb. New York: Routledge. 1997. 406 p.
  46. *The Politics of Sustainable Development: Theory, Policy, and Practice within the European Union*. Ed. by S. Baker [et al.]. London: Routledge. 1997. 292 p.
  47. Toulmin St. The Case for Cosmic Prudence. – *Tennessee Law Review*. 1988. Vol. 56. P.29-43.
  48. Vido S. de. Quest for an Eco-centric Approach to International Law: the COVID-19 Pandemic as Game Changer. – *Jus Cogens*. 2021. Vol. 3. Issue 2. P. 105-117. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42439-020-00031-0>
  49. Weatherford J. *Indian Givers: How Native Americans Transformed the World*. New York: Three Rivers Press. 2010. 368 p.
  50. *Words of Power:Voices from Indidan America*. Ed. by N. Hill, Jr. Golden, CO: Fulcrum Publishing. 1994. 64 p.
  51. Zimmerman M. *Contesting Earth's Future. Radical Ecology and Postmodernity*. Berkeley: University of California Press. 1997. 447 p. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520919228>

About the Author

Senko Plicanic,

Associate Professor, Faculty of Law, University of Ljubljana

2, Poljanski nasip, Ljubljana, Slovenia, Si-1000

senko.plicanic@pf.uni-lj.si

ORCID: 0000-0002-0386-3595

Информация об авторе

Сенко Пличанич

доцент, Факультет права, Университет Любляны

Si-1000, Словения, Любляна, Полянская насыпь, д. 2

senko.plicanic@pf.uni-lj.si

ORCID: 0000-0002-0386-3595

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-40-69>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 01.10.2021
Принята к публикации: 04.12.2021

Александр Александрович БАТАЛОВ

Представительство Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

3617, Avenue du Musée, Montreal, H3G 2E1, Canada

alex batalov2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9311-9822

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

ВВЕДЕНИЕ. На основе анализа документов и практики функционирования более двух десятков региональных международных организаций, изучения других современных форм регионального межгосударственного сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий рассматриваются различные международно-правовые вопросы, возникающие в связи с данным сотрудничеством, включая, в частности, проблемы юридической природы, компетенции указанных региональных международных организаций и членства в них.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования являются международные договоры в области международного воздушного права, учредительные акты и решения различных региональных международных авиационных организаций, документы ИКАО, труды российских и зарубежных юристов-международников. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции и сравнительно-правовой метод).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования выделены и систематизированы все существующие на сегодняшний день формы регионального межгосударственного сотрудничества в области обеспечения безопас-

ности полетов и расследования авиационных происшествий, определена их юридическая природа, проанализированы международно-правовые проблемы теоретического и практического характера, связанные с функционированием данных форм сотрудничества, а также представлены рекомендации по решению указанных проблем.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В статье обращается внимание на преимущества и важное значение регионального сотрудничества государств в области контроля обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий. Однако, несмотря на важность данного сотрудничества для повышения уровня безопасности полетов в гражданской авиации, на сегодняшний день его дальнейшее развитие зависит от успешного решения следующих проблем:

– необходимость совершенствования международно-правовой базы (международные договоры, решения международных организаций и др.), на основании которой учреждаются и действуют региональные международные организации и органы, контролирующие обеспечение безопасности полетов и расследование авиационных происшествий, в том числе необходимость расширения их полномочий в этой области (сертификация авиационной техники и других объектов гражданской авиации, осуществление полного расследования авиационных происшествий и т. д.);

– обеспечение более стабильного финансирования деятельности региональных международных организаций и органов, контролирующих обеспечение безопасности полетов и расследование авиационных происшествий;

– обучение и повышение квалификации большего числа специалистов, выполняющих инспекторские функции в области контроля за обеспечением безопасности полетов и функции по расследованию авиационных происшествий и инцидентов;

– ограничение случаев одновременного членства одних и тех же государств в нескольких региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий.

Решение вышеперечисленных проблем, в частности, на основе рекомендаций, изложенных в статье, позволит повысить эффективность и привлекательность различных форм регионального сотрудничества в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов и расследования авиационных происшествий для более широкого круга государств, а также поможет в совершенствовании регионального сотрудничества Российской Федерации с государствами Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств в указанной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная гражданская авиация, региональная международная организация, Международная организация гражданской авиации (ИКАО), безопасность полетов, расследование авиационных происшествий, компетенция международных межправительственных организаций, региональный орган по контролю за обеспечением безопасности полетов, членство в международных организациях

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Баталов А.А. 2021. Региональное сотрудничество в области безопасности полетов: международно-правовые вопросы. – Московский журнал международного права. №4. С. 40–69. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-40-69>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В настоящей статье излагается исключительно личное мнение автора по исследуемым вопросам. Данное мнение и настоящая статья в целом никоим образом не должны рассматриваться в качестве отражения позиции любых учреждений и организаций, с которыми у автора существовали или существуют трудовые, договорные или иные отношения.

AIR LAW

Research article
Received 1 October 2021
Approved 4 December 2021

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-40-69>

Alexander A. BATALOV

Representation of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)
3617, Avenue du Musee, Montreal, Canada, H3G 2E1
alex batalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

REGIONAL COOPERATION IN THE AREA OF AVIATION SAFETY: INTERNATIONAL LEGAL ISSUES

INTRODUCTION. Based on the analysis of documents and practice of numerous regional international organizations and other present-day forms of regional

interstate cooperation in the area of aviation safety and aircraft accident investigation the article examines different international legal issues arising out of such coopera-

tion, including, in particular, the legal nature, powers and membership of these regional international organizations.

MATERIALS AND METHODS. The present research has been conducted on the basis of international air law treaties, constituent instruments and decisions of various regional international organizations, the ICAO documents, as well as the works of Russian and foreign international law experts. The methodology of the research is based upon general scientific and special methods, including dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal method.

RESEARCH RESULTS. On the basis of his research the author has been able to identify and classify all present-day forms of regional interstate cooperation in the area of aviation safety and aircraft accident investigation, define the legal nature of such forms, examine theoretical and practical international legal issues relating thereto as well as propose recommendations aimed at resolving these issues.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The advantages and the important role of regional cooperation of States in the area of aviation safety oversight and aircraft accident investigation are underlined in the article. However, despite the importance of such cooperation for enhancement of aviation safety, currently its development depends upon the successful resolution of the following problems:

– improvement of international legal framework (e.g., international treaties, decisions of international organizations etc.), which governs establishment and functioning of aviation safety oversight and aircraft accident investigation regional international organizations and bodies, in particular, with the aim to expand their powers to perform more complex and important functions in the area of aviation safety oversight and accident investigation for their Member States (e.g., certification of aeronautical products and other civil aviation facilities, conducting full accident investigation etc.);

– ensuring more sustainable funding for aviation safety oversight and aircraft accident investigation regional international organizations and bodies;

– training of bigger number of aviation professionals performing inspectorial functions in the area of aviation safety oversight as well as aircraft accident and incident investigation functions;

– limitation of cases of simultaneous membership of the same States in several aviation safety oversight and aircraft accident investigation regional international organizations. Resolving the problems mentioned above, in particular, on the basis of recommendations proposed in this article, will allow to increase the efficiency and attractiveness of different forms of regional cooperation in the area of aviation safety oversight and aircraft accident investigation for bigger number of States, as well as help to improve regional cooperation of the Russian Federation within the framework of the Eurasian Economic Union and the Commonwealth of Independent States in this area.

KEYWORDS: international civil aviation, regional international organization, International Civil Aviation Organization (ICAO), aviation safety, aircraft accident investigation, competence of international governmental organizations, aviation safety oversight regional body, membership in international organizations

FOR CITATION: Batalov A.A. Regional Cooperation in the Area of Aviation Safety: International Legal Issues. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 40–69. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-40-69>

The author declares the absence of conflict of interest.

This article contains exclusively personal opinion of the author. This opinion and this article as a whole, must not be attributed to any institutions and entities, with which the author was affiliated or is currently affiliated through any form of employment or other contractual relationships

1. Введение

Обеспечение и постоянное повышение уровня безопасности полетов в каждом государстве и в глобальном масштабе имеет основополагающее значение для того, чтобы гражданская авиация могла надежно функционировать в качестве средства перевозки пассажиров и грузов, выполнять

другие задачи государства и экономики и оставаться одним из важных факторов экономического и социального прогресса. Как отмечают авиационные специалисты, обеспечение безопасности полетов «является комплексной проблемой, требующей системного подхода, сущность которого состоит в надежности всех элементов авиационной транспортной системы, их взаимосвязей между собой и внешней

средой»¹. Значительную роль в решении указанной проблемы играют четкое и отвечающее современным требованиям правовое регулирование деятельности гражданской авиации, включая, в том числе ее аспекты, непосредственно связанные с выполнением и обеспечением полетов, контроль и надзор со стороны государства за безопасностью полетов, а также межгосударственное сотрудничество в этой сфере – как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Следует отметить, что региональное сотрудничество государств по различным вопросам деятельности гражданской авиации и использования воздушного пространства имеет более чем полувековую историю. После Второй мировой войны, вслед за формированием современных международно-правовых основ сотрудничества в области гражданской авиации на универсальном уровне – вступлением в силу Конвенции о международной гражданской авиации, подписанной в г. Чикаго 7 декабря 1944 года (далее – Чикагская конвенция) и учреждением Международной организации гражданской авиации (ИКАО) стали создаваться региональные международные организации, основными задачами которых являлось решение различных проблем функционирования воздушного транспорта с учетом особенностей конкретных регионов: например, Европейская конференция гражданской авиации, Африканская комиссия гражданской авиации, Лагиноамериканская комиссия гражданской авиации и т. д. Вместе с тем, несмотря на довольно длительный и несомненно полезный опыт регионального сотрудничества в гражданской авиации, на сегодняшний день для обеспечения безопасности полетов государствам необходимо внедрять качественно новые подходы к решению этой проблемы как на национальном, так и на международном (региональном) уровнях, что связано со следующими изменениями, которые произошли в воздушном транспорте и авиационной отрасли в целом в конце прошлого и начале нынешнего столетий:

– либерализация регулирования авиатранспортной отрасли и одновременно полная или частичная приватизация государственных авиапредприятий привели к созданию и разви-

тию конкурентной среды в сфере авиаперевозок и появлению большого числа частных авиапредприятий, а также иных организаций, участвующих в авиационной деятельности (занимающихся наземным обслуживанием воздушных судов в аэропортах, ремонтом и техническим обслуживанием авиационной техники, подготовкой и повышением квалификации авиационного персонала и т. д.);

– развитие туризма, расширение научных и культурных связей и внешнеэкономического сотрудничества привели к значительному росту объемов пассажирских и грузовых авиаперевозок в разных регионах мира;

– улучшение эксплуатационных характеристик авиационной техники, появление воздушных судов нового поколения и значительно более технологически совершенного и сложного авиационного оборудования, с одной стороны, позитивно отразились на обеспечении безопасности полетов, но, с другой стороны, потребовали совершенно нового уровня квалификации авиационного персонала и лиц, выполняющих надзорные функции в области гражданской авиации.

Одним из решений проблемы обеспечения безопасности полетов, вызванной этими изменениями в авиационной отрасли, стало качественное и количественное развитие государствами различных региональных механизмов сотрудничества в этой сфере. Резолюции Ассамблеи ИКАО настоятельно призывают государства и далее укреплять региональное и субрегиональное сотрудничество, с тем чтобы содействовать достижению наивысшего уровня безопасности полетов. Региональные и субрегиональные органы и механизмы рассматриваются при этом как средство, несущее в себе значительный потенциал для оказания помощи государствам в выполнении своих обязательств по обеспечению безопасности полетов, предусмотренных Чикагской конвенцией, за счет эффекта масштаба и более высокого уровня согласованности². На необходимость и полезность дальнейшего расширения регионального сотрудничества в сфере обеспечения безопасности полетов обращается внимание и в доктрине международного воздушного права³.

¹ Зубков Б.В., Прозоров С.Е. *Безопасность полетов. Учебник*. Ульяновск: УВАУ ГА (И). 2012. С.7.

² См., в частности, ИКАО: Резолюция Ассамблеи № А40-6 и Резолюция Ассамблеи № А38-7. – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

³ См., например: [Abeyratne 2012:139; Behind and Beyond the Chicago... 2019:66].

На сегодняшний день по всему миру созданы 23 региональных международных межправительственных организации, есть и другие механизмы сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности полетов, объединяющие в общей сложности около 130 государств⁴. Следует отметить, что эти механизмы достаточно разнородны по своей юридической природе, объему выполняемых ими функций и, к сожалению, не всегда эффективны. В этой связи систематизация и подробный критический анализ различных форм регионального сотрудничества государств для обеспечения безопасности полетов в рамках настоящего исследования представляются важными как с теоретических позиций, для определения места и роли указанных региональных механизмов в системе современного международного воздушного права, так и с практической точки зрения, поскольку позволяют наметить пути их совершенствования и возможности использования в развитии регионального сотрудничества Российской Федерации в целях повсеместного повышения уровня безопасности полетов.

Поскольку в рамках обеспечения безопасности полетов расследование авиационных происшествий и инцидентов, имеющее единственной целью предотвращение таковых в будущем⁵, также играет значимую роль, указанные анализ и систематизация форм регионального сотрудничества включают в себя и региональные механизмы, касающиеся расследования авиационных происшествий.

2. Юридическая природа и основные формы регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий

Несмотря на относительно большой объем доктринальных и документальных источников, посвященных региональному сотрудничеству в области гражданской авиации, существует ряд обстоятельств, затрудняющих

систематизацию и определение юридической природы различных форм регионального сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий.

Во-первых, терминология, касающаяся регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов, используемая в некоторых документах ИКАО, далеко не всегда последовательно, точно и юридически обоснованно описывает существующие механизмы регионального сотрудничества и тем самым может вводить в заблуждение относительно их юридической природы. Например, в Руководстве ИКАО по организации контроля за обеспечением безопасности полетов (Часть В «Создание региональной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и управление этой организацией») применяется родовое понятие «региональная организация по контролю за обеспечением безопасности полетов (РОКБП)», которое охватывает не только институционные механизмы сотрудничества – международные межправительственные организации, но и ряд правовых форм и структур, не отвечающих критериям международной (региональной) организации с международно-правовой точки зрения. Таковы, например, существующая в Южной Америке региональная система сотрудничества в области контроля за обеспечением безопасности полетов или действующие в разных регионах программы совместной разработки мероприятий по обеспечению безопасности полетов и поддержанию летной годности в процессе эксплуатации и т. д.⁶. Между тем в документе ИКАО, содержащем инструктивный материал и рекомендации относительно создания региональных организаций по расследованию авиационных происшествий и инцидентов, понятие «региональная организация по расследованию авиационных происшествий и инцидентов (РОРАП)» используется уже в более узком и точном в международно-правовом отношении смысле, включая в себя только региональные

⁴ См.: ICAO: The Working Paper “Strengthening Regional Safety Oversight Organizations (RSOOs) by providing examples of developments and achievements of some RSOOs” dated September 28, 2018. URL: https://www.icao.int/Meetings/anconf13/Documents/WP/wp_159_en.pdf (accessed 18.09.2021).

⁵ Согласно пункту 3.1 Приложения 13 к Чикагской конвенции, единственной целью расследования авиационного происшествия или инцидента является предотвращение авиационных происшествий и инцидентов в будущем; целью этой деятельности не является установление доли чьей-либо вины или ответственности.

⁶ ICAO: Safety Oversight Manual. Part B. The Establishment and Management of a Regional Safety Oversight Organization. 2011. URL: https://www.icao.int/safety/Implementation/Library/9734_partb_cons_en.pdf (accessed 18.09.2021).

международные межправительственные организации⁷. В резолюциях Ассамблеи ИКАО о региональном сотрудничестве и оказании помощи в устранении недостатков, связанных с безопасностью полетов, применяется более широкое понятие «субрегиональные и региональные органы по безопасности полетов и контролю за обеспечением безопасности полетов», включающее в себя и соответствующие региональные межправительственные организации⁸.

Во-вторых, положения самих нормативных источников (например, международные договоры, решения международных организаций и др.), регулирующих создание и деятельность отдельных региональных организаций и механизмов в области обеспечения безопасности полетов, не всегда ясно и однозначно позволяют сделать вывод о юридической природе того или иного органа или механизма. В частности, трудности могут вызывать вопросы о международной правосубъектности и компетенции соответствующих региональных органов. Конечно, с одной стороны, как справедливо отмечает профессор Е.А. Шибаева, если «в уставе организации прямо не зафиксировано ее качество субъекта международного права, то вопрос о международной правосубъектности решается на основе толкования учредительного акта с использованием концепции подразумеваемой компетенции» [Шибаева 1986:32]. Однако, с другой стороны, неопределенность формулировок актов и иных документов, учреждающих и регулирующих механизмы регионального сотрудничества в такой сложной и ответственной сфере, как контроль за безопасностью полетов, может затруднить их функционирование и взаимодействие с государствами и другими организациями.

Наконец, в большинстве публикаций по международному воздушному праву, касающихся регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов, глубоко не исследуется юридическая природа самих механизмов данного сотрудничества, а их общая систематизация носит ограниченный характер. Например, известный специалист по международному воз-

душному праву, бывший сотрудник Управления по правовым вопросам и внешним сношениям ИКАО Р. Абеяратне использует только географический критерий для систематизации форм регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов, выделяя соответствующие региональные механизмы в Африке, Центральной Америке, Карибском регионе, Южной Азии и Европе [Abeyaratne 2010:254–261].

Ч. Шлюмбергер и Ш. Вижаякумар разделяют региональные организации по вопросам безопасности полетов в зависимости от объема выполняемых ими функций:

а) организации, предоставляющие услуги в области контроля за обеспечением безопасности полетов (*service provider*);

б) организации, которым государство частично делегировало свои функции по контролю за обеспечением безопасности полетов (*service provider with delegated authority*);

в) организации, выполняющие все функции государства по контролю за обеспечением безопасности полетов (*full civil aviation authority*) [Schlumberger, Vijayakumar 2014:31–34].

В отечественной международно-правовой литературе при рассмотрении деятельности региональных международных межправительственных авиационных организаций формы регионального сотрудничества, непосредственно касающиеся обеспечения безопасности полетов, почти не затрагиваются⁹.

На сегодняшний день наиболее полно проблемы регионального сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности полетов исследованы польским юристом М. Ратайчиком в монографии «Региональные организации в области обеспечения безопасности полетов: укрепление безопасности воздушного транспорта посредством регионального сотрудничества», изданной в 2015 году. В этой работе автор, используя родовое понятие «региональные органы в области обеспечения безопасности полетов» для обозначения различных форм регионального сотрудничества, выделяет следующие виды таких органов [Ratajczyk 2015:73–106].

⁷ ИКАО: Руководство по региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов. 2011. Доступ: http://aerohelp.ru/sysfiles/374_361.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁸ ИКАО: Резолюция Ассамблеи № А40-6. – Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года). Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁹ См., например: [Международное воздушное право... 1980:217–231; Курс международного права 1992:159–166; Бордунов 1989:134–150], а также *Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры*. Под ред. А.И. Травникова и А.Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт. 2018. С. 210–212.

1. Органы, предшествующие региональным организациям в области обеспечения безопасности полетов (*pre-RASO*¹⁰) и включающие в себя:

– проекты регионального технического сотрудничества (например, программы совместной разработки мероприятий по обеспечению безопасности полетов и поддержанию летной годности в процессе эксплуатации (КОСКАП¹¹), функционирующие под эгидой ИКАО; систему объединенной инспекции региона Африки и Индийского океана – АФИ-Си-Ай-Эс);

– региональные ассоциации органов по обеспечению безопасности полетов (например, существовавшие ранее в Европе Объединенные авиационные администрации (*Joint Aviation Authorities*));

2. Региональные организации в области обеспечения безопасности полетов (*RASO*), включающие в себя:

– региональные международные межправительственные организации в области обеспечения безопасности полетов (например, Тихоокеанское бюро по обеспечению безопасности полетов (ПАСО) и Межгосударственный авиационный комитет (МАК));

– агентства (организации) в области обеспечения безопасности полетов с наднациональными полномочиями (например, Агентство по безопасности полетов Европейского Союза (ЕАСА) и Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности (КАССОА) в Восточной Африке).

В дополнение к вышеперечисленным органам М. Ратайчик выделяет региональные организации по расследованию авиационных происшествий (например, Агентство по расследованию авиационных происшествий государств – участников группы Банджунского договора (БАГАИА) и МАК).

Ни в коей мере не ставя под сомнение глубину и всесторонность представленного М. Ратайчиком исследования регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов, все же нельзя полностью согласиться с предлагае-

мыми им подходами к систематизации и определению юридической природы соответствующих региональных органов. В частности, рассмотрение автором различных проектов регионального технического сотрудничества (КОСКАП, АФИ-Си-Ай-Эс) в качестве органов, которые предшествуют региональным организациям в области обеспечения безопасности полетов и таким образом со временем трансформируются в них, не всегда обоснованно. Как показывает практика, многие подобные проекты могут оставаться самостоятельными формами сотрудничества, не создающими никаких предпосылок для учреждения региональной международной организации и реализуемыми под эгидой или в рамках какой-либо более крупной международной организации как одно из направлений ее деятельности: например, проекты КОСКАП реализуются под эгидой ИКАО, а проект АФИ-Си-Ай-Эс – в рамках Африканской комиссии гражданской авиации.

Кроме того, вряд ли правильно отнесение М. Ратайчиком к региональным международным организациям некоторых региональных органов по обеспечению безопасности полетов, поскольку эти органы являются лишь частью внутриорганизационного механизма либо международных организаций региональной экономической интеграции (например, КАССОА – один из институтов Восточноафриканского сообщества, а ЕАСА – агентство Европейского Союза), либо региональных авиационных организаций с более широкой компетенцией (например, МАК – постоянно действующий исполнительный орган Совета по авиации и использованию воздушного пространства государств), и сами по себе не обладают ни международной правосубъектностью, ни другими признаками международных межправительственных организаций.

Как представляется, для максимально полного анализа и юридически обоснованной систематизации различных форм регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий необходимо:

¹⁰ В работе М. Ратайчика под аббревиатурой *RASO* понимается *Regional Aviation Safety Organisation*.

¹¹ Если не указано иное, здесь и далее аббревиатуры различных региональных форм межгосударственного сотрудничества, включая региональные международные организации, основаны на наименованиях данных форм сотрудничества на оригинальном (английском, французском или испанском) языке. Русскоязычные аббревиатуры региональных форм межгосударственного сотрудничества применяются в рамках данной статьи лишь в случаях, когда они уже использовались ранее в отечественной международно-правовой литературе, либо когда оригинальное наименование регионального международного органа установлено на русском языке.

- определить юридическую природу каждого органа или механизма регионального сотрудничества;
- определить цели и функции органа или механизма регионального сотрудничества;
- применительно к региональным международным организациям следует определить, каков объем предоставленной им компетенции и юридическая сила принимаемых ими решений.

С учетом ответов на поставленные выше вопросы можно выделить следующие существующие на современном этапе формы регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий.

I. Проекты (программы) регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов, реализуемые под эгидой ИКАО, включающие:

- программы совместной разработки мероприятий по обеспечению безопасности полетов и поддержанию летной годности в процессе эксплуатации (КОСКАП¹²);
- региональную систему сотрудничества в области контроля за обеспечением безопасности полетов (СРВСОП¹³) в Центральной и Южной Америке.

Общим признаком всех вышеперечисленных проектов (программ) является их более или менее тесная связь с ИКАО, включая зависимость от ее административных и кадровых ресурсов. При этом было бы неправильным рассматривать программы КОСКАП и СРВСОП в качестве элемента внутриорганизационного механизма ИКАО либо всего лишь одного из направлений ее деятельности. Осуществляемые под эгидой ИКАО, данные проекты (программы) обладают определенной самостоятельностью, а их реализация контролируется непосредственно их государствами-участниками через простую систему органов управления, что, собственно, и позволяет выделить их как одну из самостоятельных форм регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов. Конечно, несмотря на наличие указанных органов управления, КОСКАП и СРВСОП далеки от того, чтобы соответствовать признакам региональных меж-

дународных межправительственных организаций, однако можно с уверенностью говорить, что они создают основу для начала институционализации отношений государств по обеспечению безопасности полетов того или иного региона.

На сегодняшний день функционируют следующие программы КОСКАП: КОСКАП – Северная Азия, в которой участвуют Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия и Республика Корея; КОСКАП – Южная Азия с участием Бангладеш, Бутана, Индии, Мальдив, Непала, Пакистана и Шри-Ланки; КОСКАП – Юго-Восточная Азия с участием Брунея-Даруссалам, Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Лаосской Народно-Демократической Республики, Малайзии, Мьянмы, Папуа-Новой Гвинеи, Сингапура, Таиланда, Тимор-Лешти и Филиппин; КОСКАП – СНГ с участием государств – членов Содружества Независимых Государств.

Программы КОСКАП появились в 90-е годы прошлого столетия в качестве совместных инициатив отдельных государств и ИКАО, направленных на повышение уровня безопасности полетов в соответствующих регионах. В рамках данных программ государства региона, заинтересованные в поддержании или повышении уровня безопасности полетов в регионе, обращаются за технической помощью в ИКАО (в частности, в ее Управление технического сотрудничества) и подписывают с ней программный документ, а в отдельных случаях, – меморандум о взаимопонимании (например, программа КОСКАП – Южная Азия), которые и составляют правовую основу функционирования КОСКАП. Программный документ определяет цели, порядок управления, источники финансирования КОСКАП, распределение прав и обязанностей ее участников (то есть государств и ИКАО). Как правило, управление КОСКАП осуществляется через следующие органы:

- руководящий комитет, в который входят все государства – участники программы в лице руководителей их ведомств гражданской авиации, директор Управления технического сотрудничества Секретариата ИКАО, директор соответствующего регионального бюро ИКАО (например, в отношении КОСКАП – Северная Азия, КОСКАП – Южная Азия и КОСКАП – Юго-

¹² Аббревиатура «КОСКАП» основана на наименовании данных программ на английском языке – Cooperative Development of Operational Safety and Continuing Airworthiness Programme (COSCAP).

¹³ Аббревиатура «СРВСОП» основана на наименовании данной программы (системы) на испанском языке – Sistema Regional de Cooperacion para la Vigilancia de la Seguridad Operacional (SRVSOP).

Восточная Азия таким региональным бюро является Азиатское и Тихоокеанское бюро ИКАО) и координатор программы, являющийся международным экспертом, нанятым ИКАО;

– региональная группа по безопасности полетов, учреждаемая руководящим комитетом КОСКАП с целью разработки и предоставления рекомендаций по вопросам обеспечения безопасности полетов и состоящая из представителей различных подразделений ведомств гражданской авиации, осуществляющих контроль за летной годностью, освидетельствование авиационного персонала, сертификацию аэродромов и т. д., авиапредприятий, аэропортов, организаций управления воздушным движением и производителей авиационной техники.

Управление технического сотрудничества Секретариата ИКАО осуществляет полную административно-техническую поддержку функционирования КОСКАП, включая найм экспертов и консультантов; закупку, при необходимости, технического оборудования для программы; аккумуляцию ее финансовых ресурсов и составление отчетности об их использовании; организацию и проведение совещаний органов КОСКАП, обучения и иных предусмотренных программой мероприятий. КОСКАП финансируется через целевой фонд программы, который специально создается ИКАО и в который регулярно перечисляются взносы государств-участников в заранее установленных размерах и добровольные взносы любых спонсоров, заинтересованных в поддержании высокого уровня безопасности полетов в регионе, включая безопасную эксплуатацию определенных типов воздушных судов. Так, во многих программах КОСКАП спонсорами, оказывающими финансовую и нефинансовую поддержку (обучение персонала, консультационные услуги и пр.) выступают производители воздушных судов «Боинг» и «Эрбас».

При поддержке экспертов и самой ИКАО в рамках программ КОСКАП, в частности, осуществляются следующие виды деятельности, направленные на оказание помощи государствам-участникам:

– помощь в разработке гармонизированных правил и процедур по обеспечению безопас-

ности полетов и другим вопросам деятельности гражданской авиации, а также разработка ин-структивного материала по применению указанных гармонизированных правил и процедур;

– помощь в подготовке авиационного персонала государств-участников;

– предоставление консультаций и оказание помощи государствам-участникам в целях соблюдения международных стандартов ИКАО и их национальных стандартов и правил;

– оказание помощи инспекторам государств при выполнении функций в области контроля за обеспечением безопасности полетов.

Например, программа КОСКАП – СНГ, реализуемая с 2000 года, наряду с самой ИКАО, активно поддерживается Межгосударственным авиационным комитетом, и на начальном этапе ее финансовыми и нефинансовыми спонсорами выступали компании «Боинг», «Эрбас», «Дженерал Электрик» и российская компания «Ильюшин». За 20 лет функционирования КОСКАП – СНГ было проведено более 150 семинаров-практикумов и иных мероприятий, имеющих отношение к безопасности полетов и летной годности, где прошли подготовку 11 000 авиационных специалистов и государственных инспекторов; были подготовлены различные методические рекомендации для применения авиапредприятиями и аэропортами гражданской авиации (например, методические рекомендации «Защита самолетов от наземного обледенения»); организованы специализированные ознакомительные семинары по эксплуатации новых и наиболее распространенных типов воздушных судов¹⁴.

Что касается программы сотрудничества СРВСОП, в которой участвуют Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Куба, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили и Эквадор, то ее организация и осуществляемые в ее рамках виды деятельности очень схожи с программами КОСКАП. Однако наряду с ИКАО активную роль в функционировании СРВСОП играет Латиноамериканская комиссия гражданской авиации (ЛАКАК), членами которой, в том числе, являются участники СРВСОП. В этой связи правовую основу реализации данной программы составляют Меморандум о взаимопонимании 1998 года, подписанный ИКАО и ЛАКАК и

¹⁴ Например, только в 2019 году в семинаре по эксплуатации нового дальнемагистрального самолета А-350, организованного при поддержке компании «Эрбас», приняли участие 100 инспекторов и сотрудников авиационных администраций. См.: ICAO: Working Paper "Main results of the ICAO-IAC regional project in the last 20 years" dated July 25, 2019. URL: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_109_en.pdf (accessed 18.09.2021).

одобренный всеми государствами-участниками, и Соглашение о целевом фонде между ИКАО и государствами – участниками СРВСОП.

Управление и координация сотрудничества в СРВСОП осуществляются с помощью следующих органов и лиц: Общий совет, в котором представлены все ее государства-участники в лице руководителей ведомств гражданской авиации; технический комитет, состоящий из экспертов и функционирующий в порядке, определенном Общим советом и ИКАО; координатор системы, являющийся директором Южноамериканского бюро ИКАО в Лиме (Перу) и национальные координаторы, назначаемые каждым из государств-участников с целью координации мероприятий в рамках СРВСОП. Как и программы КОСКАП, деятельность СРВСОП финансируется целевым фондом ИКАО, аккумулирующим финансовые взносы государств – участников программы и заинтересованных организаций¹⁵.

В целом, характеризуя программы КОСКАП и СРВСОП, можно отметить, что они являются формами ограниченного регионального сотрудничества в области безопасности полетов и реализуются, когда государства, заинтересованные в таком сотрудничестве, по какой-либо причине (политической, экономической и др.) не готовы к более глубокой институционализации отношений друг с другом посредством создания, например, региональной международной организации. Конечно, со временем некоторые государства, участвующие, например, в КОСКАП, могут создать региональную международную организацию по обеспечению безопасности полетов. Это активно поддерживается самой ИКАО и имело место в течение последних десяти лет¹⁶, однако в ряде случаев данные программы остаются самостоятельными формами межгосударственного сотрудничества на региональном уровне. Несмотря на определенные позитивные

результаты, которых удалось достичь в ходе реализации КОСКАП и СРВСОП, эти программы ограничены требованиями и процедурами, установленными ИКАО, и зависят от спонсорской помощи отдельных коммерческих организаций (например, авиапроизводителей), что может, во-первых, препятствовать эффективному развитию регионального сотрудничества государств, в рамках которого больше функций по контролю за безопасностью полетов передавалось бы с национального на региональный (межгосударственный) уровень, и, во-вторых, слишком сильно сфокусировать деятельность по указанным программам на удовлетворении коммерческих интересов отдельных представителей авиационного бизнеса.

II. Неинституционные формы регионального сотрудничества по расследованию авиационных происшествий и инцидентов

На сегодняшний день региональное сотрудничество по расследованию авиационных происшествий и инцидентов без создания соответствующих международных организаций осуществляется государствами Южной Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Панама, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили и Эквадор) в рамках Регионального механизма сотрудничества в области расследования авиационных происшествий и инцидентов (АРСМ¹⁷) и государствами – членами Европейского Союза (ЕС) в рамках Европейской сети органов по проведению расследований в области безопасности полетов гражданской авиации (ИНКАСИА¹⁸).

АРСМ функционирует на основании Многостороннего соглашения о техническом сотрудничестве между органами по расследованию авиационных происшествий и инцидентов государств – участников АРСМ Южной Америки

¹⁵ См., в частности: ICAO: Working paper for Thirteenth Meeting of Civil Aviation Authorities of the South American Region (RAAC/13) "Regional Technical Cooperation Tools for Safety Implementation" dated November 10, 2013. URL: https://www.icao.int/SAM/Documents/RAAC13/RAAC13_WP11.pdf (accessed 18.09.2021).

¹⁶ ICAO: Safety Oversight Manual. Part B. The Establishment and Management of a Regional Safety Oversight Organization. 2011. URL: https://www.icao.int/safety/Implementation/Library/9734_partb_cons_en.pdf (accessed 18.09.2021). Например, африканские государства, ранее участвовавшие в соответствующих программах КОСКАП, создали различные региональные международные организации и органы по контролю за обеспечением безопасности полетов (Организация по контролю за обеспечением безопасности полетов государств – участников Банджунского договора (БАГАСО), Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке (АССА) и др.).

¹⁷ Аббревиатура «АРСМ» основана на наименовании данного механизма на английском языке – Aircraft Accident and Incident Investigation Regional Cooperation Mechanism (ARCM).

¹⁸ Аббревиатура «ИНКАСИА» основана на наименовании данного механизма на английском языке – European Network of Civil Aviation Safety Investigation Authorities (ENCASIA).

от 7 марта 2016 года¹⁹. Заключение данного соглашения предшествовало решению о создании АРСМ, принятое в ходе совещания полномочных органов по расследованию авиационных происшествий 13 государств Южной Америки 11 июня 2015 года²⁰.

В отличие от АРСМ, правовую основу сотрудничества государств – членов ЕС в рамках ИНКАСИА составляет не международный договор, а правовой акт ЕС – регламент ЕС № 996 / 2010 о расследовании и предотвращении происшествий и инцидентов в гражданской авиации и отмене директивы № 94 / 56 / ЕС от 20 октября 2010 года, поскольку данное сотрудничество осуществляется государственными органами по расследованию авиационных происшествий под эгидой ЕС и, в частности, при поддержке Комиссии ЕС²¹.

В связи с тем, что АРСМ и ИНКАСИА являются достаточно простыми формами регионального сотрудничества, при которых государствами не учреждается международная организация, стоящие перед ними задачи носят ограниченный характер. Так, сами расследования авиационных происшествий и инцидентов осуществляются исключительно государствами, а механизмы АРСМ и ИНКАСИА играют лишь вспомогательную роль в проведении таких расследований, позволяя государствам-участникам сотрудничать друг с другом по следующим вопросам:

- предоставление государствами-участниками друг другу технического оборудования и специалистов, необходимых для расследования авиационных происшествий и инцидентов;
- оказание взаимной помощи в подготовке (повышении квалификации) расследователей авиационных происшествий;
- разработка единых правил и инструктивного материала в области расследования авиационных происшествий и инцидентов;

- разработка и внедрение процедур обмена информацией об авиационных происшествиях и инцидентах.

Представляется, что формы регионального сотрудничества государств по расследованию авиационных происшествий и инцидентов, подобные АРСМ и ИНКАСИА, могут рассматриваться в качестве первого шага на пути полной институционализации межгосударственных отношений и создания региональных международных межправительственных организаций в данной сфере. Однако даже в рамках АРСМ и ИНКАСИА могут быть частично решены такие задачи, как объединение необходимых для расследования авиационных происшествий кадровых и технических ресурсов, предоставление расследователям в регионе возможности быстрее получать соответствующий опыт, осуществлять оперативный обмен информацией об авиационных происшествиях и инцидентах и результатах их расследования.

III. Региональные международные межправительственные организации по обеспечению безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, включая:

- региональные международные авиационные организации с более широкой компетенцией;
- специализированные региональные международные организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий и инцидентов.

Вопросы о юридической природе и признаках международных межправительственных организаций получили широкое и достаточно обстоятельное освещение в отечественной и зарубежной международно-правовой литературе²². Поэтому в рамках настоящего исследования нет необходимости подробно анализировать их,

¹⁹ ICAO (South American Regional Office): Multinational Technical Cooperation Agreement Among Aircraft Accident and Incident Investigation Authorities of Member States of the AIG Regional Cooperation Mechanism (ARCM) of South America of 7 March 2016. P. URL: https://www.icao.int/SAM/Documents/2016-AIGSAM03/AIGSAM3_ZDraft%20Report.pdf (accessed 18.09.2021).

²⁰ ICAO (South American Regional Office): Working paper "Proposal for the establishment and management of the ARCM of South America" presented by Mr. Daniel Barafani. Second Meeting of AIG Authorities of South America (Buenos Aires, Argentina, 09 to 11 June 2015). P.4. URL: <https://www.icao.int/SAM/Documents/2015-AIG2/AIGSAM2-WP01.pdf> (accessed 18.09.2021).

В АРСМ участвуют следующие государства Южной и Латинской Америки: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Панама, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили и Эквадор.

²¹ Regulation (EU) No. 996/2010 of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 on the investigation and prevention of accidents and incidents in civil aviation and repealing Directive 94/56/EC. Art. 7. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32010R0996&from=EN> (accessed 18.09.2021).

²² См., например: [Морозов 1974; Шибеева 1986; Капустин А.Я. 2010; Amerasinghe 2005; Schermers, Blokker 2011], а также: *Право международных организаций. Региональные, межрегиональные, субрегиональные межправительственные организации: учебник для бакалавриата и магистратуры*. Под ред. А. Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт. 2019. С. 13–18.

можно лишь констатировать, что рассматриваемые в данном подпункте формы регионального сотрудничества государств в области обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий отвечают всем признакам международных межправительственных организаций, включая договорную основу, наличие определенных целей, системы постоянно действующих органов, обладание международной правосубъектностью и учреждение в соответствии с международным правом.

Как уже отмечалось, региональные международные авиационные организации с широкой компетенцией, к которым относятся Европейская конференция гражданской авиации (ЕКАК)²³, Африканская комиссия гражданской авиации (АФКАК)²⁴, Латиноамериканская комиссия гражданской авиации (ЛАКАК)²⁵ и Арабская организация гражданской авиации (АКАО)²⁶, функционируют уже на протяжении длительного времени и достигли определенных позитивных результатов в работе с такими проблемами, как безопасность полетов, защита гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, коммерческая деятельность воздушного транспорта, защита окружающей среды от вредного воздействия авиации, упрощение формальностей при международных авиаперевозках и подготовка авиационного персонала.

В частности, в области обеспечения безопасности полетов большую работу проводит АФКАК, которая координирует функционирование системы объединенной инспекции региона Африки и Индийского океана (АФИ-Си-Ай-Эс)²⁷, направленной на решение проблемы дефицита квалифицированных государственных инспекторов по контролю за обеспечением безопасности полетов в указанном регионе. В рамках АФИ-Си-Ай-Эс любое государство региона, заключившее соглашение с АФКАК и испытывающее трудности в проведении инспекций по безопасности полетов, при организационной поддержке АФКАК может запросить и получить помощь соответствующих специалистов-инспекторов других государств региона²⁸.

Другими направлениями деятельности АФКАК являются организация обучения и повышения квалификации авиационных специалистов по вопросам обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий и осуществление постоянного контроля (мониторинга) реализации целевых показателей по повышению уровня безопасности полетов в Африке, принятых на Конференции министров транспорта африканских государств в Абудже (Нигерия) в 2012 году²⁹.

В своей работе ЕКАК также уделяет внимание вопросам безопасности полетов, изучая ста-

²³ Аббревиатура «ЕКАК» основана на наименовании данной организации на английском языке – European Civil Aviation Conference (ECAC). ЕКАК была создана в 1954 году.

С учетом недостаточно определенных положений Устава ЕКАК могут возникнуть сомнения относительно ее юридической природы, и в частности, о том, обладает ли ЕКАК международной правосубъектностью и является ли международной межправительственной организацией. В этой связи некоторые специалисты Секретариата ИКАО высказывают мнение об отсутствии у ЕКАК международной правосубъектности. Однако в международно-правовой доктрине уже давно преобладает и устоялась точка зрения, согласно которой ЕКАК обладает всеми необходимыми признаками международной межправительственной организации (см., например: [Международное воздушное право... 1980:217–220; Курс международного права... 1992:161–162; Mendes de Leon 2017:38–40]). Данная точка зрения, с которой мы полностью согласны, основана на толковании Устава ЕКАК и практике его применения.

²⁴ Аббревиатура «АФКАК» основана на наименовании данной организации на английском языке – African Civil Aviation Commission (AFCAC). АФКАК была создана в 1969 году.

²⁵ Аббревиатура «ЛАКАК» основана на наименовании данной организации на английском языке – Latin American Civil Aviation Commission (LACAC). ЛАКАК была создана в 1973 году.

²⁶ Аббревиатура «АКАО» основана на наименовании данной организации на английском языке – Arab Civil Aviation Organization (ACAO). АКАО была создана в 1996 году.

²⁷ Аббревиатура «АФИ Си-Ай-Эс» основана на наименовании данной программы на английском языке – Africa and Indian Ocean Cooperative Inspectorate Scheme (AFI-CIS).

²⁸ Подробные процедуры функционирования АФИ Си-Ай-Эс изложены в следующем документе. AFCAC: AFI-CIS Policy and Procedure. 2012. URL: <https://www.afcac.org/legacy/fr2/documents/aficis/afi.pdf> (accessed 18.09.2021).

²⁹ См.: Constitution of the African Civil Aviation Commission of 16 December 2009. URL: https://www.afcac.org/en/images/Documentation/Constitution_eng.pdf (accessed 18.09.2021); African Union: Report of the Ministerial Conference on Aviation Safety in Africa. 2019. URL: https://archives.au.int/bitstream/handle/123456789/4299/EX%20CL%20758%20%28XXII%29%20_E.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 18.09.2021); AFCAC: Mechanism for Monitoring Implementation of Safety Systems & Initiatives. 2019. URL: https://www.afcac.org/en/images/Documentation/mechanism_safety.pdf (accessed 18.09.2021). Целевые показатели по повышению уровня безопасности полетов в Африке, которые были приняты на Конференции министров транспорта африканских государств, проходившей в Абудже (Нигерия) с 16 по 20 июля 2020 года, включают,

тистику и причины авиационных происшествий и инцидентов и гармонизируя технические требования к воздушным судам и авиационному оборудованию³⁰. Например, важным достижением в этой сфере стали разработка и заключение под эгидой ЕКАК в 1960 году Многостороннего соглашения, касающегося удостоверений о годности к полетам импортируемых воздушных судов.

Между тем, несмотря на определенную деятельность АФКАК, ЕКАК, ЛАКАК и АКАО в сфере безопасности полетов, следует еще раз подчеркнуть, что эта деятельность касается лишь одного из вопросов, относящихся к очень широкой компетенции данных региональных международных авиационных организаций. Кроме того, объединяя большое количество государств и обладая полномочиями в основном консультативного и координационного характера, не позволяющими принимать обязательные для государств-членов решения, АФКАК, ЕКАК, ЛАКАК и АКАО организационно и юридически ограничены в выполнении специальных функций непосредственно в области контроля за обеспечением безопасности полетов³¹. Данное обстоятельство стало одной из причин развития в последние годы нового вида региональных международных организаций с более узкой предметной компетенцией и специальными полномочиями по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий и с ограниченным членским составом.

Итак, на сегодняшний день в мире созданы следующие региональные международные организации, наделенные функциями по контролю за безопасностью полетов и расследованию авиационных происшествий:

а) в Африке – Организация по контролю за обеспечением безопасности полетов государств – участников Банджувского договора (БАГАСОО)³², Полномочные авиационные органы Африки и Мадагаскара (ААМАС)³³ и Агентство по расследованию авиационных происшествий государств – участников Банджувского договора (БАГАИА)³⁴;

б) в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Тихоокеанское бюро по обеспечению безопасности полетов (ПАСО)³⁵;

в) в регионе Центральной Америки и Карибского бассейна – Восточно-карибское ведомство гражданской авиации (ЕССАА)³⁶, Карибская система контроля за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности (КАССОС)³⁷ и Центральноамериканская организация по обслуживанию аэронавигации (КОКЕСНА), включающая в себя в качестве своего органа Центральноамериканское агентство по безопасности полетов (АКСА)³⁸;

г) в Евразии – Совет по авиации и использованию воздушного пространства, включая его исполнительный орган Межгосударственный авиационный комитет (МАК) и Международное бюро по расследованию авиационных происшествий и серьезных инцидентов (Бюро).

например: многократное снижение количества авиационных происшествий в Африке; создание африканскими государствами независимой системы контроля за обеспечением безопасности полетов; сертификацию всех аэродромов, открытых для международных полетов и др.

30 European Civil Aviation Conference Constitution of 1993 and the Rules of Procedure of 1994. Art. 2 and Appendix. URL: https://www.ecac-ceac.org/images/documents/ECAC-Doc_20_9th_edition_2020_Constitution_and_Rules_of_Procedure.pdf (accessed 18.09.2021).

31 Членами АФКАК являются 54 государства, членами ЕКАК – 44 государства, членами ЛАКАК – 22 государства, а членами АКАО – 22 государства.

32 Аббревиатура «БАГАСОО» основана на наименовании данной организации на английском языке – Banjul Accord Group Aviation Safety Oversight Organization (BAGASOO).

33 Аббревиатура «ААМАС» основана на наименовании данной организации на французском языке – Autorites Africaines et Malgache de l'Aviation Civile (AAMAC).

34 Аббревиатура «БАГАИА» основана на наименовании данной организации на английском языке – Banjul Accord Group Accident Investigation Agency (BAGAIA).

35 Аббревиатура «ПАСО» основана на наименовании данной организации на английском языке – Pacific Aviation Safety Office (PASO).

36 Аббревиатура «ЕССАА» основана на наименовании данной организации на английском языке – Eastern Caribbean Civil Aviation Authority (ECCAA).

37 Аббревиатура «КАССОС» основана на наименовании данной организации на английском языке – Caribbean Aviation Safety and Security Oversight System (CASSOS).

38 Аббревиатура «КОКЕСНА» основана на наименовании данной организации на испанском языке – Corporación Centroamericana de Servicios de Navegación Aérea (COCESNA), а аббревиатура «АКСА» – на наименовании данного органа на испанском языке – Agencia Centroamericana para la Seguridad Aeronautica (ACSA).

Рассматривая вышеперечисленные региональные международные организации по контролю за безопасностью полетов и расследованием авиационных происшествий, необходимо особое внимание обратить на международно-правовой статус КОКЕСНА и Совета по авиации и использованию воздушного пространства (Совет по авиации) вместе с МАК как его исполнительным органом.

КОКЕСНА, учрежденная еще в 1960 году в качестве международной межправительственной организации по аэронавигационному обслуживанию в воздушном пространстве над территорией ее государств-членов, первоначально не выполняла никаких функций по контролю за безопасностью полетов. Однако 25 февраля 2000 года Совет КОКЕСНА утвердил устав АКСА – нового органа по контролю за безопасностью полетов, ставшего частью внутриорганизационного механизма КОКЕСНА. Хотя на практике АКСА пользуется довольно большой самостоятельностью в своей деятельности, что иногда может порождать вопросы в отношении ее международно-правового статуса, формально она не обладает ни международной правосубъектностью, ни другими качествами международной организации и остается органом КОКЕСНА³⁹.

В декабре 1991 года бывшими республиками СССР (кроме прибалтийских государств) были созданы Совет по авиации и МАК. Их правовой статус, как отмечается в литературе, носит двойственный характер и не имеет аналогов в международном праве, что во многом объясняется несовершенством положений международного договора, лежащего в их основе⁴⁰. С одной стороны, в соответствии с Соглашением о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства 1991 года его государства-участники образовали Совет по авиации и МАК как

постоянно действующий исполнительный орган, уполномоченный обеспечивать работу Совета по авиации и выполнение его решений⁴¹. В связи с этим совершенно обоснованно можно рассматривать МАК как орган региональной международной организации – Совета по авиации. С другой стороны, то же соглашение содержит парадоксальные положения о том, что МАК пользуется на территории каждого государства-участника «в соответствии с его национальным законодательством такой правоспособностью и правосубъектностью, которые необходимы для выполнения его функций...» и является даже правопреемником бывшего СССР «в сфере международных воздушных сообщений и участия в Международной организации гражданской авиации (ИКАО)»⁴². Кроме того, во время сессий Ассамблеи и иных мероприятий ИКАО МАК часто позиционирует себя как самостоятельную региональную международную организацию⁴³, а согласно Положению о МАК, утвержденному Советом по авиации 19 февраля 1992 года, именно МАК наделен полномочиями по контролю за обеспечением безопасности полетов (включая сертификацию типовых конструкций воздушных судов и учебных заведений по подготовке авиационного персонала) и расследованию авиационных происшествий (п. 2.1). Однако, несмотря на указанные противоречия в отношении правового статуса Совета по авиации и МАК, анализ которых может вполне составить предмет самостоятельного исследования, в рамках классификации форм регионального сотрудничества, представленной в настоящей статье, только Совет по авиации является региональной международной организацией, а МАК – его органом, уполномоченным осуществлять функции по обеспечению безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий.

³⁹ Более подробно о правовом статусе и деятельности АКСА см.: [Barreto 2002:672–675].

⁴⁰ Совет по авиации и использованию воздушного пространства, включая его исполнительный орган – Межгосударственный авиационный комитет, созданы на основании Соглашения о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства 1991 года. Комментарии и критический анализ по вопросу о правовом статусе и деятельности Совета по авиации и использованию воздушного пространства и МАК см. в: [Сапрыкин 1995:104-112; Воскобойникова 1996:238; Bordunov 1994:109-115].

⁴¹ Соглашение о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства 1991 года. Ст. 8. Доступ: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27063 (дата обращения: 18.09.2021).

⁴² Там же. Ст. 9-10.

⁴³ См., например: ИКАО: Рабочий документ 40-й сессии Ассамблеи «Основные итоги деятельности регионального проекта ИКАО-МАК за 20 лет». 25.07.2019. Доступ: icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_109_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021); ICAO: Working paper of the 13th Air Navigation Conference “Regional safety oversight organizations (RSOs): examples of achievements and developments” dated September 28, 2018. URL: https://www.icao.int/Meetings/anconf13/Documents/WP/wp_159_en.pdf (accessed 18.09.2021).

При классификации перечисленных выше региональных международных организаций также следует делать четкое разграничение между региональными международными организациями по контролю за обеспечением безопасности полетов и региональными международными организациями по расследованию авиационных происшествий. Как следует из международных стандартов ИКАО, содержащихся в Приложении 13 к Чикагской конвенции, и инструктивного материала ИКАО, касающегося их применения, должна быть обеспечена независимость органов по расследованию авиационных происшествий от каких-либо других авиационных органов и организаций, осуществляющих, в частности, контроль за обеспечением безопасности полетов⁴⁴. Подобная независимость необходима для сохранения объективности и беспристрастности самого расследования авиационного происшествия, поскольку в случаях, когда его результаты свидетельствуют, например, о недочетах в выполнении функций по контролю за обеспечением безопасности полетов, организация, осуществляющая данные функции, не должна иметь возможность негативно влиять на расследователей. В этой связи региональные международные организации по расследованию авиационных происшествий создаются отдельно от региональных международных организаций по контролю за обеспечением безопасности полетов⁴⁵. Единственным исключением из указанной практики на сегодняшний день является Совет по авиации (вместе с МАК), который одновременно выполняет функции контроля за обеспечением безопасности полетов (например, сертификация типовых конструкций воздушных судов) и расследования авиационных

происшествий, что вполне объективно подвергается критике со стороны специалистов по международному воздушному праву [Ratajczyk 2015:114].

IV. Органы (институты) по контролю за обеспечением безопасности полетов международных организаций региональной экономической интеграции с наднациональными полномочиями

Наряду с развитием регионального сотрудничества по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий за счет создания самостоятельных региональных международных организаций с узкоспециализированной предметной компетенцией, сегодня некоторые государства в рамках более широкого процесса экономической интеграции создают соответствующие органы (институты) международных организаций региональной экономической интеграции⁴⁶. В частности, подобные органы (институты) созданы в Африке и Европе:

а) Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности (КАССОА), являющееся институтом Восточноафриканского сообщества (ВАС)⁴⁷;

б) Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке (АССА), являющееся специализированным институтом Экономического и валютного сообщества Центральной Африки (СЕМАС)⁴⁸;

в) Региональное управление по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности гражданской авиации (УРСАК), являющееся подразделением Западноафриканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС)⁴⁹;

⁴⁴ Приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации «Расследование авиационных происшествий и инцидентов». Пункты 3.2 и 5.4. Доступ: <http://www.caakz.com/wp-content/uploads/2020/03/prilozhenie-13-rassledovanie-aviacionnyh-proisshestvij-i-incidentov.pdf> (дата обращения: 18.09.2021). См. также: ICAO: Manual of Aircraft Accident and Incident Investigation. Part 1. 2015. URL: <https://skybrary.aero/sites/default/files/bookshelf/3282.pdf> (accessed 18.09.2021); ИКАО: Руководство по региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов. 2011. С. 3–5. Доступ: http://aerohelp.ru/sysfiles/374_361.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁴⁵ Более подробно по вопросу обеспечения независимости органов по расследованию авиационных происшествий см.: [Challinor 2017:43–70].

⁴⁶ По общим вопросам, касающимся региональных интеграционных объединений см., например: [Глобализация и интеграционные процессы... 2016:56–60].

⁴⁷ Аббревиатура «КАССОА» основана на наименовании данного органа на английском языке – Civil Aviation Safety and Security Oversight Agency (CASSOA).

⁴⁸ Аббревиатура «АССА» основана на наименовании данного органа на французском языке – Agence de Supervision de la Securite Aerienne en Afrique Centrale (ASSA-AC), а аббревиатура СЕМАС – на наименовании сообщества также на французском языке – Communauté Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale (СЕМАС).

⁴⁹ Аббревиатура «УРСАК» основана на наименовании данного органа на французском языке – Unite Regionale de Supervision de la Securite et de la Surete de l'Aviation Civile (URSAC).

г) Агентство по безопасности полетов Европейского Союза (ЕАСА), являющееся агентством ЕС⁵⁰.

Несмотря на различия вышеперечисленных органов (институтов), связанные прежде всего с особенностями региональных интеграционных объединений, к которым они относятся, для всех них, тем не менее, характерны следующие общие признаки:

– отсутствие собственной международной правосубъектности и, соответственно, статуса самостоятельной международной межправительственной организации и функционирование в качестве составного элемента внутриорганизационного механизма международных организаций региональной экономической интеграции;

– правовой основой создания и деятельности данных органов (институтов) выступают решение соответствующей международной организации региональной экономической интеграции либо протокол к договору об учреждении этой региональной международной организации экономической интеграции (в случае создания КАССОА)⁵¹;

– международные организации региональной экономической интеграции, включающие в себя указанные органы (институты), наделены правом принимать решения, являющиеся обязательными для их государств-членов, в том числе по вопросам обеспечения безопасности полетов.

Таким образом, как видно из представленной нами систематизации форм регионального сотрудничества по обеспечению безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, они разнородны с точки зрения их юридической природы и поставленных перед ними целей и задач. На современном этапе указанное сотрудничество осуществляется государствами в рамках многосторонних международных договоров без создания каких-либо международных органов: с использованием институционных механизмов – региональных международных межправительственных организаций, а также посредством участия в различных региональных программах (проектах), реализуемых под эгидой ИКАО или других международных организаций, которые условно можно назвать «частично институционными» или «квазиинституционными» формами регионального сотрудничества. В этой связи нельзя признать обоснованным использование в работах некоторых юристов и в документах ИКАО таких родовых понятий, как «региональная организация по контролю за обеспечением безопасности полетов» или даже «региональный орган в области обеспечения безопасности полетов», для обозначения всех форм регионального сотрудничества⁵².

С учетом изложенных замечаний в рамках международного воздушного права конечно важно разграничивать общее понятие «регио-

⁵⁰ Аббревиатура «ЕАСА» основана на наименовании данного агентства на английском языке – European Union Aviation Safety Agency (EASA). Подробнее о новых элементах, характеризующих правовой статус ЕАСА, см.: [Uva 2018:411–429].

⁵¹ Правовой основой создания и функционирования КАССОА являются Договор об учреждении Восточноафриканского сообщества от 30 ноября 1999 года и Протокол об учреждении Агентства по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности Восточноафриканского сообщества от 18 апреля 2007 года к указанному договору. Правовой основой создания и функционирования АССА являются Дополнительный акт Конференции глав государств от 25 апреля 2007 года и Основной регламент Агентства по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке, принятый Советом министров СЕМАС 18 декабря 2019 года. Само СЕМАС функционирует на основании новой редакции Договора об Экономическом и валютном сообществе Центральной Африке (СЕМАС) от 30 января 2009 года. Правовой основой создания и функционирования УРСАК является решение Комиссии ЗАЭВС о создании, организационной структуре и функционировании Регионального управления по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности в гражданской авиации (УРСАК) от 9 сентября 2019 года, а сам ЗАЭВС основан на новой редакции Договора о Западноафриканском экономическом и валютном союзе (ЗАЭВС) от 29 января 2003 года. Правовой основой функционирования ЕАСА в настоящее время является Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета № 2018/1139 от 4 июля 2018 года об общих правилах в сфере гражданской авиации и учреждении Агентства по безопасности полетов Европейского союза.

⁵² Как уже отмечалось выше, термин «региональный орган в области обеспечения безопасности полетов» используется, например, в монографии М. Ратайчика ([Ratajczyk 2015:73–74]). Между тем термин «международный орган» в международно-правовой литературе употребляется, когда речь идет о трех различных институтах международного права, с помощью которых осуществляется межгосударственное сотрудничество: (1) международные конференции; (2) международные организации и (3) международные комиссии и комитеты (см.: [Шибеева 1986:17]). Таким образом, понятие «международный орган», вряд ли может охватить все существующие на сегодняшний день формы регионального сотрудничества в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий. Также было бы неправильным применение к данным формам регионального сотрудничества термина «международные учреждения», встречающегося в общей международно-правовой литературе (см., например: [Вельяминов 2015:372]).

нальное сотрудничество в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий» и подчиненные ему понятия «региональная международная авиационная организация», «региональная международная организация по контролю за обеспечением безопасности полетов», «региональная международная организация по расследованию авиационных происшествий» и «орган по контролю за обеспечением безопасности полетов международной организации региональной экономической интеграции», определив их следующим образом.

Региональное сотрудничество в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий – сотрудничество государств какого-либо региона, осуществляемое в институциональной или договорной формах либо в рамках региональных программ (проектов) под эгидой ИКАО и других международных организаций и имеющее целью поддержание и повышение уровня безопасности полетов и обеспечение расследования авиационных происшествий и инцидентов в гражданской авиации на территории данных государств.

В свою очередь *региональная международная авиационная организация* – это объединение государств какого-либо региона, созданное на основе международного договора в целях координации и планирования действий государств-членов по различным вопросам деятельности гражданской авиации и воздушного транспорта данного региона (включая, в том числе, вопросы обеспечения безопасности полетов); имеющее систему постоянно действующих органов; обладающее международной правосубъектностью и учрежденное в соответствии с международным правом.

Региональная международная организация по контролю за обеспечением безопасности полетов – это объединение государств какого-либо региона, созданное на основе международного договора специально для выполнения задач по поддержанию и контролю уровня обеспечения безопасности полетов в гражданской авиации на территории государств-членов, имеющее систему постоянно действующих органов, обладающее международной правосубъектностью и учрежденное в соответствии с международным правом.

Региональная международная организация по расследованию авиационных происшествий – это объединение государств какого-либо региона,

созданное на основе международного договора специально для выполнения задач по расследованию или обеспечению расследования авиационных происшествий и инцидентов в гражданской авиации на территории государств-членов, имеющее систему постоянно действующих органов, обладающее международной правосубъектностью и учрежденное в соответствии с международным правом.

Орган по контролю за обеспечением безопасности полетов международной организации региональной экономической интеграции – орган, не обладающий международной правосубъектностью и являющийся составной частью внутриорганизационного механизма международной организации региональной экономической интеграции, наделенный полномочиями по контролю за обеспечением безопасности полетов в гражданской авиации на территории государств-членов данной региональной международной организации.

Вышеизложенные определения различных форм регионального сотрудничества в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий содержат основные элементы, составляющие их сущность и раскрывающие юридическую природу каждой из них. Данные определения имеют как научное, так и практическое значение, с одной стороны, позволяя более четко систематизировать многообразие терминов в сфере регионального сотрудничества, используемых в доктринальных источниках по международному воздушному праву и документах ИКАО, а с другой стороны, предоставляя возможность государствам (прежде всего, в лице их ведомств гражданской авиации) юридически обоснованно выстраивать свои отношения с различными региональными органами, организациями и механизмами по обеспечению безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий.

3. Проблемы компетенции региональных международных организаций в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий

В монографии, посвященной правовому механизму деятельности международных авиационных организаций, В.Д. Бордунов отмечает, что для осуществления своих функций каждая региональная авиационная организация наделяется конкретными полномочиями. Их содер-

жание определяется обязанностью организации надлежащим образом выполнять свои функции и правом решать при самом активном сотрудничестве со своими членами вопросы, отнесенные к их компетенции. Право и обязанность составляют суть полномочий каждой региональной авиационной организации, а в совокупности они образуют компетенцию этих международных организаций [Бордунов 1989:144].

В зависимости от их объема полномочия в области контроля за обеспечением безопасности полетов, которыми государства наделяют свои региональные международные организации, в международно-правовой доктрине [Ratajczyk 2015:176–178; Schlumberger, Vijayakumar 2014:31–34], в исследованиях и документах ИКАО⁵³ подразделяются на три группы (уровня).

Консультативные полномочия (полномочия первого уровня), включающие:

а) консультирование государств-членов при разработке их нормативно-правовых актов по вопросам безопасности полетов;

б) оказание помощи государствам-членам в определении различий между их национальными правилами и практикой в сфере безопасности полетов и соответствующими международными стандартами ИКАО;

в) консультирование государств-членов при разработке инструктивного материала и руководств по вопросам обеспечения безопасности полетов;

г) общую координацию деятельности инспекторов и экспертов по контролю за обеспечением безопасности полетов;

д) предоставление экспертных консультаций по любым вопросам, касающимся контроля за обеспечением безопасности полетов и управления безопасностью полетов;

Оперативно-технические полномочия (полномочия второго уровня), включающие в дополнение к полномочиям первого уровня:

а) разработку в полном объеме проектов нормативно-правовых актов по вопросам безопасности полетов с целью их последующего принятия государствами-членами на национальном уровне;

б) реализацию программ обучения и повышения квалификации инспекторов и экспертов по контролю за обеспечением безопасности полетов;

в) проведение инспекций и технических расследований в целях принятия государствами-членами решений о выдаче, продлении действия и аннулировании сертификатов, лицензий и разрешений в области гражданской авиации;

г) проведение совместно с государствами-членами надзорных мероприятий в целях выявления недостатков в области обеспечения безопасности полетов, а также предоставление им рекомендаций по устранению данных недостатков;

д) проведение мероприятий, направленных на выполнение государствами-членами их обязанностей по управлению безопасностью полетов (например, создание системы сбора и обработки данных о безопасности полетов, анализ этих данных, разработка стратегий обнаружения опасностей и минимизации рисков в области безопасности полетов и т. д.);

Сертификационные и регулирующие полномочия (полномочия третьего уровня), включающие в дополнение к полномочиям первого уровня и второго уровня:

а) выдачу, продление действия и аннулирование сертификатов, лицензий и разрешений в области гражданской авиации;

б) разработку и принятие нормативно-правовых актов по вопросам безопасности полетов.

Полномочия, которыми наделяются региональные международные организации по расследованию авиационных происшествий, также подразделяются на три группы (уровня):

– консультативные полномочия (полномочия первого уровня), включающие предоставление экспертных консультаций по любым вопросам, касающимся расследования авиационных происшествий и инцидентов;

– полномочия второго уровня, включающие в дополнение к полномочиям первого уровня реализацию программ обучения и повышения квалификации расследователей и экспертов, участвующих в расследованиях авиационных про-

⁵³ ICAO: Report on the ICAO Evaluation of Regional Safety Oversight Organizations. November 2017. P. 5. URL: http://coscapsouthasia.org/wp-content/uploads/2017/12/ICAO_RSOO_Evaluation_Final_V01_Nov-2017.pdf (accessed 18.09.2021); ИКАО: Рабочий документ 40-й сессии Ассамблеи ИКАО «Глобальная система контроля за обеспечением безопасности полетов (GASOS)». 01.08.2019. Доступ: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_013_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

исшествий и инцидентов, а также проведение части расследований авиационных происшествий и инцидентов в соответствии с Приложением 13 («Расследование авиационных происшествий и инцидентов») к Чикагской конвенции;

– полномочия третьего уровня, включающие в дополнение к полномочиям первого уровня и второго уровня: проведение полного расследования авиационных происшествий и инцидентов в соответствии с Приложением 13 к Чикагской конвенции и предоставление окончательного отчета о расследовании, включая подготовку соответствующих рекомендаций по обеспечению безопасности полетов.

Кроме трех вышеперечисленных уровней полномочий, осуществляемых региональными международными организациями по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий либо органами по контролю за обеспечением безопасности полетов международной организации региональной экономической интеграции, возможны случаи, когда государства полностью ликвидируют свои национальные органы управления гражданской авиацией и передают все их полномочия, в том числе полномочия третьего уровня, своей региональной организации. В настоящее время существуют только одна такая международная организация – Восточно-карибское ведомство гражданской авиации (ЕССАА), объединяющее шесть государств Карибского бассейна, однако в будущем не исключено появление подобных организаций и в других регионах.

Объем (уровень) полномочий по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий, которыми государства-члены наделяют свои региональные международные организации, определяется в учреждающих их международных договорах и зависит от многих политических, экономических и иных факторов, включая уровень развития и потребности воздушного транспорта региона, возможность постоянного финансирования деятельности организации и наличие соответствующих авиационных специалистов в регионе. Как было отмечено выше, международное авиационное сообщество рассматривает региональные

организации и органы по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий в качестве средства, несущего в себе значительный потенциал «для оказания помощи государствам в выполнении ими своих обязательств по обеспечению безопасности полетов, предусмотренных Чикагской конвенцией, за счет эффекта масштаба и более высокого уровня согласованности...»⁵⁴. В этой связи передача государствами-членами большого объема полномочий указанным организациям и органам в целом повышает эффективность системы контроля обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий в регионе благодаря более рациональному использованию необходимых для этих целей высококвалифицированных кадровых, технических и иных ресурсов⁵⁵.

На сегодняшний день в мире полномочиями третьего уровня обладают всего лишь четыре региональных международных организации (органа): ЕАСА как агентство Европейского Союза; Совет по авиации и его орган – МАК; АССА как специализированный институт Экономического и валютного сообщества Центральной Африки и ЕССАА, которое при этом, как уже было сказано, осуществляет управление всей гражданской авиацией на территории своих государств-членов вместо их национальных органов. Полномочиями третьего уровня по расследованию авиационных происшествий и инцидентов также наделено Бюро, однако оно все еще находится в процессе создания, и учреждающий его международный договор пока не ратифицирован и применяется временно Арменией и Российской Федерацией. В области контроля за обеспечением безопасности полетов ААМАС, БАГАСО и УРСАК (как орган ЗАЭВС) наделены полномочиями второго уровня в полном объеме, ПАСО, КОКЕСНА (и ее орган АКСА) и КАССОА (как институт ВАС) обладают полномочиями второго уровня только частично, а КАССОС осуществляет лишь полномочия первого уровня. Полномочия второго уровня в области расследования авиационных происшествий существуют у БАГАИА. Таким образом, несмотря на настоятельные призывы ИКАО к государствам-членам по развитию и укреплению региональ-

⁵⁴ ИКАО: Резолюция Ассамблеи № А40-6. – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁵⁵ В целом по вопросу эффективности использования международных межправительственных организаций для решения сложных межгосударственных задач см.: [Surdej 2020:337–350].

ных международных организаций и органов по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий в целях наращивания возможностей государств в данной сфере⁵⁶, полномочия, которыми наделены указанные организации и органы, на современном этапе весьма ограничены. Подобное нежелание государств по расширению компетенции региональных международных организаций, в особенности, в направлении предоставления им полномочий третьего уровня, по-видимому, обусловлено рядом факторов.

С социально-экономической точки зрения многие государства стремятся сохранить контроль за обеспечением безопасности гражданской авиации – отрасли, нередко играющей ведущую роль в их национальной экономике и влияющей на эффективное развитие других ее отраслей (например, гражданская авиация может иметь очень важное значение для развития туризма, торговли и т. п.). Кроме того, любые негативные события в гражданской авиации, включая крупные авиационные происшествия, могут иметь сильный общественный резонанс, в том числе на международном уровне.

По политическим соображениям государства также с осторожностью относятся к передаче контроля за безопасностью полетов другим субъектам, поскольку гражданская авиация является для многих государств стратегической отраслью и ее безопасность рассматривается как неотъемлемый элемент национальной безопасности⁵⁷.

На решение государств по наделению региональных международных организаций большими полномочиями в сфере обеспечения безопас-

ности полетов и расследования авиационных происшествий могут влиять и особенности международно-правового регулирования деятельности гражданской авиации. Универсальные нормы международного воздушного права, которые содержатся прежде всего в Чикагской конвенции и принимаемых в соответствии с ней международных стандартах ИКАО, не запрещая, а в некоторых случаях прямо предусматривая возможность передачи государствами функций по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий региональным международным организациям⁵⁸, исходят при этом из того, что обязательства по выполнению данных функций всегда сохраняются за самими государствами. На указанные особенности норм Чикагской конвенции и международных стандартов ИКАО неоднократно обращалось внимание как в международно-правовой доктрине⁵⁹, так и в рамках иных вспомогательных средств определения международно-правовых норм (в частности, резолюции Ассамблеи ИКАО, различные рекомендации и инструктивный материал, касающиеся применения международных стандартов ИКАО, протоколы заседаний Аэронавигационной комиссии ИКАО и др.).

Например, в Резолюции А29-13 («Улучшение контроля в области безопасности») Ассамблея ИКАО подтвердила, что ответственность отдельно взятого государства в деле обеспечения контроля за безопасностью является одним из принципов Чикагской конвенции⁶⁰.

Как отмечается в Руководстве по организации контроля за обеспечением безопасности полетов

⁵⁶ ИКАО: Резолюция Ассамблеи № А40-6 – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021). На необходимость расширения своих полномочий по контролю за обеспечением безопасности полетов указывают и сами региональные международные организации, в частности, ПАСО. См.: Pacific Aviation Safety Office Strategic Plan (2018–2022). P. 25. URL: https://paso.aero/wp-content/uploads/PASO_Strategic_Plan_2018-2022.pdf (accessed 18.09.2021).

⁵⁷ Например, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года, понятие «национальная безопасность Российской Федерации» включает в себя, в том числе, транспортную безопасность. См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. – *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 1. Часть II. Ст. 212.

⁵⁸ Например, согласно пункту 3.1 Приложения 19 к Чикагской конвенции, государства могут делегировать функции и виды деятельности по управлению безопасностью полетов региональной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов или региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов. В соответствии с пунктом 5.1 Приложения 13 к Чикагской конвенции, государство места события назначает расследование обстоятельств этого авиационного происшествия и несет ответственность за проведение такого расследования, однако оно может передать целиком или частично проведение этого расследования региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов.

⁵⁹ См., например: [Abeyratne 2016:111–115]; [Huang 2009:24].

⁶⁰ ИКАО: Резолюция Ассамблеи № А29-13. – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

ИКАО, согласно Чикагской конвенции только государство несет ответственность за надзор за обеспечением безопасности полетов и эту ответственность нельзя переложить на какой-либо региональный орган. Даже если государство делегирует региональной международной организации осуществление конкретных задач и функций по контролю за обеспечением безопасности полетов, например, проведение проверок для сертификации эксплуатанта, тем не менее, «оно должно сохранять у себя минимальные возможности выполнять свои обязательства, предусмотренные Чикагской конвенцией»⁶¹.

В Руководстве по региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов ИКАО указано, что государства – члены ИКАО будут ответственны за контроль за системой расследования авиационных происшествий в соответствии с Чикагской конвенцией, даже когда фактическое расследование от имени государств проводит соответствующая региональная международная организация⁶².

Для сравнения следует отметить, что в отдельных случаях Чикагская конвенция прямо предусматривает возможность передачи государством некоторых функций в области обеспечения безопасности полетов и освобождение данного государства от ответственности в отношении этих функций. Так, согласно статье 83 *bis* Чикагской конвенции, если воздушное судно, зарегистрированное ее государством-участником, эксплуатируется в соответствии с договором аренды, фрахтования или взаимного обмена воздушными судами или в соответствии с любым подобным договором с эксплуатантом, основное место деятельности которого находится на территории ее другого государства-участника, государство регистрации может по соглашению с таким другим государством-участником передать ему все или часть своих функций и обязанностей государства регистрации в отношении этого воздушного судна, предусмотренных статьями 12, 30, 31 и 32 а) Чикагской конвенции (а

именно, обязанность обеспечивать соблюдение воздушным судом правил полетов; выдача разрешения на использование радиопередающей аппаратуры на борту воздушного судна; выдача удостоверения о годности воздушного судна к полетам; выдача удостоверений о квалификации и свидетельств членам летного экипажа воздушного судна); при этом государство регистрации освобождается от ответственности в отношении переданных функций и обязанностей⁶³. Однако, как видно из содержания статьи 83 *bis* Чикагской конвенции, она распространяется лишь на случаи, когда воздушное судно базируется и эксплуатируется вне территории государства его регистрации, и применяется к передаче функций от одного государства другому государству, но не региональной международной организации.

Таким образом, государства как единственные участники Чикагской конвенции будут продолжать нести свои международно-правовые обязательства в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий вне зависимости от передачи функций в этой сфере региональным международным организациям. В свою очередь, согласно общей классификации полномочий международных межправительственных организаций, используемой профессором Оксфордского университета Д. Саруши, сами региональные международные организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий могут рассматриваться в качестве «агентов» государств-членов и выполнять свои функции от их имени [Sarooshi 2005:28–32].

С учетом вышеуказанных особенностей международно-правового регулирования вопросов обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий, в определенной степени препятствующих расширению полномочий соответствующих региональных международных организаций, некоторые авторы высказывают предложения о возможном изме-

⁶¹ ICAO: Safety Oversight Manual. Part B. The Establishment and Management of a Regional Safety Oversight Organization. 2011. URL: https://www.icao.int/safety/Implementation/Library/9734_partb_cons_en.pdf (accessed 18.09.2021).

⁶² ИКАО: Руководство по региональной организации по расследованию авиационных происшествий и инцидентов. 2011. Доступ: http://aerohelp.ru/sysfiles/374_361.pdf (дата обращения: 18.09.2021). Позиция, согласно которой государства-члены ИКАО должны сохранять контроль за расследованием авиационных происшествий, даже когда фактическое расследование от имени государств проводит соответствующая региональная международная организация, подтверждается и в протоколах заседаний Аэронавигационной комиссии ИКАО.

⁶³ Статья 83 *bis* Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. Более подробно о проблемах применения статьи 83 *bis* Чикагской конвенции см.: [Мильде 2017:112–115].

нении Чикагской конвенции. По их мнению, по аналогии с Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.⁶⁴, Чикагская конвенция могла бы быть дополнена положением о солидарной ответственности государств и международных организаций за выполнение предусмотренных в ней международно-правовых обязательств, касающихся обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий [Ratajczyk 2015:253]. Между тем, принимая во внимание сложность и длительность процесса внесения поправок в Чикагскую конвенцию⁶⁵, а также то, что в рамках предлагаемых изменений государства продолжают нести свои международно-правовые обязательства и вытекающую из их потенциальных нарушений ответственность наряду с региональными международными организациями, подобные предложения вряд ли окажутся полезными.

Более того, любые изменения универсальных норм международного воздушного права, содержащихся, в частности, в Чикагской конвенции и международных стандартах ИКАО, направленные на освобождение государств от обязательств по обеспечению безопасности полетов и передаче этих обязательств региональным международным организациям, представляются не особенно реалистичными и целесообразными даже в долгосрочной перспективе. Права и обязанности государств по регулированию деятельности гражданской авиации на своей территории, включая осуществление контроля за обеспечением безопасности полетов, непосредственно вытекают из важнейшего принципа, который лежит в основе современного международного воздушного права и Чикагской конвенции – принципа полного и исключительного суверенитета государства над воздушным пространством над его территорией⁶⁶. Поскольку суверенитет в отношении воздушного пространства, как и суверенитет в

целом, является признаком, присущим только государству, то и связанные с данным признаком права и обязанности будут всегда сохраняться за самим государством.

Думается, наделение региональных международных организаций более широкими полномочиями по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий, и в частности полномочиями третьего уровня, может быть достигнуто после принятия следующих мер организационно-правового и экономического характера⁶⁷:

- внесение изменений в учредительные акты региональных международных организаций, предоставляющих им право выполнять более широкие функции по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, в частности в рамках полномочий третьего уровня, на основании двусторонних соглашений, заключаемых с теми государствами-членами, которые желают и готовы передать им данные функции;

- оказание ИКАО и развитыми авиационными государствами организационной поддержки (помощи) региональным международным организациям для усиления их ресурсов, необходимых для выполнения более широких функций по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий (например, обучение или повышение квалификации инспекторов по контролю за безопасностью полетов и расследователей авиационных происшествий, консультирование по различным вопросам деятельности данной организации и т. п.);

- повышение финансовой стабильности региональных международных организаций за счет предоставления возможности увеличения взноса в их бюджет для отдельных более экономически развитых государств-членов, заинтересованных в поддержании уровня безопасности полетов в своем регионе на должном уровне; в

⁶⁴ Согласно статье VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., в случае деятельности в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, международной организации, ответственность за выполнение настоящего Договора несут, наряду с международной организацией, также и участвующие в ней государства - участники Договора.

⁶⁵ В соответствии со статьей 94 Чикагской конвенции любая предложенная к ней поправка должна быть одобрена 2/3 голосов Ассамблеи и затем вступает в силу в отношении государств, ратифицировавших такую поправку, после того, как ее ратифицируют не менее 2 / 3 всех государств – участников Чикагской конвенции (то есть 129 государств). В среднем процесс вступления в силу поправок к Чикагской конвенции занимает 15 лет.

⁶⁶ По вопросу содержания принципа суверенитета государства в отношении воздушного пространства над его территорией, например, см.: [Международное воздушное право... 1980:42-43; Truxal 2017:56–59].

свою очередь государствам-членам, вносящим большой взнос в бюджет региональной международной организации, ее учредительным актом могут быть предоставлены более широкие права при принятии определенных решений ее органами, например, посредством введения принципа взвешенного голосования⁶⁸.

Реализация вышеперечисленных мер совместно региональными международными организациями и их государствами-членами при поддержке ИКАО позволит увеличить возможности данных региональных организаций по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий и предоставит им большую гибкость в осуществлении указанных функций. Определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются со стороны ИКАО. Например, в рамках Всеобъемлющего регионального плана осуществления проектов по безопасности полетов в Африке (План АФИ), одобренного еще на 36-й сессии Ассамблеи ИКАО, в настоящее время оказывается необходимая поддержка региональным международным организациям по контролю за обеспечением безопасности полетов и региональным международным организациям по расследованию авиационных происшествий в Африке, включающая, в том числе помощь в подготовке инспекторов по безопасности полетов и других специалистов⁶⁹. Соответствующие рекомендации по поддержке гражданской авиации

тихоокеанских малых островных развивающихся государств, которые направлены также на реформирование и усиление ПАСО, были одобрены Советом ИКАО на его 218-й сессии 20 ноября 2019 года. Важно, чтобы указанные инициативы ИКАО продолжали успешно развиваться и распространяться на другие регионы.

4. Проблемы членства в региональных международных организациях в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий

Почти во всех региональных международных организациях, в чью компетенцию входят вопросы обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий, членами являются только государства, для которых установлены одинаковые права и обязанности. Лишь в ААМАС членство открыто также для международных организаций региональной экономической интеграции, если в их состав входят сами государства-члены ААМАС, а в КАССОС возможен прием в качестве ассоциированных членов самоуправляющихся территорий Карибского бассейна⁷⁰. В последнем случае ассоциированные члены КАССОС могут присоединиться к его учредительному акту – Соглашению о создании Карибской системы контроля за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности 2008 года, вправе участвовать в

⁶⁷ Несмотря на то, что в рамках данной статьи рассматриваются главным образом международно-правовые проблемы регионального сотрудничества в области обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий, учет организационных и экономических аспектов такого сотрудничества имеет важнейшее значение, поскольку они оказывают непосредственное влияние на возможность соответствующих региональных международных организаций осуществлять свои полномочия, предоставленные им учредительными актами, – то есть надлежащим образом выполнять функции по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий. В свою очередь, невыполнение указанных функций поставит под угрозу реализацию одного из основных принципов международного воздушного права – принципа обеспечения безопасности международной гражданской авиации.

⁶⁸ Принцип взвешенного голосования, например, применялся при принятии решений в Совете Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ), а также применяется в Комиссии Европейской организации по обеспечению безопасности аэронавигации (Евроконтроль).

Более подробно по вопросу применения принципа взвешенного голосования в практике международных межправительственных организаций см.: [Schermers, Blokker 2011:551–559].

⁶⁹ ИКАО: Резолюция Ассамблеи А36-1. – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021). По поводу реализации Плана АФИ см.: ИКАО: Рабочий документ 40-й сессии Ассамблеи «Поддержка дальнейшей реализации Всеобъемлющего плана осуществления проектов по безопасности полетов в Африке (План АФИ)». 09.08.2019. Доступ: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_319_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁷⁰ См.: *Traite relative aux Autorites africaines et malgache de l'Aviation civile (AAMAC)*. 20 janvier 2012. Art. 32. URL: <http://aamac.aero/images/aamac/skill/2012-TRAITE%20DE%20AAMAC.pdf> (accessed 19.09.2021); *Agreement Establishing the Caribbean Aviation Safety and Security Oversight System (CASSOS) of 9 May 2008*. Article IV. URL: <https://caricom.org/wp-content/uploads/Agreement-Establishing-The-Caribbean-Aviation-Safety-and-Security-Oversight-System-CASSOS.pdf> (accessed 18.09.2021).

работе Правления КАССОС, состоящего из всех его государств-членов, но не обладают правом голоса в этой региональной международной организации. В ПАСО для отдельных государств (например, Австралии, Новой Зеландии и Фиджи) также возможно ассоциированное членство, предполагающее участие в работе органа ПАСО – Совета, но не предоставляющее право голоса⁷¹.

Как уже отмечалось, наибольшее количество государств-членов объединяют региональные международные авиационные организации с более широкой компетенцией – АФКАК, ЕКАК, ЛАКАК и АКАО. За исключением ЕКАК, членство в данных международных организациях открыто почти без каких-либо ограничений для любых государств соответствующего региона, под которым при этом понимается весь континент (например, членом АФКАК может стать любое государство Африки, являющееся членом ООН)⁷², либо достаточно большой с географической точки зрения регион земного шара (например, членом ЛАКАК может стать любое государство Латинской Америки, включающей в себя территории Южной Америки, Центральной Америки, Карибского бассейна и Мексики)⁷³.

Устав ЕКАК устанавливает более жесткие требования, которые должны быть выполнены для того, чтобы государство могло стать ее членом⁷⁴:

- государство должно быть членом ИКАО, а вся его территория или хотя бы ее часть должны находиться в Европе;
- необходимо единогласное решение действующих государств-членов ЕКАК о принятии в ее состав нового члена;
- государство должно отвечать также ряду дополнительных требований, включая независимость в вопросах регулирования деятельности

гражданской авиации, участие в Соглашении о транзите при международных воздушных сообщениях 1944 года и соответствие его национальных нормативно-правовых актов в области безопасности полетов и авиационной безопасности целям ЕКАК.

При этом согласно Уставу, принимая решение о членстве государства в ЕКАК, ее действующие члены могут допустить, по своему усмотрению, возможность невыполнения части перечисленных дополнительных требований.

В специализированных региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий и инцидентов членский состав значительно более ограничен и включает от 6 до 18 государств. Членство государств в этих международных организациях ограничивается различными условиями, включая, в частности:

- необходимость получения согласия большинства или всех действующих государств – членов организации для вступления в нее нового члена (например, в ААМАС, ЕССАА, ПАСО, Совете по авиации и Бюро);
- принадлежность государства к определенному географическому региону (например, членство в ЕССАА открыто только для государств Карибского бассейна);
- необходимость участия государства в каком-либо дополнительном международном договоре, с которым связана деятельность соответствующей региональной международной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий и инцидентов (например, в случае членства в БАГАСО, БАГАИА, КАССОС и ЕССАА), для приобретения и сохранения членства в этой региональной международной организации⁷⁵.

⁷¹ The Pacific Islands Civil Aviation Safety and Security Treaty of 7 August 2004. Art 6. URL: http://www.pacii.org/pits/en/status_pages/2004-7.html (accessed 18.09.2021).

⁷² Constitution of the African Civil Aviation Commission of 16 December 2009. Art. 19. URL: https://www.afcac.org/en/images/Documentation/Constitution_eng.pdf (accessed 18.09.2021).

⁷³ Statute of the Latin American Civil Aviation Commission (LACAC) of 14 December 1973. Art. 2. URL: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/07/7-01/la_aviation_const.xml (accessed 18.09.2021).

⁷⁴ European Civil Aviation Conference Constitution of 1993 and the Rules of Procedure of 1994. Art. 2 and Appendix. URL: https://www.ecac-ceac.org/images/documents/ECAC-Doc_20_9th_edition_2020_Constitution_and_Rules_of_Procedure.pdf (accessed 18.09.2021).

⁷⁵ Например, для членства в БАГАСО и БАГАИА государство должно быть также участником Банджильского договора от 29 января 2004 года (регулирует более широкий круг вопросов, связанных с авиаперевозками и либерализацией коммерческой деятельности воздушного транспорта), а выход из последнего автоматически влечет выход государства из Соглашения о создании БАГАСО 2009 года и Соглашения о создании БАГАИА 2009 года. Для членства в КАССОС государству необходимо быть членом Карибского Сообщества, учрежденного и функционирующего на осно-

В международных организациях региональной экономической интеграции, в составе которых есть орган по контролю за обеспечением безопасности полетов, их учредительные акты устанавливают для государств еще более сложные условия приобретения в них членства, что вполне объяснимо с учетом комплексного характера экономических и иных отношений, регулируемых в рамках этих региональных организаций. Кроме того, делегирование государствами организациям региональной экономической интеграции значительных суверенных прав и наделение их наднациональными полномочиями⁷⁶, очевидно, заставляет государства осторожнее и более взвешенно подходить к вопросу о вступлении в указанные организации, что в итоге может также косвенно ограничивать членство в них.

Хотя, как было сказано, большинство указанных выше региональных международных организаций обуславливают членство в них принадлежностью государства к определенному географическому региону, существует ряд организаций (в частности, ААМАС, ПАСО, Совет по авиации и Бюро), чьи учредительные акты формально допускают прием любого государства вне зависимости от региональной принадлежности, но при условии согласия всех или большинства членов организации. Фактически на сегодняшний день членство в ААМАС, ПАСО, Совете по авиации и Бюро ограничивается государствами соответствующих регионов (например, членами ПАСО являются только островные государства тихоокеанского региона), однако, как представляется, содержащаяся в учреждающих их международных договорах формальная возможность присоединения любого государства в последующем может стать причиной не всегда обоснованного и полезного для этих организаций расширения их состава без учета региональной специфики.

В настоящее время одной из актуальных проблем, связанных с деятельностью региональных международных организаций в сфере обеспечения безопасности полетов и расследования авиационных происшествий, является одновременное членство государств в нескольких подобных организациях. При этом важно разделять одно-

временное членство государств в региональных международных организациях с совпадающей и несовпадающей компетенцией.

Примеры членства государств одновременно в региональных международных авиационных организациях с широкой компетенцией, с одной стороны, и в региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованием авиационных происшествий либо в международных организациях региональной экономической интеграции, в составе которых есть орган по контролю за обеспечением безопасности полетов, с другой стороны, существуют почти во всех регионах. Так, все государства – члены ЕС (и следовательно, члены его агентства ЕАСА), некоторые государства – члены Совета по авиации и Бюро также являются членами ЕКАК, все государства – члены БАГАСО, БАГАИА, ААМАС, ВАС, ЗАЭВС и СЕМАС – члены АФКАК, и два из них (Мавритания и Коморские Острова) – еще и члены АКАО. Некоторые государства – члены КАССОС (Ямайка) и все государства – члены КОКЕСНА состоят в ЛАКАК. Поскольку к сфере деятельности ЕКАК, АФКАК, АКАО и ЛАКАК относится лишь координация общих вопросов обеспечения безопасности полетов и они не выполняют непосредственно функций по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий и инцидентов, делегированных им государствами-членами, их компетенция не пересекается с компетенцией перечисленных международных организаций по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, действующих в соответствующих регионах. В этой связи членство государств в ЕКАК, АФКАК, АКАО и ЛАКАК одновременно с членством в региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий не вызывает проблем, а напротив, позволяет более широкому кругу государств региона координировать вопросы безопасности полетов с учетом других аспектов деятельности гражданской авиации (например, экономических аспектов развития воздушных перевозок, совершенствования аэронавигационных средств,

вании Пересмотренного Договора Чагуарамас о создании Карибского Сообщества, включая Единый рынок и экономику КАРИКОМ 2001 года, поскольку КАССОС одновременно является учреждением Карибского Сообщества.

⁷⁶ По вопросу содержания понятия «наднациональность» в международном праве см., например: [Гаврилов, Даньшов 2019:6–13].

защиты окружающей среды от вредного воздействия гражданской авиации и т. д.).

Что касается случаев членства государств одновременно в двух региональных международных организациях с совпадающей компетенцией, то они имеют место в Африке, регионе Карибского бассейна и в Евразии. Например, в Африке государства – члены СЕМАС, в составе которого есть Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов в Центральной Африке (АССА), государства – члены ЗАЭВС, органом которого является Региональное управление по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности в гражданской авиации (УРСАК) и государства – члены Сообщества развития Юга Африки, в рамках которого в настоящее время идет процесс создания органа по контролю за обеспечением безопасности полетов, также являются членами ААМАС, а Объединенная Республика Танзания состоит как в членстве Сообщества развития Юга Африки, так и в ВАС, в составе которого действует Агентство по контролю за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности (КАССОА). В регионе Карибского бассейна все государства – члены ЕССАА одновременно состоят в КАССОС. На евразийском континенте Республика Армения и Российская Федерация в 2018 году заключили друг с другом Соглашение о создании и деятельности Международного бюро по расследованию авиационных происшествий и серьезных инцидентов, оставаясь при этом членами Совета по авиации, чей орган МАК тоже осуществляет функции по расследованию авиационных происшествий.

Проблема одновременного членства государств в двух региональных международных организациях с совпадающей компетенцией в области контроля за обеспечением безопасности полетов особенно остро стоит в Африке. Неслучайно резолюции Ассамблеи ИКАО, документы АФКАК и Африканского союза неоднократно

призывали африканские государства не становиться членом более одной региональной международной организации по контролю за обеспечением безопасности полетов во избежание дублирования предоставляемого обслуживания и повышения эффективности работы⁷⁷. Острота указанной проблемы связана с рядом обстоятельств экономического, организационного и правового характера.

Во-первых, регулярные задержки в уплате взносов в бюджет региональных международных организаций со стороны их государств-членов, многие из которых сами находятся в тяжелом экономическом положении, приводят к отсутствию стабильного финансирования указанных организаций⁷⁸. При этом, если одни и те же африканские государства, не готовые к постоянному финансированию региональных международных организаций в области контроля за обеспечением безопасности полетов, одновременно становятся членами нескольких подобных организаций, каждая из них вполне ожидаемо столкнется с финансовыми трудностями.

Во-вторых, дефицит квалифицированных авиационных специалистов, способных выполнять функции по контролю за обеспечением безопасности полетов на африканском континенте, значительно осложняет деятельность региональных международных организаций, которые наделены данными функциями и на фоне недостатка финансирования вынуждены участвовать в «конкурентной борьбе» за квалифицированные кадры как друг с другом, так и с самими государствами⁷⁹. Членство одних и тех же государств в нескольких подобных региональных международных организациях лишь усугубляет указанную проблему.

И наконец, в-третьих, членство государств более чем в одной региональной международной организации, обладающей компетенцией по контролю за обеспечением безопасности полетов, потенциально может привести к коллизии

⁷⁷ ИКАО: Резолюция Ассамблеи А38-7. – *Действующие резолюции Ассамблеи (по состоянию на 4 октября 2019 года)*. Доступ: https://www.icao.int/publications/Documents/10140_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021); ИКАО: Рабочий документ 40-й сессии Ассамблеи «Поддержка и помощь региональным организациям по контролю за обеспечением безопасности полетов (RSOO) в регионе Африки и Индийского океана (AFI)». 31.07.2019. Доступ: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_153_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

⁷⁸ ICAO: Report on the ICAO Evaluation of Regional Safety Oversight Organizations. November 2017. P. 9-10. URL: http://coscapsothasia.org/wp-content/uploads/2017/12/ICAO_RSOO_Evaluation_Final_V01_Nov-2017.pdf (accessed 18.09.2021)

⁷⁹ ИКАО: Рабочий документ 40-й сессии Ассамблеи «Поддержка и помощь региональным организациям по контролю за обеспечением безопасности полетов (RSOO) в регионе Африки и Индийского океана (AFI)». 31.07.2019. Доступ: https://www.icao.int/Meetings/a40/Documents/WP/wp_153_ru.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

международно-правовых обязательств данных государств, то есть к ситуации, когда государство будет поставлено перед необходимостью выполнения противоречащих друг другу решений двух региональных организаций по одному и тому же вопросу. Например, правила и процедуры в области сертификации и обеспечения безопасности полетов, принятые ААМАС, либо результаты аудитов ААМАС своих государств-членов по соблюдению правил и процедур в сфере безопасности полетов могут вступить в противоречие с аналогичными правилами, процедурами и результатами аудитов АССА или УРСАК.

Учитывая, что правила, процедуры и решения региональных международных организаций и самих государств в области обеспечения безопасности полетов в той или иной степени направлены на внедрение международных стандартов ИКАО, принимаемых на основании Чикагской конвенции, теоретически сама проблема противоречий между правилами, процедурами и решениями этих региональных организаций могла бы быть исключена, если бы они полностью соответствовали указанным универсальным международным стандартам. Однако на практике, ввиду сложности и не всегда точных формулировок самих международных стандартов ИКАО, а также причин экономического и иного характера, к сожалению, уровень их внедрения в различных государствах и регионах далеко не одинаков, что в свою очередь приводит к отсутствию, в особенности, в Африке, единообразия правил, стандартов и процедур в сфере безопасности полетов, предусмотренного ст. 37 Чикагской конвенции.

Конечно, любое государство как суверенное образование вправе самостоятельно решать вопрос о членстве в той или иной международной авиационной организации при условии совместности принимаемых им на себя международно-правовых обязательств с Чикагской конвенцией и с учетом ограничений в отношении членства, которые могут быть установлены учредительными актами соответствующих международных организаций (например, принадлежность государства к определенному региону

и т. д.). В этой связи, ни в коей мере не преуменьшая значение принципа суверенного равенства государств, возможным вариантом решения проблемы дублирования членства в региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий могло бы стать включение в международные договоры, учреждающие данные организации, более жестких условий вступления для новых государств-членов. Положения указанных международных договоров (учредительных актов) могли бы предусматривать, что условия членства в соответствующей региональной международной организации согласуются отдельно с каждым государством и должны быть направлены, в том числе на исключение потенциальных случаев коллизии международно-правовых обязательств данных государств (например, перед вступлением или незамедлительно после вступления в такую региональную международную организацию на государство может быть возложена обязанность выйти из другой региональной организации с такой же компетенцией)⁸⁰.

5. Общие выводы

Несмотря на очевидные преимущества и важное значение регионального сотрудничества государств для повышения уровня безопасности полетов в гражданской авиации, на сегодняшний день дальнейшее развитие данного сотрудничества зависит от успешного решения следующих проблем:

– необходимость совершенствования международно-правовой базы (например, международные договоры, решения международных организаций и др.) учреждения и деятельности региональных международных организаций и органов по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, в том числе в направлении расширения их полномочий для их государств-членов (например, сертификация авиационной техники и других объектов гражданской авиации, осуществление полного расследования авиационных происшествий и т. д.);

⁸⁰ Подобная практика используется, например, в рамках Европейского Союза, при вступлении в который государство должно выполнить условия, предусмотренные в договоре о его присоединении к ЕС (accession treaty). Данные условия присоединения (вступления в ЕС) могут включать в себя обязательства выхода из определенных договоров с третьими государствами (в том числе выход из соглашений о зонах свободной торговли с третьими государствами).

– ограничение случаев одновременного членства одних и тех же государств в нескольких региональных международных организациях по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, например, за счет включения в международные договоры, учреждающие данные региональные организации, более жестких условий вступления в них государств;

– обеспечение более стабильного финансирования деятельности региональных международных организаций и органов по контролю за обеспечением безопасности полетов и расследованию авиационных происшествий, в частности за счет предоставления возможности увеличения взноса в их бюджет отдельным более экономически развитым государствам-членам, которым учредительным актом региональной международной организации могут быть даны более широкие права при принятии определенных решений ее органами (например, посредством введения принципа взвешенного голосования);

– обучение и повышение квалификации большего числа специалистов, выполняющих инспекторские функции в области контроля за обеспечением безопасности полетов и функции по расследованию авиационных происшествий

и инцидентов, что создаст предпосылки для делегирования государствами соответствующим региональным международным организациям указанных функций в большем объеме и, в свою очередь, расширит полномочия данных организаций.

Представляется, что решение этих проблем, в частности на основе рекомендаций, изложенных в настоящей статье, позволит повысить эффективность и привлекательность различных форм регионального сотрудничества в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов и расследования авиационных происшествий для более широкого круга государств, а также поможет в совершенствовании регионального сотрудничества Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств в указанной сфере. Целесообразно, чтобы именно Российская Федерация как государство, обладающее относительно развитой гражданской авиацией, собственной авиационной промышленностью, определенным кадровым потенциалом авиационных специалистов, авторитетными авиационными учебными заведениями и являющееся членом Совета ИКАО, играла ведущую и организующую роль в процессе указанного сотрудничества в своем регионе.

Список литературы

1. Бордунов В.Д. 1989. *Правовой механизм деятельности международных авиационных организаций*. М.: Наука. 168 с.
2. Вельяминов Г.М. 2015. *Международное право: опыты*. М.: Статут. 1006 с.
3. Воскобойникова М.А. 1996. Юридические аспекты углубления интеграции в гражданской авиации. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 226–241.
4. Гаврилов В.В., Данышов В.Э. 2019. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
5. *Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование)*. Под ред. Т.Я. Хабриевой. 2016. М.: ИНФРА-М. 332 с.
6. Капустин А.Я. 2010. *Международные организации в глобализирующемся мире*. М.: Российский университет дружбы народов. 316 с.
7. *Курс международного права. В 7 т. Т. 5*. Под ред. В.С. Верещетина. 1992. М.: Наука. 336 с.
8. *Международное воздушное право. В 2 кн. Кн. 1*. Под ред. А.Н. Мовчана. 1980. М.: Наука. 352 с.
9. Мильде М. 2017. *Международное воздушное право и ИКАО*. СПб.: Институт AERONHELP. 451 с.
10. Морозов Г.И. 1974. *Международные организации: некоторые вопросы теории*. М.: Мысль. 332 с.
11. Сапрыкин Ф.И. 1995. Межгосударственные авиационные органы СНГ. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 104–112.
12. Шибяева Е.А. 1986. *Право международных организаций: Вопросы теории*. М.: Международные отношения. 160 с.
13. Abeyratne R. 2010. Ensuring Regional Safety in Air Transport. – *Air and Space Law*. Vol. 35. Issue 3. P. 249–262.
14. Abeyratne R. 2012. *Strategic Issues in Air Transport. Legal, Economic and Technical Aspects*. Switzerland: Springer International Publishing. 424 p. DOI: 10.1007/978-3-642-21960-3.
15. Abeyratne R. 2016. *Rulemaking in Air Transport. A Deconstructive Analysis*. Switzerland: Springer International Publishing. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-319-44657-8.
16. Amerasinghe C.F. 2005. *Principles of the institutional law of international organizations*. Cambridge: Cambridge University Press. 535 p.
17. Barreto O. 2002. Safety Oversight: Federal Aviation Administration, International Civil Aviation Organization, and Central American Aviation Safety Agency. – *Journal of Air Law and Commerce*. Vol. 67. Issue 3. P. 672–675.
18. *Behind and Beyond the Chicago Convention: The Evolution of Aerial Sovereignty*. Ed. by Mendes de Leon P. and Buissing N. 2019. The Netherlands: Kluwer Law International. 498 p.

19. Bordunov V.D. 1994. Air Law Developments in the CIS: Modern Trends. – *Annals of Air and Space Law*. Vol. XIX-II. P. 109–115.
20. Challinor C. 2017. Accident Investigators Are the Guardians of Public Safety: The Importance of Safeguarding the Independence of Air Accident Investigation as Illustrated by Recent Accidents. – *Air & Space Law*. Vol. 42. Issue 1. P. 43–70.
21. Huang J. 2009. *Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices*. The Netherlands: Kluwer Law International. 256 p.
22. Mendes de Leon P. 2017. *Introduction to Air Law*. 10th ed. The Netherlands: Kluwer Law International. 576 p.
23. Ratajczyk M. 2015. *Regional Aviation Safety Organizations. Enhancing Air Transport Safety Through Regional Cooperation*. The Netherlands: Kluwer Law International. 352 p.
24. Sarooshi D. 2005. *International Organizations and Their Exercise of Sovereign Powers*. Oxford: Oxford University Press. 151 p.
25. Schermers H.G., Blokker N.M. 2011. *International Institutional Law*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 1310 p.
26. Schlumberger C.E., Vijayakumar S. 2014. Regional Safety Oversight Organisation: Service Provider or More? – *Annals of Air and Space Law*. Vol. XXXIX. P. 31–34.
27. Surdej A. 2020. Multilateralism and international governmental organizations: principles and instruments. – *Transforming Government: People, Process and Policy*. Vol. 14. No. 3. P. 337–350. DOI: <https://doi.org/10.1108/TG-11-2019-0107>
28. Truxal S. 2017. *Economic and Environmental Regulation of International Aviation. From International to Global Governance*. New York: Routledge. 222 p.
29. Uva R.S. 2018. The International Dimension of EASA Under the New Basic Regulation. – *Air & Space Law*. Vol. 43. Issue 4/5. 4. P. 411–429.
30. *dunarodnykh aviatsionnykh organizatsii* [Legal Mechanism of Activities of International Aviation Organizations]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 168 p. (In Russ.)
9. Challinor C. Accident Investigators Are the Guardians of Public Safety: The Importance of Safeguarding the Independence of Air Accident Investigation as Illustrated by Recent Accidents. – *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42. Issue 1. P. 43–70.
10. Gavrillov V.V., Danshov V.E. Soderzhanie kategorii "nadnatsional'nost'" v sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi doctrine [The Content of the Category "Supranationalism" in the Contemporary International Legal Doctrine.]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No.3.P.6–13.(InRuss.).DOI:<https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
11. *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie)*. Pod red. T.Ya. Khabrievoi [Globalization and Integration Processes in the Asia-Pacific Region (legal and economic research)]. Ed. by T.Ya. Khabrieva]. Moscow: INFRA-M Publ. 2016. 332 p. (In Russ.)
12. Huang J. *Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2009. 256 p.
13. Kapustin A.Ya. *Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchetsya mire* [International Organizations in a Globalizing World]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. 2010. 316 p. (In Russ.)
14. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 5*. Pod red. V.S. Vereshchetina [Course of International Law. In 7 Volumes. Vol. 5. Ed. by V.S. Vereshchetin]. Moscow: Nauka Publ. 1992. 336 p. (In Russ.)
15. Mendes de Leon P. *Introduction to Air Law*. 10th ed. The Netherlands: Kluwer Law International. 2017. 576 p.
16. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo. V 2 kn. Kn. 1*. Pod red. A.N. Movchana [International Air Law. In 2 Books. Book 1. Ed. by A.N. Movchan]. Moscow: Nauka Publ. 1980. 352 p. (In Russ.)
17. Milde M. International Air Law and ICAO (Russ. ed.: Milde M. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo i ICAO*. Saint Petersburg: Institut AEROHELP Publ. 2017. 451 p.)
18. Morozov G.I. *Mezhdunarodnye organizatsii: nekotorye voprosy teorii* [International Organizations: Some Issues of Theory]. Moscow: Mysl' Publ. 1974. 332 p. (In Russ.)
19. Ratajczyk M. *Regional Aviation Safety Organizations. Enhancing Air Transport Safety Through Regional Cooperation*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2015. 352 p.
20. Saprykin F.I. *Mezhdunarodnye aviatsionnye organy SNG* [Interstate Aviation Bodies of the CIS]. – *Moscow Journal of International Law*. 1995. No. 1. P. 104–112. (In Russ.)
21. Sarooshi D. *International Organizations and Their Exercise of Sovereign Powers*. Oxford: Oxford University Press. 2005. 151 p.
22. Schermers H.G., Blokker N.M. *International Institutional Law*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2011. 1310 p.
23. Schlumberger C.E., Vijayakumar S. Regional Safety Oversight Organisation: Service Provider or More? – *Annals of Air and Space Law*. 2014. Vol. XXXIX. P. 31–34.
24. Shibaeva E.A. *Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: Voprosy teorii* [Law of International Organizations: Questions of Theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1986. 160 p. (In Russ.)
25. Surdej A. Multilateralism and international governmental organizations: principles and instruments. – *Transform-*

References

1. Abeyratne R. Ensuring Regional Safety in Air Transport. – *Air and Space Law*. 2010. Vol. 35. Issue 3. P. 249–262.
2. Abeyratne R. *Rulemaking in Air Transport. A Deconstructive Analysis*. Switzerland: Springer International Publishing. 2016. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-319-44657-8.
3. Abeyratne R. *Strategic Issues in Air Transport. Legal, Economic and Technical Aspects*. Switzerland: Springer International Publishing. 2012. 424 p. DOI: 10.1007/978-3-642-21960-3.
4. Amerasinghe C.F. *Principles of the institutional law of international organizations*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 535 p.
5. Barreto O. Safety Oversight: Federal Aviation Administration, International Civil Aviation Organization, and Central American Aviation Safety Agency. – *Journal of Air Law and Commerce*. 2002. Vol.67. Issue 3. P. 672–675.
6. *Behind and Beyond the Chicago Convention: The Evolution of Aerial Sovereignty*. Ed. by Mendes de Leon P. and Buissing N. The Netherlands: Kluwer Law International. 2019. 498 p.
7. Bordunov V.D. Air Law Developments in the CIS: Modern Trends. – *Annals of Air and Space Law*. 1994. Vol. XIX-II. P. 109–115.
8. Bordunov V.D. *Pravovoi mekhanizm deyatel'nosti mezhdunarodnykh aviatsionnykh organizatsii* [Legal Mechanism of Activities of International Aviation Organizations]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 168 p. (In Russ.)
9. Challinor C. Accident Investigators Are the Guardians of Public Safety: The Importance of Safeguarding the Independence of Air Accident Investigation as Illustrated by Recent Accidents. – *Air & Space Law*. 2017. Vol. 42. Issue 1. P. 43–70.
10. Gavrillov V.V., Danshov V.E. Soderzhanie kategorii "nadnatsional'nost'" v sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi doctrine [The Content of the Category "Supranationalism" in the Contemporary International Legal Doctrine.]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No.3.P.6–13.(InRuss.).DOI:<https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
11. *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie)*. Pod red. T.Ya. Khabrievoi [Globalization and Integration Processes in the Asia-Pacific Region (legal and economic research)]. Ed. by T.Ya. Khabrieva]. Moscow: INFRA-M Publ. 2016. 332 p. (In Russ.)
12. Huang J. *Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2009. 256 p.
13. Kapustin A.Ya. *Mezhdunarodnye organizatsii v globaliziruyushchetsya mire* [International Organizations in a Globalizing World]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov Publ. 2010. 316 p. (In Russ.)
14. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 5*. Pod red. V.S. Vereshchetina [Course of International Law. In 7 Volumes. Vol. 5. Ed. by V.S. Vereshchetin]. Moscow: Nauka Publ. 1992. 336 p. (In Russ.)
15. Mendes de Leon P. *Introduction to Air Law*. 10th ed. The Netherlands: Kluwer Law International. 2017. 576 p.
16. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo. V 2 kn. Kn. 1*. Pod red. A.N. Movchana [International Air Law. In 2 Books. Book 1. Ed. by A.N. Movchan]. Moscow: Nauka Publ. 1980. 352 p. (In Russ.)
17. Milde M. International Air Law and ICAO (Russ. ed.: Milde M. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo i ICAO*. Saint Petersburg: Institut AEROHELP Publ. 2017. 451 p.)
18. Morozov G.I. *Mezhdunarodnye organizatsii: nekotorye voprosy teorii* [International Organizations: Some Issues of Theory]. Moscow: Mysl' Publ. 1974. 332 p. (In Russ.)
19. Ratajczyk M. *Regional Aviation Safety Organizations. Enhancing Air Transport Safety Through Regional Cooperation*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2015. 352 p.
20. Saprykin F.I. *Mezhdunarodnye aviatsionnye organy SNG* [Interstate Aviation Bodies of the CIS]. – *Moscow Journal of International Law*. 1995. No. 1. P. 104–112. (In Russ.)
21. Sarooshi D. *International Organizations and Their Exercise of Sovereign Powers*. Oxford: Oxford University Press. 2005. 151 p.
22. Schermers H.G., Blokker N.M. *International Institutional Law*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2011. 1310 p.
23. Schlumberger C.E., Vijayakumar S. Regional Safety Oversight Organisation: Service Provider or More? – *Annals of Air and Space Law*. 2014. Vol. XXXIX. P. 31–34.
24. Shibaeva E.A. *Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: Voprosy teorii* [Law of International Organizations: Questions of Theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1986. 160 p. (In Russ.)
25. Surdej A. Multilateralism and international governmental organizations: principles and instruments. – *Transform-*

- ing Government: People, Process and Policy*. 2020. Vol. 14. No. 3. P. 337–350. DOI: <https://doi.org/10.1108/TG-11-2019-0107>
26. Truxal S. *Economic and Environmental Regulation of International Aviation. From International to Global Governance*. New York: Routledge. 2017. 222 p.
27. Uva R.S. The International Dimension of EASA Under the New Basic Regulation. – *Air & Space Law*. 2018. Vol. 43. Issue 4/5. 4. P. 411–429.
28. Vel'yaminov G.M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: experiments]. Moscow: Statut Publ. 2015. 1006 p. (In Russ.)
29. Voskoboinikova M.A. Yuridicheskie aspekty uglublenniy integratsii v grazhdanskoy aviatsii [Legal Aspects of Deepening Integration in Civil Aviation]. – *Moscow Journal of International Law*. 1996. No. 3. P. 226–241. (In Russ.)

Информация об авторе**Александр Александрович Баталов,**

кандидат юридических наук, магистр международного воздушного и космического права (Лейденский университет), Представительство Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

3617, Avenue du Musée, Montreal, H3G 2E1, Canada

alex batalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

About the Author**Alexander A. Batalov,**

Cand. Sci. (Law), LLM in International Air and Space Law (Leiden University), Representation of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)

3617, Avenue du Musée, Montreal, Canada, H3G 2E1

alex batalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.09.2021
Принята к публикации: 26.11.2021

Низами Абдуллаевич САФАРОВ

Национальное Собрание Азербайджанской Республики

Парламентский проспект, д. 1, Баку, AZ 1152, Азербайджанская Республика

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337

ПРАВОСУДИЕ ОТ ИМЕНИ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ ОБВИНИТЕЛЕЙ: ДЕЛО «THE ATTORNEY GENERAL OF THE GOVERNMENT OF ISRAEL V. ADOLF EICHMANN» В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. Уголовное преследование Адольфа Эйхмана, одного из наиболее разыскиваемых военных преступников, фигурировавшего в числе главных «архитекторов» «окончательного решения еврейского вопроса», вызвало целый ряд проблем политического, правового характера и этического характера. При этом судебное разбирательство по делу А. Эйхмана было беспрецедентным в долгой истории международного уголовного права в силу целого ряда обстоятельств. Хотя многие лидеры нацистского режима предстали перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, массовые убийства и другие вопиющие преступления против Еврейского народа не стали основным предметом уголовного разбирательства, а некоторым организаторам систематического истребления евреев населения удалось скрыться от ответственности. В этом отношении преследование и наказание одного из главных виновников геноцида еврейского населения явилось одной из самых важных задач государства Израиль.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составили работы ведущих юристов-международников, специализирующихся в области

международного уголовного права, а также международной выдачи преступников; аналитическую базу – решения Нюрнбергского международного военного трибунала, национальных судов государства Израиль, включая знаковое решение *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*, а также решения национальных судов США, приведенных в статье в целях компаративного анализа. Основными методами исследования являются: исторический метод, методы формальной логики, включая анализ, синтез и аналогию, а также системный, сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе исследования международно-правовых актов, международной судебной практики, а также национально-законодательства и практики судебных органов государства Израиль, автором формируются выводы, связанные с установлением видов уголовной юрисдикции, похищением обвиняемых с территории иностранных государств, его последствия в виде нарушения суверенитета государства. Вместе с тем, в статье указывается, что обстоятельства ареста и способ доставки не рассматриваются в

качестве релевантных обстоятельств, которые могли бы препятствовать осуществлению уголовной юрисдикции. В контексте осуществления правосудия на А. Эйхманом автор анализирует отдельные положения Конвенции о статусе беженцев от 14 декабря 1951 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе проведенного исследования автор проанализировал значительный объем материалов, обобщил доктринальные позиции, выдвинутые рядом выдающихся ученых-международников, а также сформировал вывод о том, что суд над Адольфом Эйхманом ознаменовал собой не только осуществление правосудия над геноцидарием, но и предоставил еще одну возможность широкой международной огласки вопиющих преступлений нацистского режима и необходимость объединения коллективных усилий государств для избавления будущих поколений от подобных злодеяний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное уголовное право, военные преступления, геноцид, преступле-

ния против человечности, уголовное преследование, Международный военный трибунал в Нюрнберге, Холокост, экстрадиция, насильственное похищение, универсальная юрисдикция, принцип территориальности, принцип протективности, статус беженцев, *hostis humani generis*, обязательства *erga omnes*, нормы *jus cogens*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сафаров Н.А. 2021. Правосудие от имени шести миллионов обвинителей: дело «*The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*» в контексте международного права. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 70–107. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Данная публикация отражает личную точку зрения автора и не может ассоциироваться с позицией какого-либо официального учреждения.

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Research article
Received 27 September 2021
Approved 26 November 2021

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

Nizami A. SAFAROV

National Assembly of the Republic of Azerbaijan
1, Parlamentskii prospect, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1152
nizami.s@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-4763-4337

JUSTICE IN THE NAME OF SIX MILLION ACCUSERS: THE CASE OF *THE ATTORNEY GENERAL OF THE GOVERNMENT OF ISRAEL V. ADOLF EICHMANN* IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION. *The legal saga of the prosecution of Adolf Eichmann, one of the most wanted war criminals and chief “architect” of the Holocaust, raises many ethical,*

political and legal problems. The Eichmann trial is unprecedented in the long history of international criminal law for many reasons. Although many leaders of Nazi re-

gime were put on trial at Nuremberg before International Military Tribunal, mass killings and other outrageous crimes against Jews was not the main object of the trial. Thereby prosecution and punishment one of the most important organizers of the genocide of Jewish people, creator of new type of evil and new type of crime, become the great task of the State of Israel.

MATERIALS AND METHODS. The theoretical basis of the study consists of the works of leading international lawyers specializing in international criminal law, as well as the international extradition of criminals; the analytical base comprises of the decisions of the Nuremberg International Military Tribunal, as well as the national courts of the State of Israel, in particular the cult decision the Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann, as well as the decisions of the national courts of the United States, cited in the article for the purpose of comparative analysis. The methodological basis of the research comprises historical method, methods of formal logic, including analysis, synthesis and analogy, as well as systemic, comparative legal methods and method of interpretation.

RESEARCH RESULTS. Based on the study of international legal instruments and international judicial practice, as well as the national legislation of the State of Israel, the author made conclusions related to the abduction of accused from the territory of a foreign state, in particular its consequences in the form of violation of the sovereignty of the state. At the same time, the article contains a statement that the unlawfulness of the arrest does not prevent the court from exercising jurisdiction over the person. In the context of the administration of justice by the State of Israel, the author analyzes the Convention relating to the Status of Refugees of December 14, 1951, paying special

attention to the problem of the possible immunity of the accused based on the refugee status granted by the state.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In the course of the study, the author analyzed a significant amount of materials, summarized the doctrinal positions put forward by a number of prominent international scholars, and also formed the conclusion that the trial of Eichmann marked not only the administration of justice over the international criminal, but also provided another opportunity for a broad international publicity of the horrors of the Nazi regime and the need to unite collective efforts of states to save future generations from such international crimes.

KEYWORDS: international criminal law, war crimes, genocide, crimes against humanity, criminal prosecution, International Military Tribunal at Nuremberg, Holocaust, extradition, forced abduction, universal jurisdiction, principle of territoriality, protective principle, status of refugees, hostis humani generis, obligations erga omnes, jus cogens norms

FOR CITATION: Safarov N.A. Justice in the Name of Six Million Accusers: the Case of the Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann in the Context of International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 70–107. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-70-107>

The author declares the absence of conflict of interest.

This publication reflects the personal point of view of the author and cannot be associated with the position of any official institution.

«Представ здесь перед Вами, Судьи Израиля, чтобы осуществлять обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной в этот час шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать и указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!»... Я буду за них говорить и от их имени предъявлю ужасающий обвинительный акт»

Выдержка из речи Генерального прокурора Израиля Гидеона Хаузнера на судебном процессе против Адольфа Эйхмана

1. Введение

Процесс формирования нового международно-правового порядка в период после окончания Второй мировой войны был неразрывным образом связан с осуществле-

нием последовательной борьбы с безнаказанностью международных преступлений, имевших место в ходе прошедших событий.

Цивилизованный мир должен был дать адекватный правовой ответ на грубейшие нарушения фундаментальных прав человека, вытекающий

из обязательств государств по осуществлению правосудия в отношении военных преступников¹.

Однако даже среди судебных прецедентов, касающихся преследования индивидов, обвиняемых в совершении геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности, рассмотренное Окружным судом Иерусалима дело *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann*, стоит особняком не только в силу его материально-правовых и процессуальных особенностей, но прежде всего, из-за его неразрывной связи с Холокостом или как его называют на иврите Shoah - одним из самых трагических событий как в истории Еврейского народа, так и всего человечества, в ходе которого систематическому истреблению подверглось шесть миллионов человек, единственная вина которых заключалась в их национальной принадлежности.

Как подчеркивалось в литературе, дело А. Эйхмана по конкретным аспектам было первым судебным разбирательством, непосредственно сфокусировавшемся на преступлениях Холокоста. В своей вступительной речи по данному делу Генеральный прокурор Израиля подчеркнул, что «бедствие Еврейского народа в этом поколении было предметом рассмотрения на ряде судебных процессов, проведенных после поражения Германии во Второй мировой войне, но ни в одном из этих разбирательств трагедия еврейства в целом не была главной проблемой». Окружной суд Иерусалима в своем приговоре отметил, что вопрос Холокоста «подробно рассматривался в Международном военном трибунале в Нюрнберге во время судебного процесса над главными военными преступниками, а также на нескольких последующих судебных процессах; но на этот раз он занял центральное место в судебном разбирательстве, и именно этот факт отличает данный процесс от предыдущих» [Douglas 2001:97-98].

Фундаментальность указанного судебного процесса подчеркивалась и тем обстоятельством, что на скамье подсудимых оказался один из самых разыскиваемых военных преступников, вовлеченных в бесчеловечную программу «окончательного решения еврейского вопроса» [Longerich 2010:133], оберштурмбанфюрер СС

(*Schutzstaffel (SS)*) и руководитель сектора IV-B4 (Еврейские отношения и вопросы эвакуации) Главного управления имперской безопасности (*Reichssicherheitshauptamt (RSHA) Referat IV-B4*) Адольф Эйхманн, для описания которого известный публицист Ханна Арендт использовала термин «банальность зла» (*banality of evil*) [Arendt 1963:275]².

Как отметил Генеральный прокурор Израиля Гидеон Хаузнер в своей обвинительной речи «в лице Адольфа Эйхмана народы планеты «столкнулись с новым типом убийцы, которые занимаются своим кровавым ремеслом сидя за столом, и лишь изредка совершают поступки своими руками»³.

Именно процесс против А. Эйхмана был назван крупнейшим ученым-международником проф. Георгом Шварценбергером одной из величайших драм юридической истории [Schwarzenberger 1962:248]. Другой исследователь, проф. Доминик Ласок, отмечал, что суд над Адольфом Эйхманом войдет в историю как не имеющий прецедента в силу чудовищности предъявленных обвинений [Lasok 1962:376]. Бывший судья Военного трибунала США в Нюрнберге, который председательствовал на процессе по делу *The United States of America vs. Otto Ohlendorf, et al (Einsatzgruppen Trial)*, а впоследствии занял пост председателя Верховного суда Пенсильвании, Анджело Мусманно заметил, что процесс по делу Эйхмана – одно из самых важных разбирательств в истории, которое никогда не должно быть забыто, ибо это было бы зияющей пропастью в географии человеческого духа [Musmanno 1961:1].

Несмотря на значительный промежуток времени, прошедший с момента судебного разбирательства, уникальное уголовное дело, сконцентрировавшее в себе сложнейшие вопросы политики и права, даже спустя 60 лет в современных условиях требует скрупулезного юридического анализа и соответствующего осмысления. Указанное не в последнюю очередь объясняется тем, что обвинение столкнулось с необходимостью решения двуединой задачи: возрождения памяти о еврейской трагедии в Европе, где доминировал Гитлер и установления индивидуальной вины А. Эйхмана способом, совместимым

¹ См.: [Beigbeder 2005:1; Roht-Arriaza 2018:47-58].

² См. также: [Cassese 2009:645].

³ См. подробно: [Weitz 2009:26-49; Landsman 2012:77-87].

со строгими требованиями верховенства права [Schwarzenberger 1962:248]. По мнению проф. Г. Шварценбергера, для правительства Израиля наказание А. Эйхмана не было главной целью привлечения военного преступника к суду. Этот процесс должен был заставить молодое поколение Израиля увидеть Холокост европейского еврейства в истинной перспективе и напомнить миру в целом о трагедии [Schwarzenberger 1962:250]. Соглашаясь с последним тезисом Г. Шварценбергера, все же позволим себе заметить, что преследование А. Эйхмана, и тем более его предание суду на территории Израиля с участием жертв Холокоста и их родственников, а также осуждение его к самому суровому наказанию в соответствии национальным законодательством, было вопросом высшей принципиальности для молодого еврейского государства.

2. Дипломатические проблемы в контексте дела А. Эйхмана: кризис в двусторонних отношениях Аргентины и Израиля, обсуждения в Совете Безопасности ООН

Специальное упоминание об А. Эйхмане сохранилось в приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге, где было указано, что «нацистское преследование евреев в Германии до войны, хотя было жестоким и безжалостным, не идет ни в какое сравнение с политикой, проводимой во время войны на оккупированных территориях. Первоначально эта политика была схожа с той, которая осуществлялась и внутри Германии: все евреи должны были проходить регистрацию, их заставляли жить в гетто, они должны были носить желтую звезду, и их использовали для рабского труда. Летом 1941 г., однако, начали разрабатываться планы «окончательного решения еврейского вопроса» в Европе. Это «окончательное решение» означало уничтожение всех евреев, которое, согласно угрозам Гитлера, в начале 1939 года должно было явиться одним из следствий разразившейся войны; для проведения в жизнь этой политики был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман, начальник

отдела В4»⁴. Еще одна ссылка в приговоре гласила, что «Адольф Эйхман, которому Гитлер поручил осуществление этой программы [имелось в виду «окончательное решение еврейского вопроса» – прим. автора], подсчитал, что в результате проводившейся политики было убито шесть миллионов евреев, из которых четыре миллиона было убито в пунктах для истребления людей»⁵. Таким образом, хотя имя военного преступника упоминалось на процессе в отношении главных нацистских преступников в связи с истреблением еврейского населения, тем не менее, посадить его на скамью подсудимых не удалось, поскольку А. Эйхман смог скрыться от правосудия. Лишь пятнадцать лет спустя в результате беспрецедентных усилий израильских спецслужб удалось идентифицировать преступника и доставить его на территорию Израиля для привлечения к уголовной ответственности.

Следует напомнить, что одному из наиболее знаковых процессов в истории юриспруденции, являющемуся предметом анализа настоящей статьи, непосредственно предшествовало заявление премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, с которым он 23 мая 1960 г. выступил перед Кнессетом, отметив в частности, следующее: «Некоторое время назад израильскими службами безопасности был обнаружен один из величайших нацистских военных преступников, Адольф Эйхманн, который вместе с нацистскими лидерами несет ответственность за то, что называется «окончательным решением еврейского вопроса» – уничтожение шести миллионов европейских евреев. Адольф Эйхманн находится в настоящее время под арестом в Израиле и вскоре предстанет перед судом в соответствии с Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании) 1950 г.»⁶.

Заявление премьер-министра Израиля было сделано вслед за осуществлением специальными службами захвата на территории Аргентины А. Эйхмана, скрывавшегося под фамилией Рикардо Клемента и работавшего на заводе Мерседес-Бенц в пригороде Буэнос Айреса⁷. Причем его нелегальная доставка сотрудниками «Моссада» в Израиль⁸ спровоцировала острую

⁴ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November – 1 October 1946. Vol. I. P. 250. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_Vol-I.pdf (accessed 10.07.2021). См. также: [Lippert 1962].

⁵ Ibid. P. 252-253.

⁶ См.: [Liskofsky 1961:199; Keren 1991:38-39; Mulish 2005:IX; Bach 2011:216].

⁷ Обстоятельства похищения А.Эйхмана см. подробно: [Harel 1975].

⁸ См.: [Ambos 2021:10].

дипломатическую напряженность между двумя государствами.

Уже 1 июня 1960 г. министр иностранных дел Аргентины Диогенес Табоада обратился с требованием к послу Израиля Арье Левави предоставить полную информацию о деле А. Эйхмана. Ответная нота посла, датированная 3 июня, по существу представляла собой официальную попытку израильской стороны дистанцироваться от похищения. Согласно указанной ноте, захват лица был квалифицирован как акция «группы добровольцев», включавших некоторых граждан Израиля, которые осуществили перемещение А. Эйхмана с территории Аргентины и его передачу израильским службам безопасности. Кроме того, израильская сторона выражала «сожаление» по поводу любого нарушения суверенных прав Аргентины, явившихся результатом действий добровольцев. Внимание аргентинского правительства также обращалось на необходимость принятия во внимание того факта, что «перед судом должно предстать лицо, несущее наибольшую ответственность за убийства миллионов людей, принадлежащих к Еврейскому народу, добровольцы которого, сами являвшиеся жертвами бойни, поставили свою историческую миссию выше всяких соображений» [Liskofsky 1961:199]. Однако изложенные в ноте доводы относительно вопроса, касавшегося А. Эйхмана, не увязывались с заявлением, сделанным 23 мая в Кнессете премьер-министром Д. Бен-Гурионом о причастности спецслужб к проведенной операции по поимке одного из наиболее разыскиваемых военных преступников.

Аргентина 8 июня вновь обратилась с нотой к израильской стороне с требованием привлечь к ответственности лиц, совершивших действия, рассматриваемые как нарушение «одного из наиболее фундаментальных прав аргентинского государства». Кроме того власти Аргентины ожидали скорейшего возвращения А. Эйхмана, и довели до сведения Израиля возможность рассмотреть экстрадиционный запрос, представленный посредством способов, предусмотренных международным правом. Внимание израильской стороны также было обращено на тот факт, что при наличии указанного запроса, связанного с обвинением в совершении геноцида, лицо может быть судимо либо в Германии, на территории которой имели место преступные действия либо международным трибуналом. В противном случае, как указывалось в ноте аргентинского министра иностранных дел, вопрос будет передан

на рассмотрение ООН в соответствии с Уставом организации, предусматривающей мирное урегулирование споров.

Дипломатическая напряженность между двумя государствами не снизилась даже несмотря на персональное письмо премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона президенту Артуро Фрондизи, датированное 7 июня 1960 г., в котором он выражал надежду на то, что аргентинская сторона в данном вопросе проявит понимание всей тяжести злодеяний, совершенных А. Эйхманом, «являющимся лицом, ответственным за исполнение приказов Гитлера об «окончательном решении еврейского вопроса» в Европе, т.е. убийстве каждого еврея, который мог попасть в руки нацистов повсеместно на тех европейских территориях, которые были оккупированы в то время». В письме также было обращено внимание на то, что привлечение к ответственности и наказание Эйхмана за беспрецедентные по своей тяжести и жестокости преступления, могло быть осуществлено только в Израиле [Asia...1960:283]. Еще до того, как письмо Д. Бен-Гуриона было получено президентом Артуро Фрондизи, т.е. 8 июня 1960 г. министерство иностранных дел Аргентины направило очередную ноту посольству Израиля, в которой было выражено осуждение особо тяжких преступлений, совершенных нацистским режимом под руководством Гитлера, отнявших жизни у миллионов людей. Кроме того, обращалось внимание на тот факт, что израильская сторона не внесла ясности в вопрос о том, действовали ли участники акции по захвату А. Эйхмана от имени еврейского государства. Тем не менее, в ноте утверждалось, что «прямое одобрение Израилем действий добровольцев и намерение предать Эйхмана суду, в результате привело к вменению юридической ответственности еврейскому государству». МИД Аргентины вновь выразило свое разочарование тем, что, Израиль не смог предложить соответствующие компенсации за нарушение суверенитета государства, в качестве которых имелось в виду возвращение А. Эйхмана и наказание тех, кто несет ответственность за нарушение аргентинского законодательства [Lippman 2002:57]. Нельзя также не упомянуть, что в ответном письме президента Аргентины премьер-министру Израиля, датированном 13 июня, хотя и было подтверждено негативное отношение к преступлению геноцида, вместе с тем, было особо подчеркнуто, что «сами принципы мирного сосуществования могут быть нарушены, если отношения между государ-

ствами не будут осуществляться в соответствии с универсально признаваемыми юридическими нормами».

Однако предпринятые дипломатические усилия не смогли снизить напряженность между двумя государствами, и 15 июня 1960 г. аргентинская сторона обратилась с требованием срочного созыва Совета Безопасности ООН в связи с «нарушением суверенных прав Республики Аргентины, явившихся результатом незаконного и нелегального перемещения Адольфа Эйхмана с территории Аргентины на территорию государства Израиль». Произошедшее было расценено как действия, находящиеся в противоречии с целями и принципами Устава ООН, создающие атмосферу недоверия, несовместимую с обеспечением международного мира и безопасности. В пояснительном меморандуме правительство Аргентины ссылалось на ноту министра иностранных дел страны, датированную 10 июня 1960 г., в которой был выражен протест Израилю после того, как стало известно, что А. Эйхман был захвачен «группой добровольцев» и вывезен за пределы аргентинской территории. Кроме того, аргентинская сторона потребовала приемлемых для данного случая репараций, которые должны были выражаться, во-первых, в возвращении указанного лица в течение соответствующего временного лимита, установленного сроком в 7 дней; во-вторых, в наказании тех, кто был причастен к нарушению территориального суверенитета Аргентины.

Рассмотрение вопроса в Совбезе ООН продолжалось в течение двух дней – 22 и 23 июня и выявило достаточно интересные позиции различных государств, на которых целесообразно остановиться подробнее.

Прежде всего, следует заметить, что ходе обсуждений выступили представители Аргентины, Китая, СССР, Польши, США, Соединенного Королевства, Франции, Туниса, Цейлона. При этом в основе дебатов находились две фундаментальные проблемы, связанные: во-первых, с соблюдением принципа неизменности государственного суверенитета и признанием преимущественного характера территориальной юрисдикции; во-вторых, с безусловным осуждением преступлений, имевших место в ходе Второй мировой войны и необходимостью уголовной ответственности и наказания военных преступников, в пе-

речне которых А. Эйхман занимал одно из наиболее видных мест [Liskofsky 1961:199].

Обсуждение проблемы, которая привела к возникновению серьезной напряженности в отношениях двух государств, началось с изложения позиции Аргентины, которая была представлена ее постоянным представителем, послом Марио Амадео. Основной акцент в его выступлении был сделан на нарушение суверенитета своей страны, необходимость наказания лиц, причастных к этим действиям, а также предоставление соответствующей компенсации. При этом он заявил, что «согласие, якобы данное Эйхманом на его переезд в Израиль, не изменяет того факта, что имело место нарушение суверенитета Аргентины». Далее он напомнил, что «статус Эйхмана в Аргентине и тот факт, что он жил там нелегально, не имеют никакого отношения к рассматриваемому делу». В этой связи следует напомнить, что Аргентина выразила протест не против нарушения общих норм, регулирующих право территориального убежища, или против нарушения существующих конвенций по защите политических беженцев, а осудила посягательство на свой суверенитет в результате незаконных действий иностранного государства в пределах собственной территории. Было подчеркнуто, что «факт проживания какого-либо лица в Аргентине в нарушение ее внутригосударственного законодательства является чисто внутренним делом, которое лишь власти Аргентины уполномочены расследовать и вынести по нему решение. Ни одно иностранное государство не имеет права подменять власти данной страны и исправлять положение путем перемещения из этой страны лица, незаконно в ней проживающего. Любая страна, которая потерпела бы подобное вмешательство в свои внутренние дела, перестала бы быть независимой и достойной уважения».

Как было особо подчеркнуто представителем Цейлона⁹ сэром Клодом Кореа, «никто не может серьезно возражать против утверждения, что современное суверенное государство имеет полное право осуществлять высшую власть в отношении всех лиц и вещей, находящихся на его территории. Подобный суверенитет является качеством, которое присуще государству как субъекту международного права. Согласно положениям международного права, каждое государство правомочно требовать, чтобы другие го-

⁹ После принятия новой конституции страны в 1972 году – Шри Ланка.

сударства воздерживались от проведения любых действий, которые представляют собой нарушение его территориального верховенства; в то же время международное право обязывает каждое государство воздерживаться от проведения подобных действий против любого другого государства¹⁰. Председательствующий на заседании Цзян Тин-Фу, в качестве представителя Китая заявил, что «выступает в защиту принципа уважения национального суверенитета, в отношении которого не может быть сделано никаких исключений». Представитель Польши, воздержавшись при голосовании по проекту резолюции Совбеза, подчеркнул, что его страна «решительно выступает за поддержание и строгое соблюдение принципа уважения суверенитета. Она выступала и будет выступать против любых попыток нарушения этого принципа». Позиция СССР была озвучена послом Аркадием Соболевым, подчеркнувшим, что «Советский Союз всегда стоял за строгое соблюдение общепризнанного принципа суверенитета в отношениях между государствами и считает недопустимыми любые действия, направленные на нарушение этого принципа». Одновременно представителем СССР было отмечено, что западные страны по существу уклонились от реализации своих договорных обязательств, взятых на себя в период Второй мировой войны, и касавшихся уголовного преследования и наказания военных преступников, часть которых нашла убежище в Аргентине.

В любом случае все делегации были единодушны в том, что касалось ответственности и наказания А. Эйхмана. В частности, даже представитель Аргентины, государства инициировавшего рассмотрение вопроса в Совете Безопасности, заявил, что «внушительный перечень преступлений, в совершении которых обвиняется Адольф Эйхман, не может быть использован в данном деле против нас, поскольку в обращении к Организации Объединенных Наций речь идет об удовлетворении наших требований в связи с нарушением наших прав, а не о безнаказанности этих преступлений». В свою очередь, объясняя причины того, почему польская делегация воздержалась от голосования, ее представитель заявил, что резолюция «не предусматривает... четкого подхода по второму вопросу, то есть вопросу о дальнейшей судьбе Эйхмана... Двусмысленность

формулировок способна вызвать толкования, которые могут быть использованы в интересах самого Эйхмана или других военных преступников, где бы они в настоящее время ни находились. А их...проживает в некоторых странах так много, что это не может не вызывать чувства беспокойства. Они не преследуются в судебном порядке, их не привлекают к ответственности, и во многих случаях они делают все, для того, чтобы полностью восстановить свой ненавистный режим...От имени жертв нацистских поработителей, которые еще живы, и в память миллионов, погибших от рук нацистов, хочется выразить надежду на то, что дело Эйхмана побудит все государства, на территории которых все еще проживают не представшие перед судом военные преступники, предпринять решительные меры по их задержанию с тем, чтобы они могли быть переданы в руки правосудия». Делегация СССР, объясняя причины того, почему не голосовала по проекту резолюции, представленной со стороны Аргентины, довела до сведения присутствующих на заседании Совета Безопасности, что «некоторые положения резолюции, касающиеся оценки обстоятельств, связанных с задержанием Эйхмана, идут, по нашему мнению, дальше, чем это может быть оправдано фактической стороной дела. Так, мы не считаем, что допущенные в связи с задержанием Эйхмана действия, за которые, к тому же, правительство Израиля принесло извинение, могут расцениваться как ставящие под угрозу международный мир и безопасность. Такая оценка представляется нам необоснованной. Во-вторых, мы, разумеется, поддерживаем те положения проекта резолюции, в которых указывается, что Эйхман должен быть надлежащим образом судим за тяжкие преступления, совершенные им против человечности. Однако наряду с этим правильным положением, выражающим справедливое возмущение всех народов бесчеловечными преступлениями, совершенными нацистскими преступниками во время второй мировой войны, в решении Совета содержатся положения, которые практически могут ослабить значение признания Советом Безопасности необходимости осуждения Эйхмана. Мы при этом имеем в виду те части резолюции, которые могут дать повод тем, кто хотел бы продолжать несовместимую с международными соглаше-

¹⁰ Здесь и далее все материалы обсуждения в Совете Безопасности ООН. Security Council Official Records. June 23, 1960. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.868> (accessed 10.07.2021). См. об этом также: [Liskofsky 1961:203].

ниями и решениями Организации Объединенных Наций политику попустительства военным преступникам и их укрывательства от законной ответственности, пытаться интерпретировать сегодняшнее решение Совета и самый факт его принятия как хотя бы косвенное признание допустимости подобного рода политики... Пункт 2 постановляющей части резолюции Совета ни в коем случае не может истолковываться как дающий основание для предъявления каких-либо претензий, направленных на возвращение Эйхмана в страну, где он в течение долгих лет уклонялся от справедливого суда за совершенные им злодеяния. В-третьих, мы считаем важным, чтобы все государства — члены Организации Объединенных Наций оказали самую энергичную поддержку осуществлению положения, которое содержится в решении Совета и согласно которому ничто в этом решении никоим образом не может толковаться как прощение отвратительных преступлений, совершенных Эйхманом»¹¹.

Проект резолюции Совета Безопасности, представленный 22 июня 1960 г. со стороны Аргентины в связи с действиями по захвату А. Эйхмана, предусматривал 5 пунктов Преамбулы и 2 пункта резолютивной части. Для того, чтобы принять во внимание обе позиции, которые были озвучены в Совбезе, и касались с одной стороны, проблемы нарушения территориального суверенитета Аргентины, а с другой стороны, безусловного наказания военных преступников, представитель США Генри Кэбот Лодж предложил одобрить проект резолюции, дополнив его двумя пунктами, один из которых относился к Преамбуле¹², другой к резолютивной части¹³ и эти дополнения получили отражение в окончательном варианте резолюции, принятой голосами 8 государств – США, Великобритании, Франции, Цейлона, Китая, Италии, Эквадора и Туниса.

Обсуждения вопроса в ООН наглядным образом продемонстрировали, что Совет Безопасности

оказался между Сциллой государственного суверенитета и Харибдой необходимости предания А. Эйхмана справедливому суду [Lippman: 2002:59], и принятая резолюция выглядела хрупкой попыткой сформировать компромисс между Аргентиной и Израилем, не допустив углубления международного конфликта¹⁴.

Многие исследователи, не одобряя действий израильских властей в правовом смысле, связанных с вмешательством в территориальную юрисдикцию Аргентины и нарушением норм международного права, в то же время, в большинстве случаев были едины во мнении, согласно которому существовал целый ряд оснований для оправдания действий по преданию А. Эйхмана суду. В частности, Карл Ясперс указывал, что хотя арест преступника в Аргентине противоречил международному праву, он был, несомненно, оправдан с моральной и политической точек зрения [Jaspers 2006:854].

Мы не можем не отметить, что хотя буквально за два дня до похищения А. Эйхмана Аргентина и Израиль подписали Договор об экстрадиции, он до ратификации не мог рассматриваться в качестве правовой основы для выдачи военного преступника [Green 1960:508]. Более того, преступления, которые могли бы вменяться в вину А. Эйхману не подпадали под действие указанного договора, поскольку в числе прочих, указанные деяния не имели места на территории договаривающихся сторон и не были совершены их гражданами¹⁵. Несколько иной позиции по данному вопросу придерживался постоянный представитель Аргентины в ООН Марио Амадео, при обсуждении вопроса в Совете Безопасности заявивший, что Израиль мог бы найти основу для инициирования преследования Адольфа Эйхмана в договоре об экстрадиции, подписанном 9 мая 1960 г. Кроме того, он отметил, что «хотя договор не ратифицирован, и поэтому не имеет обязательной силы, он, тем не менее, мог бы стать полезным руководством в данном деле. Так, ста-

¹¹ Security Council Official Records. June 23, 1960. URL: <https://undocs.org/en/S/PV.868> (accessed 10.07.2021). См. об этом также: [Liskofsky 1961:203].

¹² Предложение США по Преамбуле резолюции - «Учитывая, что взаимное всеобщее осуждение преследований евреев при нацистском режиме и желание народов всех стран, чтобы Эйхман был надлежащим образом судим за преступления, в которых он обвиняется». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/541668?ln=en> (accessed 02.08.2021)

¹³ Предложение США по резолютивной части резолюции - «3. Выражает надежду, что традиционные дружеские отношения между Аргентиной и Израилем будут продолжаться». URL: <https://digitallibrary.un.org/record/541668?ln=en> (accessed 02.08.2021).

¹⁴ См.: UN: Question to the Case of Adolf Eichmann. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/138\(1960\)](https://undocs.org/en/S/RES/138(1960)) (accessed 10.07.2021).

¹⁵ См.: [Argentine Jews...2010:83].

тья 11 предоставляет подавшему запрос государству право «потребовать временного задержания разыскиваемого лица»; статья 12 гласит, что «разыскиваемое лицо должно быть препровождено запрашиваемым государством к соответствующему месту, указанному запрашивающим государством»; статья 20 предусматривает, что «когда агенты запрашивающего государства — в этом случае Израйля — находятся на территории другого государства с целью заключения под стражу лица, на выдачу которого было дано согласие, то они подчиняются распоряжениям властей, обладающих юрисдикцией над вышеупомянутой территорией». Иными словами, похитители Эйхмана должны были выполнять указания правительства Аргентины».

Для полноты анализа следует отметить, что в качестве правовой основы для экстрадиции не могла рассматриваться и Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая в 1948 г. Хотя Израиль ратифицировал Конвенцию 9 марта 1950 г., а Аргентина присоединилась к ней 5 июня 1956 г.¹⁶, данный международный договор применительно к вопросу международного сотрудничества предусматривал лишь одну статью VII, согласно которой в отношении выдачи виновных геноцид и другие, перечисленные в статье III деяния, не рассматриваются как политические преступления. В таких случаях договаривающиеся стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами. Каких-либо положений относительно того, что Конвенция может рассматриваться как основание для выдачи в случае отсутствия соответствующего международного соглашения, текст документа не содержал. В этой связи вопрос об экстрадиции выглядел весьма проблематично, что явилось еще одним доводом для израильских спецслужб о необходимости предпринять соответствующую насильственную акцию по перемещению А. Эйхмана в Израиль.

С другой стороны, официальные власти Израйля не могли не принимать во внимание, что многие нацисты находили прибежище в отдельных странах Латинской Америки. В частности, А. Эйхман прибыл в Аргентину в числе других 500 человек, переправленных в эту страну в период с 1945 по 1955 г. [Cwik 2009:85], получив с помо-

щью священника-францисканца паспорт Красного Креста на имя Рикардо Клемента и въездную визу [Звягинцев 2006:1115]. Современная общепринятая оценка состоит в том, что около 50 из этих иммигрантов были военными преступниками (их число возрастает до 180, если в него включить пособников нацистского режима) [Argentine Jews...2010:81]. Самыми известными из указанных лиц были Йозеф Менгеле, «ангел смерти Освенцима» и Адольф Эйхман. При этом даже иммиграционный статус А. Эйхмана, основанный на предоставлении сфальсифицированных личных данных и его преступное прошлое, никоим образом не гарантировали экстрадицию наиболее разыскиваемого преступника Израйлю, поскольку он находился под территориальной юрисдикцией Аргентины.

3. Материально-правовые аспекты судебного разбирательства по делу А. Эйхмана в Окружном суде Иерусалима: Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» 1950 г.

Комплексный анализ дела *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann* в Окружном суде Иерусалима наглядно продемонстрировал, что одной из наиболее трудных и противоречивых проблем, которая стала предметом пристального внимания как судебной инстанции, так и со стороны защиты подсудимого, пытавшейся доказать юридическую несостоятельность уголовного преследования, была связана с субстанциональной (материально-правовой) основой судебного разбирательства. Данная проблематика процесса по делу одного из главных военных преступников, который внес существенный «вклад» в бесчеловечную программу, называемую «окончательным решением еврейского вопроса», даже спустя годы привлекает значительное внимание специалистов, занимающихся исследованием проблемы предупреждения и наказания международных преступлений.

Как известно, обвинительное заключение против А. Эйхмана охватывало 15 пунктов, содержащих юридическую квалификацию совершенных им преступлений, предусмотренных Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» от 1 августа 1950 г.:

¹⁶ Convention on Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. January 12, 1951. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsq_no=IV-1&chapter=4&clang=_en (accessed 10.07.2021).

пять из них относились к преступлениям против Еврейского народа; семь касались преступлений против человечности; один пункт был связан с совершением военных преступлений; три пункта характеризовали участие во враждебной организации. При этом согласно израильскому законодательству по одиннадцати пунктам обвинения подсудимому грозила смертная казнь.

Ознакомление с вышеуказанным заключением наглядным образом свидетельствует о том, что обвинение столкнулось с фундаментальными трудностями, которые следовало преодолеть для того, чтобы охватить исчерпывающий перечень преступлений, совершенных А. Эйхманом. В результате была сформулирована концепция преступлений против внутреннего законодательства Израиля и преступлений против международного права, явившихся предметом судебных разбирательств в Нюрнберге [Lasok 1962:356]. Особого упоминания и некоторых комментариев заслуживает первый пункт обвинения, согласно которому вменяемые подсудимому деяния можно было бы квалифицировать как преступления против человечности или военные преступления, объединив их с другими пунктами обвинительного заключения под этими заголовками. Однако сокрушительный психологический эффект, тем самым, был бы утрачен, а желание необходимого возмездия осталось бы неудовлетворенным. Запланированное истребление евреев и представителей других национальностей всколыхнуло сознание всего мира и послужило толчком к принятию Конвенции геноцида, впоследствии ратифицированной Израилем. Тем не менее, составление обвинительного заключения в смысле конвенции подорвало бы юрисдикцию израильского суда в отношении упомянутых преступлений, поскольку ст. VI предусматривала юрисдикцию международного трибунала или судов государства, где были совершены преступления [Lasok 1962:356].

Защита подсудимого настаивала на том, что Закон 1950 г. был нелегитимной частью законодательства, поскольку противоречил, как между-

народному праву, так и естественной справедливости, воплощенной в принципе *nullum crimen sine lege*. Утверждалось, что он не является действительным, поскольку предусматривает наказание за действия, которые имели место до создания государства Израиль в 1948 г., были совершены вне пределов нынешней израильской территории в отношении лиц, которые не являлись гражданами Израиля и совершены индивидами, действовавшими во исполнение своих обязанностей от имени иностранного государства («акт государства»). Защита, обосновывая свои возражения, утверждала, что недопустимо судить обвиняемого за преступления, совершенные в результате действий нацистского механизма истребления, за которые должно нести ответственность лишь германское государство, являющееся преемником нацистского режима¹⁷. Помимо этого, как отмечалось в литературе, один из наиболее общих вопросов разбирательства по делу А. Эйхмана заключался в том, отвечало ли материальное право, применяемое судом, стандарту цивилизации [Schwarzenberger 1962:248]. Более того, бригадный генерал Тэлфорд Тэйлор, являвшийся главным обвинителем в Нюрнберге, сразу после захвата А. Эйхмана выразил свою озабоченность тем, что суд в Израиле, а не в Германии, будет противоречить правовым традициям. Указанная позиция обосновывалась тем, что согласно общепринятым принципам индивид имеет право быть судимым там, где он совершил преступление, в котором обвиняется [Kittrie 1964:22].

В числе прочих, именно на противоречивости, по мнению стороны защиты, которую представляли д-р Роберт Серватиус¹⁸, адвокат из Кельна и его помощник, мюнхенский адвокат д-р Дитер Вехтенбрух, была сформулирована стратегия, направленная на доказывание несостоятельности обвинений, выдвинутых против Адольфа Эйхмана.

Приступая к рассмотрению вопросов о легитимности материально-правового базиса обвинения военного преступника, Окружной суд

¹⁷ Данный аргумент проявился и на последующих процессах, и в частности, по делу Джона Демьянюка, когда лицо попыталось оспорить юридическую силу Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», настаивая на его ретроактивном характере. Этот довод был отклонен судом, определившим, что указанный Закон, как и Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге и Конвенция геноцида, воспроизвел уже существовавшее право, сформировав дополнительный форум для уголовного преследования преступников. См.: [Reiss 1987:299]

¹⁸ Др. Роберт Серватиус был выбран самим А. Эйхманом по совету своей семьи и стал известным своей деятельностью защитника на процессах в Нюрнберге. Он, в частности, представлял министра труда нацистской Германии Фрица Заукеля и Карла Брандта, личного психиатра Гитлера и руководителя программы эвтаназии. См.: [Wilson 2006:58].

Иерусалима провел тщательный анализ взаимоотношения международного права и израильского законодательства, а также вопроса о приоритетности международно-правовых норм в случае конфликта с нормами внутреннего законодательства, заявив, прежде всего, что действующее законодательство Израиля является схожим с законодательством Англии.

Сославшись на труды выдающихся специалистов в области международного права, прецедентную практику Англии, Австралии и Израиля, суд пришел к выводу о том, что не существует каких-либо противоречий между израильским законодательством и международным правом. Как было заявлено Окружным судом, «наша юрисдикция в данном деле основывается на Законе «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», статутном законе, положения которого не являются двусмысленными... Мы не можем утверждать, что данный закон противоречит принципам международного права»¹⁹.

Кроме того, было подчеркнуто, что указанный Закон соответствует «лучшим традициям права наций (*law of nations*)»²⁰. По мнению суда, компетенция государства Израиль принять рассматриваемый Закон или его «право наказания» в отношении рассматриваемых преступлений с точки зрения международного права опирается на два основания: универсальный характер подобных деяний и их специфику, как направленных на уничтожение Еврейского народа²¹.

Суд подчеркнул, что «отвратительные преступления, рассматриваемые в данном деле, не представляют собой деяний, являющихся преступлениями по закону лишь одного Израиля, но по сути своей, это преступления против права наций... Эти преступления не являются плодом «свободного творчества законодателя, принявшего Закон о наказании нацистов и коллаборационистов, а были сформулированы и определены в этом Законе в соответствии с четкой структурой международных договоров и конвенций, определяющих преступления в соответствии с законом наций. «Преступление про-

тив Еврейского народа» определяется по образцу преступления геноцида, предусмотренного в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него... «Преступления против человечности» и «военные преступления» определены по образцу преступлений, обозначенных в Уставе Международного военного трибунала..., а также в Законе № 10 Союзного Контрольного совета Германии от 20 декабря 1945 г. Преступление «участие во враждебной организации» определено в приговоре Нюрнбергского трибунала в соответствии с его Уставом»²². Далее Суд отметил, что «преступление «геноцида» было впервые определено Рафаэлем Лемкиным в его работе «Фашистское управление оккупированной Европой» (1944 г.), принимая во внимание методическое уничтожение Еврейского народа нацистами и их сателлитами. После того, как 11.12.1946 г. Международный военный трибунал вынес приговор главным германским преступникам, Ассамблея [Организации] Объединенных Наций в своей резолюции N 96 (I) единогласно декларировала, что геноцид является преступлением против права наций... 9.12.1948 г. Ассамблея [Организации] Объединенных Наций единогласно приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него...»²³.

Весьма важное значение для обоснования позиции Окружного суда имело Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». В нем, *inter alia*, указывалось, что «история создания Конвенции показывает, что намерение Объединенных Наций заключалась в том, чтобы осудить геноцид и наказать за него как за «преступление по международному праву...», связанное с отказом в праве на существование целой группы людей, отказом, с которым не может смириться совесть человечества и который ведет к огромным потерям для человечества, противоречит законам нравственности, а также духу и целям Объединенных Наций (резолюция 96 (1) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря

¹⁹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. – *American Journal of International Law*. 1962. Vol. 56. Issue 3. Para. 10. Все дальнейшие ссылки на данное дело из указанного источника.

²⁰ Ibid. Para. 11.

²¹ Ibidem.

²² Ibid. Para. 16.

²³ Ibid. Para. 17-18.

1946 г.). Первое следствие этой концепции заключается в том, что принципы, лежащие в основе Конвенции, являются принципами, признанными цивилизованными народами в качестве обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств. Второе следствие заключается в универсальном характере, как осуждения геноцида, так и сотрудничества, требующегося «для избавления человечества от этого отвратительного бедствия (Преамбула Конвенции)».²⁴ Как заявил представитель Великобритании при рассмотрении дела об «Оговорках к Конвенции геноцида», в таком договоре, как данная Конвенция «нет обязательств... между сторонами. Каждая сторона, правда, принимает на себя обязательства, но это не те обязательства, которые исполняются в отношении или для выгоды других государств. Такого рода конвенция не предусматривает взаимных выгод ощутимого свойства между сторонами. Она предусматривает почти исключительно принятие на себя обязательств независимо от принятия аналогичного обязательства другими сторонами. Иными словами, мы имеем здесь абсолютные обязательства, не подчиненные никаким соображениям взаимности»²⁵.

Сославшись на вышеперечисленные международно-правовые документы, Окружной суд заявил, что «не вызывает сомнений, что геноцид был признан в качестве преступления по международному праву в полном юридическом значении данного термина... Преступления геноцида, которые были совершены против Еврейского народа и других народов, были преступлениями по международному праву. Таким образом, из этого вытекает, что в свете признанных принципов международного права, юрисдикция по преследованию подобных преступлений является универсальной»²⁶.

Итак, материально-правовую основу, уголовного разбирательства составил упомянутый нами Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», принятый уже через два года после провозглашения независимого еврейского государства, и по выражению Джонатана Венига, находившийся «в центре из-

раильского опыта в отношении военных преступлений» [Wenig 1997:105].

Прежде всего, необходимо отметить, что само появление на свет данного закона было органически связано с той политикой, которую осуществляли нацисты для вербовки еврейских и нееврейских заключенных в концентрационных лагерях для поддержания порядка и дисциплины, а также контроля за выполнением рабочих квот. Подобные функционеры назывались термином «капо» (*сапо, каро*), который мог происходить от немецких слов «*kameradanpolizei*» или «*Katzet-Polizei*» либо от итальянского «*сапо*» – (босс). В качестве «капо» первоначально выступали профессиональные преступники, политзаключенные, военнопленные, а позднее также подвергавшиеся преследованию евреи, назначенные нацистами в концентрационных лагерях или гетто²⁷. Необходимо заметить, что хотя самое известное дело на основе Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» касалось осуждения Адольфа Эйхмана, вместе с тем, в период с 1950 по 1960 г. в соответствии с указанным законом со стороны Окружного суда Тель-Авива и Верховного суда Израиля были рассмотрены 40 уголовных дел, которые за единственным исключением были связаны с действиями евреев-жертв Холокоста, которые по смыслу израильского законодательства являлись «нацистскими коллаборационистами» [Singer 2003:235-236; Ben-Naftali, Tuval 2006:129].

Возвращаясь к предыстории принятия рассматриваемого Закона 1950 г., следует заметить, что начиная с 1948 г. в правоохранительные органы Израиля от оставшихся в живых и иммигрировавших жертв Холокоста начали поступать заявления, в которых содержались обвинения против других евреев, сотрудничавших с нацистами. Поскольку эти заявления, касавшиеся вопроса об уголовном преследовании коллаборационистов, могли остаться без соответствующей реакции государственных институтов, то уже в августе 1949 г. министерством юстиции был подготовлен проект Закона «О борьбе с еврейскими военными преступниками» (*Act Against Jewish War Criminals*). Через десять месяцев он был на-

²⁴ Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of Genocide. Advisory Opinion dated May 28, 1951. P. 23. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (accessed 09.08.2021).

²⁵ Reservations to the Convention on the Prevent and Punishment of the Crime Genocide. – *ICJ Pleadings*. 1951. P. 387-388. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/12/012-19510410-ORA-01-00-BI.pdf> (accessed 09.08.2021).

²⁶ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 19.

²⁷ См. подробнее: [The Oxford Companion...2009:728-729; Brown 2015:3; Drumbl 2016:219; Bazylar 2016:133].

правлен в Кнессет, но уже под другим именем, как Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», имевший более широкий охват субъектов уголовной ответственности, включавших не только «еврейских военных преступников», но и нацистов и нееврейских коллаборационистов.

Представляя в Кнессете проект указанного закона министр юстиции Израиля Пинхас Розен (*Pinchas Rosen*) подчеркнул, что «в то время как, другие нации принимали законы сразу же после войны..., Еврейский народ... вплоть до создания государства был лишен возможности привлечь нацистских преступников и их пособников к ответственности... Это будет изменено сейчас» [Bazyler, Schepach 2012:422]. Кроме того, министр юстиции заявил: «Мы можем предположить, что нацистские преступники... не рискнут прибыть в Израиль, однако закон также будет применяться к тем, кто осуществлял волю нацистов, и, к сожалению, некоторые из них могут быть среди нас» [Yablonka, Tlamim 2003:11].

Во время парламентских дебатов по проекту Закона «О нацистах и коллаборационистах (их наказании)» в Комитете по конституционному праву и юстиции депутат Кнессета Элиезер Премингер (*Eliezer Preminger*) заявил, что «нельзя закрывать глаза на тот факт, что подобное сотрудничество помогло нацистам реализовать их цель... Сотрудничество относилось к любому, кто примыкал к *Judenrat*²⁸ или становился «капо» полагая, что тем самым, сможет спасти себя... Если кто-либо был «капо» в течение двух или трех лет, он не может быть никем иным, как преступником» [Bazyler, Tuerkheimer 2014:206; Frilling 2014:234]. Таким образом, одним из наиболее важных черт проекта нового закона было то, что он должен был предусматривать возможность уголовного преследования не только нацистских военных преступников, но и коллаборационистов, оказавших им содействие.

В отличие от национального Закона «О преступлении геноцида (его предупреждении и наказании)», принятого 29 марта 1950 г. в порядке имплементации Конвенции геноцида 1948 г., но-

сущего проспективный характер и направленного в значительной степени на предотвращение в будущем подобных преступлений, Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» представлял собой *ex post facto* юридический акт, который мог быть применен ретроактивно. Его основной целью было уголовное преследование и наказание индивидов, являвшихся исполнителями или пособниками преступников, обвиняемых в совершении исключительных по своей тяжести преступлений против Еврейского народа в период нацистского правления.

Интересно отметить, что когда в 1950 году в Кнессет был внесен законопроект «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказаниях)», министр юстиции Пинхас Розен провел специальное разграничение данного закона от другого законопроекта (о котором упоминалось выше), касавшегося геноцида, также находившегося на рассмотрении Кнессета, апеллируя при этом к концепции временной эффективности: «Этот закон [т.е. о предотвращении геноцида и наказания за него] применим к будущему... С другой стороны, предлагаемый сейчас закон применим к прошлому, к определенному периоду истории, который начался с приходом к власти Гитлера и закончился с его гибелью» [Fournet 2007:114].

Как было подчеркнуто Окружным судом Тель-Авива в деле *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel*, «рассматриваемый Закон [1950 г.] был разработан таким образом, чтобы сделать возможным осуждение в Израиле нацистов, их пособников и коллаборационистов за уничтожение Еврейского народа... и за преступления против человечности в целом»²⁹. Впоследствии по делу *Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann* суд недвусмысленно заявил, что «государство Израиль, суверенное государство Еврейского народа, посредством своего законодательства выполняет задачу по реализации права Еврейского народа наказывать преступников, погубивших его сыновей...»³⁰.

Возвращаясь непосредственно к Закону «О нацистах и нацистских коллаборационистах

²⁸ Еврейский совет, который учреждался в оккупированных населенных пунктах германскими властями для управления в общинах и гетто. См.: Электронная еврейская энциклопедия. Доступ: <https://eleven.co.il/jewish-history/holocaust/15153/> (дата обращения: 10.07.2021). См. также: [Trunk 1972:2].

²⁹ *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* (District Court of Tel Aviv). – *International Law Reports*. 1953. P. 542. Данное дело касалось Якова Хонигмана (*Yaakov Honigmann*), обвиненного согласно ст. 1, 2 и 4 Закона 1950 г. в совершении преступлений, связанных с выполнением функций капо.

³⁰ *The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann*. Para. 38.

(их наказании)» следует отметить, что он охватывал 17 статей, при этом статьи 1-6 составляли сферу применения данного акта *ratione materiae*, другие статьи охватывали положения *ratione temporis*, *ratione loci*, а также нормы, касающиеся процедурных и интерпретационных аспектов [Ben-Naftali, Tuval 2006:130-131].

Собственно субстанциональная часть Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» содержала определения восьми преступлений, среди которых особого внимания заслуживали три основных, ключевых уголовно-наказуемых деяния: 1) преступления против Еврейского народа; 2) преступления против человечности; 3) военные преступления, за совершение которых в параграфе (а) раздела I было предусмотрено безальтернативное наказание – смертная казнь.

Следующий параграф «b» указанной ст. 1 содержал конкретные акты, которые в совокупности составляли три указанные преступления по смыслу рассматриваемого Закона.

Первая категория деяний – преступления против Еврейского народа представляла собой *sui generis* уголовно-наказуемые деяния, которые не имели аналогов ни в международном договорно-правовом инструментарии, ни в уголовном законодательстве других государств. Формулировка названия данной категории преступлений вытекала из слияния двух уникальных факторов: единственной цели германских нацистов – полностью уничтожить евреев и цели сионистов, основавших современное государство Израиль для того, чтобы сделать его прибежищем и защитить любого еврея в любой точке мира [Ben-Naftali, Tuval 2006:428; Jockusch 2021:75].

Состав указанного преступления предусматривал любые действия, совершенные с намерением полностью или частично уничтожить Еврейский народ: 1) убийство евреев; 2) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства евреям; 3) предумышленное создание для евреев таких жизненных условий, которые рассчитаны на их физическое уничтожение; 4) применение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде евреев; 5) насильственная передача еврейских детей в другую национальную или религиозную группу; 6) уничтожение или осквернение еврейских религиозных или культурных ценностей; 7) разжигание ненависти к евреям.

Как показывает ознакомление с вышеуказанными деяниями, за некоторыми изъятиями

их определения, по существу повторяют дефицицию состава геноцида, предусмотренного Конвенцией 1948 г. [Cassese 2013:114] и ограниченную для применения тремя критериями: а) национальным (специфическая идентифицируемая группа); б) временным (период нацистского режима); в) территориальным (Европа). Кроме того, в отличие от конвенционного определения геноцида, израильский закон криминализировал преступление культурного геноцида и разжигание ненависти к евреям [Bilsky, Klagsbrun 2018:1085-1087]. Существенная разница также заключалась в том, что Закон 1950 г. в отличие от конвенционной модели преступного намерения геноцида, заключавшегося в уничтожении полностью или частично национальной, этнической, расовой или религиозной группы, не используя термина геноцида, аккумулировал соответствующие деяния, предусмотрев намерение уничтожения полностью или частично лишь Еврейского народа.

Подобного рода конкретная ссылка указывала на особую связь между государством Израиль и Еврейским народом, подчеркивая уникальную природу Холокоста как преступления, совершенного нацистами против Еврейского народа, и отводя Израилю ведущую роль в преследовании указанных преступлений посредством установления как протективной, так и экстерриториальной юрисдикции израильских судов [Ben-Naftali, Tuval 2006:132].

Вторую категорию деяний, наказуемость которых была установлена согласно Закону 1950 г., составляли преступления против человечности, в качестве которых предусматривались убийство, истребление, порабощение, обречение на голодную смерть или депортация и другие бесчеловечные действия, совершенные в отношении любого гражданского населения, преследования по национальным, расовым, религиозным мотивам или по политическим основаниям. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что указанные преступления в основном составляли корпус преступлений против человечности, предусмотренный Уставом Международного военного трибунала в Нюрнберге (ст. 6 (с)) и Законом Контрольного Совета № 10 (ст. II (с)) с одним исключением, не предусматривавшим какой-либо связи рассматриваемой категории преступлений с войной либо совершением иных преступлений.

Как известно ст. 6 (с) Устава Международного военного трибунала, предусмотрев ответ-

ственность за преступления против человечности установила соответствующую ссылку на то, что подобные преступления должны иметь место в «целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала», т.е. в данном смысле имелись ввиду преступления против мира и военные преступления³¹. Таким образом, преступные действия, имевшие место до 1 сентября 1939 г. исключались из юрисдикции Нюрнбергского трибунала. Хотя в приговоре трибунала был подчеркнут факт преследования евреев в течение того же периода, в то же время отмечалось, что «действия, инкриминируемые в период до момента начала войны, могут считаться преступлениями против человечности только в том случае, если они совершались в ходе или в связи с любым из преступлений, подлежащих юрисдикции Трибунала. Трибунал считает, что не было с достаточной убедительностью доказано то, что эти действия совершались во исполнение или в связи с любым таким преступлением, насколько бы отвратительными и ужасными многие из них ни являлись. Поэтому Трибунал не может сделать заявления общего характера относительно того, что действия, совершенные до 1939 года, являются преступлениями против человечности в том смысле, как они определены Уставом»³². Закон № 10 Союзного контрольного совета для Германии (ЗКС), принятый 10 декабря 1945 г. также содержал – отчасти дополненную и существенно измененную концепцию преступлений против человечности: в то время как Уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов устанавливали, что преступления против человечности должны находиться в связи с агрессивной войной или военными преступлениями, это дополнительное условие было опущено в тексте указанного закона. Таким образом, в тексте ЗКС № 10 требование пехус (связи) между войной и преступлениями против человечности не представляло собой отличительного элемента последних³³.

Третья категория уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных Законом «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» охватывала военные преступления, которые включали убийства, истязания или депортацию

гражданского населения для принудительного труда или с любой иной целью с оккупированной территории либо на нее; убийства, истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; присвоение общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью. Состав военных преступлений в израильском законе представлял собой относительно более узкую интерпретацию военных преступлений, содержащихся в Уставе Нюрнбергского трибунала.

Помимо указанных выше основных преступлений, караемых смертной казнью, Закон от 1 августа 1950 г. предусматривал целый ряд иных деяний (разделы 2-6), влекущих различные сроки лишения свободы. В их числе находились преступления против преследуемых лиц (изнасилования или иные преступления сексуального характера, неосторожное убийство, похищение с целью убийства, разбой или покушение на его совершение и т.д.), участие во вражеской организации, преступления, совершенные в местах заключения, шантаж преследуемых лиц.

Представляет значительный интерес и *ratione temporis* юрисдикция, предусмотренная Законом 1950 г. Согласно ст. 16 Закона, «период нацистского режима» охватывал временной промежуток от 30 января 1933 г. до 8 мая 1945 г. в отличие от аналогичного рода юрисдикции Международного военного трибунала в Нюрнберге, компетентного осуществлять уголовное преследование международных преступлений, имевших место в период с 1939 по 1945 г., что автоматически исключало из сферы судебного рассмотрения злодеяния, имевшие место в отношении евреев задолго до начала Второй мировой войны. Как известно, Устав военного трибунала поместил преступления против мира в центр всего уголовного судопроизводства над нацистскими преступниками. Даже в случае, когда рассматривались дела по обвинению в преступлениях против человечности, требовалась связь с агрессивной войной. В этом отношении ограничения юрисдикции международного военного трибунала применительно к преступлениям против человечности касались периода до 1939 г. Это

³¹ См. в частности: [Глотова 2016:104].

³² UN: The Charter and Judgment of the Nürnberg Tribunal – History and Analysis. Memorandum submitted by the Secretary General. New York. 1949. P. 66. URL: https://digitallibrary.un.org/record/160809/files/A_CN.4_5-EN.pdf (accessed 10.07.2021).

³³ См.: [Maogoto 2009:58].

было направлено преимущественно на защиту государственного суверенитета от иностранной агрессии, нежели прав граждан от преступного государства. Напротив, израильский закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)», составивший правовую основу разбирательства в отношении А. Эйхмана, предусмотрел применимость его положений в отношении действий, имевших место между 1933 и 1945 годами, освободив, тем самым, Окружной суд от временных ограничений [Bilsky 2014:31].

Следует также заметить, что после окончания Второй мировой войны, ряд государств принял специальные законодательные акты в целях уголовного преследования и наказания военных преступников. В их числе можно отметить, War Crimes Act, принятый в 1945 г. в Австралии, аналогичный закон, принятый в 1946 г. в Канаде и т.д. Однако израильский закон носил исключительный характер, не предусматривая традиционных для уголовного права обстоятельств, исключающих или смягчающих уголовную ответственность, которые были установлены ст. 16, 17, 18 и 19 УК Израиля. Кроме того, согласно ст. 9 (а) Закона 1950 г., лицо, совершившее преступление, предусмотренное данным Законом, могло быть судимо в Израиле, даже если оно ранее было осуждено за то же самое деяние международным трибуналом либо в иностранном государстве. В случае осуждения лица в Израиле, согласно ст. 9 (b) суд при определении меры наказания мог принять во внимание срок наказания, отбытый по предыдущему приговору. Таким образом, правило *non bis idem* согласно Закону «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» не подлежало применению. Кроме того, исключалась возможность амнистии по указанному закону (ст. 13), а также предусматривалось полномочие суда отклоняться от правил доказывания при рассмотрении дел о соответствующих преступлениях, являвшихся предметом Закона 1950 г. (ст. 15).

Несомненно, указанный Закон носил ретроактивный характер, поскольку криминализовал составы преступлений, не являвшихся предметом уголовно-правовой регламентации национального законодательства государства, не существовавшего в то время, когда были совершены соответствующие деяния.

В этой связи защита подсудимого заявила, что израильский закон, устанавливающий от-

ветственность и наказание за действия, имевшие место до создания государства и за пределами его территории против лиц, не являвшихся гражданами Израиля, и совершенные индивидуальными, действовавшими во исполнение своих обязанностей от имени иностранного государства («акт государства»), находится в противоречии с международным правом и, выходит за рамки компетенции израильского законодателя³⁴. Необходимо обратить внимание на то, что теория «акта государства» была убедительно отвергнута еще в Нюрнберге, когда сторона защиты попыталась использовать ее в качестве аргумента против ведущегося процесса. В частности, военный трибунал заявил, что должны быть отвергнуты утверждения, согласно которым, международное право рассматривает лишь поведение суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и там, где рассматриваемое действие являлось актом, совершенным государством, лица, осуществившие это, не несут личной ответственности, а находятся под защитой доктрины о суверенности государства. Издавна признано, что международное право накладывает обязательства и ответственность на отдельных лиц, так же, как и на государства. Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными сущностями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права. Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву. Исполнители этих действий не могут прикрываться своим должностным положением, чтобы избежать наказания в надлежащем порядке. Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств, не должно рассматриваться как основание для освобождения от ответственности или смягчения наказания. С другой стороны, сама сущность Устава [Нюрнбергского трибунала] заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством. Тот, кто нарушает законы ведения

³⁴ См.: [Green 1963: 457; Powderly 2011:36].

войны, не может остаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжениями государства, если государство, давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву [The Nuremberg Trial...1990:117; The Law of War Crimes...1997:15; Human Rights...2003:53-74; The Travaux Préparatoires...2012:139; Van Siedregt 2012:5-9; Hierarchy...2012:122-123].

В Меморандуме «Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования», подготовленном Секретариатом по просьбе Комиссии международного права ООН, обращалось внимание на тот факт, что защита путем ссылки на «акт государства» применяется в уголовном судопроизводстве. Однако этот вариант «акта государств», основанный на максиме *par in parem non habet imperium*, имеет отношение к иммунитету *ratione materiae*. Он постулирует, что государство не может судить лицо за уголовное деяние, которое представляет собой «акт государства» другого государства, без согласия этого государства на осуществление судебного разбирательства в отношении данного лица. По Кельзену, за данное нарушение международного права путем совершения такого деяния несет ответственность исключительно государство, от чьего имени действовал «орган» (правитель или должностное лицо), в то время как сам нарушитель, за исключением шпионажа и военной измены, ответственности не несет³⁵. Со ссылкой на рассматриваемое нами дело, в Меморандуме было обращено внимание на тот факт, что «Окружной суд Иерусалима отверг аргументы защиты по нескольким основаниям. Во-первых, он отметил, что теория «акта государства» ранее уже была признана недействительной международным правом в отношении международных преступлений. Она была отвергнута Нюрнбергским международным военным трибуналом, а затем и Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, когда в своей резолюции 95 (I) от 11 декабря 1946 г. она подтвердила Нюрнбергские принципы. Генераль-

ная Ассамблея в резолюции 96 (I) от 11 декабря 1946 г. также подтвердила, что согласно международному праву геноцид является преступлением. Принцип III Нюрнбергских принципов, сформулированный Комиссией международного права, и статья IV Конвенции о геноциде стали примерами отклонения этих заявлений в отношении одиозных преступлений. Во-вторых, Окружной суд отклонил кельзенианскую теорию, отмечая, что с государством, которое планировало и осуществляло «окончательное решение» [еврейского вопроса], нельзя обращаться как *par in parem*, его можно рассматривать только как банду преступников»³⁶.

Необходимо отметить, такая проблема как ретроактивность возникла еще в период проведения нюрнбергского процесса, когда защита обвиняемых ссылалась на принцип отсутствия обратной силы, выступающего как производное от принципа *nullum crimen sine lege*³⁷. В этой связи было заявлено, что «Устав указанного Трибунала отражает не произвол победивших держав, а является выражением действующего международного права». Пояснилось, что «право войны возникает не только из договоров, но и из обычаев и практики государств, постепенно получивших всеобщее признание, а также из общих принципов правосудия, применяемых правоведами и военными трибуналами. Право не статично, оно постоянно приспосабливается к потребностям меняющегося мира, так что многие договоры всего лишь отражают существующие принципы права и дают им более конкретное определение»³⁸. Как подчеркивал проф. Куинси Райт, если «рассматривать международное право как развивающуюся систему, нормы и принципы которой можно определить путем изучения всех его источников – «общих принципов права», «международного обычая» и «теорий наиболее высококвалифицированных правоведов» не в меньшей мере, чем «международных конвенций» и «судебных решений», то в этом случае останутся лишь незначительные сомнения в том, что международное право рассматривало в качестве преступлений действия, предусмотренные

³⁵ См.: [Kelsen 1943:530; Kelsen 1945:355].

³⁶ ООН: Иммунитет государственных должностных лиц от уголовного преследования. Меморандум Секретариата. UN Doc. 31. 03. 2008. С. 54-55. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/596> (дата обращения: 10.07.2021).

³⁷ Motion adopted by all defense counsel, 19 November 1945. – *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg 14 November – 1 October 1946*. Vol. I. P. 168-170. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_Vol-I.pdf (accessed 10.07.2021). См.: [Schabas 2012:48-49].

³⁸ См.: [Pusse 2006:68-69; Schlütter 2010:316].

в Уставе [Нюрнбергского трибунала] задолго до того, как они были совершены подсудимыми» [Wright 1947:59]. Хотя по указанным аспектам проблемы ретроактивности так и не сформировалось единство мнений, тем не менее, развитие международного права прав человека предоставило для этого соответствующую юридическую основу, которую можно рассматривать в качестве «моста» между необходимостью исключения безнаказанности военных преступников и соблюдением принципа законности уголовного права.

Рассматривая проблему, касающуюся ретроактивного применения израильского законодательства, Окружной суд Иерусалима задался вопросом: может ли новое государство осуществлять уголовное преследование преступлений, имевших место до его создания? Отвечая на указанный вопрос, судебная инстанция сослалась на решение по делу *Katz-Cohen v. Attorney General*, когда было заявлено, что суды Израиля обладают полной юрисдикцией в отношении преступлений, которые были совершены до формирования государства и несмотря на изменившийся суверенитет, обеспечили преемственность права. Аргументация Окружного суда исходила из признания права народа страны, в отношении которого были совершены тяжкие преступления, осуществлять наказание лиц, причастных к этим деяниям. При этом судебная инстанция процитировала слова председателя суда, рассматривавшего дело *Katz-Cohen v. Attorney General*, который заявил, что «он не видит оснований для того, чтобы не наказывать преступников лишь исходя из того, что ныне управление населением осуществляется правительством Израиля вместо властей Британского мандата». Напомним, что рассматриваемое дело касалось вопроса уголовной ответственности лица, совершившего убийство своей супруги в апреле 1948 г., т.е. до создания 15 мая 1948 г. государства Израиль. В апелляции против приговора, вынесенного Окружным судом Тель-Авива, осужденный настаивал на том, что судебный орган не обладал компетенцией по рассмотрению его действий, имевших место до того, как Израиль стал суверенным государством. Верховный суд страны

отклонил его доводы, отметив, что после изменения суверенитета новые власти уполномочены осуществлять уголовное судопроизводство в отношении действий, имевших место на территории государства до его создания. Высшая судебная инстанция также отметила, что не существует принципа международного права, который отрицал бы компетенцию по уголовному преследованию в подобных обстоятельствах³⁹. В уже цитированном нами деле *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* Окружной суд Тель-Авива в отношении Закона 1950 г. заявил, что «этот закон фундаментально отличается по своим характеристикам, составляющим его основу правовым и моральным принципам и по своему духу, от других уголовных законов, обычно содержащихся в статутных сборниках. Этот Закон ретроактивный и экстерриториальный и его объект, *inter alia*, заключается в обеспечении базиса для наказания преступлений, не охватываемых уголовным правом Израиля, и являющихся особым последствием нацистского режима и осуществленных им преследований...»⁴⁰.

Возвращаясь к делу А. Эйхмана, надо отметить, что Окружной суд Иерусалима определил, что учитывая принятие властями Британского мандата закона об уголовном преследовании военных преступников, обладавшего экстерриториальным действием, израильский суд в соответствии с подобным законодательным актом компетентен осуществлять преследование за преступления, которые имели место за границей до создания Израиля. Принцип преемственности также применим в отношении законодательной власти: израильский законодатель обладает компетенцией ретроактивно изменять или дополнять законодательство мандатных властей посредством принятия законов, применимых к уголовно-наказуемым действиям, совершенным до формирования государства Израиль⁴¹. Кроме того, было отмечено, что ретроактивный закон призван заполнить пробел в законах Подмандатной Палестины⁴². Окружной суд также подчеркнул, что Еврейский народ, который рассматривался в качестве объекта преступления, ныне представляет собой компетентный субъект судебного разбиратель-

³⁹ Digest of decisions of national courts relating to succession of States and Governments: study prepared by the Secretariat. – *Yearbook of International Law Commission*. 1963. Vol. II. P. 99.

⁴⁰ *Honigmann v. Attorney-General of the State of Israel* (District Court of Tel Aviv). – *International Law Reports*. 1953. P. 542.

⁴¹ *The Attorney General of the Government of Israel v. Adolf Eichmann* Para. 38

⁴² *Ibidem*.

ства в отношении тех, кто выступал против его существования⁴³.

В обоснование своих выводов судебная инстанция заявила, что «поскольку уголовная юрисдикция государства в отношении преступлений, совершенных «иностранными правонарушителями» по другим основаниям не вступает в противоречие с принципами международного права, она не ограничивается запретом ретроактивного действия... Все доводы, оправдывающие Нюрнбергские решения, *eo ipse*, оправдывают ретроактивное право, принятое израильским законодателем»⁴⁴. Отметив, что подсудимому по данному делу предъявлено обвинение в реализации «окончательного решения еврейского вопроса», Суд задал риторический вопрос: может ли кто-либо в указанном смысле подвергать сомнению абсолютную криминальность подобных действий?⁴⁵ Как было отмечено проф. У. Шабасом, «хотя судебное преследование за геноцид со стороны национальных юрисдикций является редким явлением, даже в отношении современных событий, есть определенные свидетельства судебных разбирательств по делу о преступлении геноцида в отношении действий, совершенных до вступления Конвенции в силу. Суд над Эйхманом, проходивший в Израиле в начале 1960-х годов, является здесь прекрасным примером» [Schabas 2010:41]. Автор также обратил внимание на непосредственную связь Конвенции геноцида с преследованием А. Эйхмана. Он отметил, что «обвиняемому было предъявлено обвинение в соответствии с законодательством, принятым во исполнение обязательств Израиля по Конвенции. Закон «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании), который был принят в 1950 году и явно предназначался для применения с обратной силой, содержал положение, озаглавленное «преступления против Еврейского народа». По сути, оно было идентично определению геноцида в статье 2 Конвенции, за исключением того, что оно не применялось в целом к национальным, этническим, расовым и религиозным группам, а только к «еврейскому народу» [Schabas 2010:46]. Адольф Эйхман был осужден именно на этом основании за действия, совершенные между 1941 и 1945 годами.

Нельзя также не обратить внимание на то, что абсолютный характер запрета *nullum crimen* и *nulla poena sine lege* в отношении общеуголовных преступлений, не подвергаемый каким-либо дерогациям, ограничивается для целей борьбы с безнаказанностью лиц, совершающих такие деяния, как геноцид, преступления против человечности, военные преступления.

Этот подход был первоначально зафиксирован в региональном, а затем и универсальном инструментарии по правам человека.

Кстати, задолго до начала процесса над А. Эйхманом исключение из правила о запрете ретроактивности предусмотрела Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г. Статья 7 (2) указанной конвенции установила, что данная статья не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое действие или упущение, которое в момент совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами [Schabas 2015:351]. Как отмечал один из крупнейших авторитетов в области международного права проф. Кристиан Томушат, «указанное представляет собой перевод Нюрнбергской философии в позитивное право» [Tomuschat 2006:836].

Ограничения в отношении запрета ретроактивности предусматриваются и в других международных инструментах в сфере защиты прав человека, принятых после процесса по делу А. Эйхмана. В частности, согласно ч. 2 ст. 15 Международного пакта о политических и гражданских правах, ничто в настоящей статье не препятствует преданию суду и наказанию любого лица за любое деяние или упущение, которые в момент совершения являлись уголовным преступлением согласно общим принципам права, признанным международным сообществом [Grabenwater 2014:168-179]. Аналогичный подход характерен и для ст. 49 (ч. 2) Хартии Евросоюза об основных правах [Mitsilegas 2014:1394]. Данная статья не препятствует преданию суду и наказанию лица, виновного в действии или бездействии, которые в момент их совершения подлежали уголовной ответственности в соответствии с общими принципами права, признаваемыми сообществом наций.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. Para. 27.

⁴⁵ Ibidem.

4. Проблема определения уголовной юрисдикции по делу Адольфа Эйхмана: принципы универсальности и протективности, доктрина *male captus bene detentus*

Определение вида уголовной юрисдикции в отношении подсудимого оказалось в числе наиболее фундаментальных аспектов уголовного процесса в Окружном суде Иерусалима, поскольку необходимо было установить и тщательно обосновать легитимную связь между преступлениями А. Эйхмана и подлежащим применению юрисдикционным принципом, учитывая, что речь шла об уголовном преследовании со стороны государства, не существовавшего в момент совершения преступных деяний. Более того, не менее сложной проблемой, было и обоснование правомерности установления юрисдикции в контексте способов обеспечения присутствия перед судебной инстанцией лица, который был похищен на территории иностранного государства. Как утверждала защита подсудимого, захват, нелегальная транспортировка для заключения А. Эйхмана под стражу были осуществлены в нарушение основных принципов международного права [Powderly 2010:36] и согласно максиме *ex injuria non oritur jus*⁴⁶ (право не возникает из правонарушения) государство Израиль не имеет права судить его. Обе вышеуказанные проблемы были подвергнуты тщательному анализу в приговоре Окружного суда и со ссылкой на действующее международное право, прецедентную практику, труды известных ученых, судебная инстанция обосновала установление конкретных видов уголовной юрисдикции, применимых в рассматриваемом деле, а также правомерность самого разбирательства в отношении обвиняемого безотносительно к деталям его доставки на территорию Израиля.

Следует обратить внимание, что из тех видов экстерриториальной уголовной юрисдикции, которые гипотетически могли быть применены по данному делу, в наибольшей степени подходящим был принцип универсальности, который обстоятельно был обоснован Окружным судом.

Как отмечается в литературе, «первым делом, в котором опирались на Нюрнбергские принци-

пы и ссылались на универсальную юрисдикцию в отношении военных преступлений, было дело Эйхмана в 1961 г. Оно примечательно тем, что на него опирались все без исключения сторонники универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений и преступлений против человечности» [Garrod 2012:809].

Обращение к принципу пассивной персональности не представлялось возможным, поскольку он предполагал возможность уголовного преследования обвиняемых, совершивших преступления против граждан правоприменяющего государства за пределами его территории. Вместе с тем, Окружной суд в своем решении в качестве применимого юрисдикционного основания рассматривал принцип протективности, который будет проанализирован ниже.

Как известно, дело А. Эйхмана не рассматривалось *in absentia* ни Международным военным трибуналом в Нюрнберге, ни военными трибуналами, учрежденными союзниками после окончания войны. При всех сложностях правового свойства, единственным юридическим форумом, где имела возможность осуществления правосудия над военным преступником, была национальная судебная инстанция Израиля. Хотя собственного государства не существовало во время совершения преступлений против еврейского населения, тем не менее, израильские власти без колебаний предоставили собственному суду право вершить правосудие в соответствии с принципом универсальности [Parvikkio 2000:226].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и отметить, что универсальная юрисдикция представляет собой один из принципов экстерриториальной уголовной юрисдикции, основывающейся исключительно на природе деяния безотносительно к месту совершения преступления, гражданству подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, к любой другой связи с государством, осуществляющим юрисдикцию⁴⁷. Как отмечалось в Докладе Международной комиссии по расследованию событий в Дарфуре, «принцип универсальности уполномочивает любое государство привлекать к суду лиц, обвиняемых в международных преступлениях, независимо от места совершения престу-

⁴⁶ О максиме *ex injuria non oritur jus* см. в частности: [Orackhelashvili 2003:37; Lagerwall 2016: 1; Черниченко 2018:6].

⁴⁷ См.: *The Princeton Principles on Universal Jurisdiction*. New Jersey: Princeton. 2001. P. 28. См. подробнее: [Сафаров 2011:82; Universal Jurisdiction...2004:18-38; Reydams 2004:10-15; Inazumi 2005:26; Ryngaert 2015:120-141; O'Keefe 2015:13-14; O'Sullivan 2017:8-9; Kittichaisaree 2018:204-207; Hall 2021:112-114].

пления или гражданства преступника либо потерпевшего. Этот принцип обосновывается тем, что международные преступления представляют собой нападение на международное сообщество в целом и посягают на ценности, разделяемые всеми членами этого сообщества»⁴⁸.

В отличие от других видов юрисдикции, предполагающих некоторую опосредованность (через территорию, на которой было совершено преступление, факторы гражданства обвиняемого и потерпевшего), универсальная юрисдикция основывается на всеобщности осуждения самого преступления [Hall 2006:47-72]. В решении по делу Пиночета лорд Миллет отметил, что международные преступления подпадают под действие универсальной юрисдикции согласно международному обычному праву при наличии двух условий. Во-первых, они должны противоречить императивным (*jus cogens*) нормам международного права. Во-вторых, они должны быть настолько тяжкими и обладать таким масштабом, чтобы расцениваться как нарушение международного правового порядка⁴⁹.

Как отмечает Чарльз Джалло, «универсальная юрисдикция», или же «принцип универсальности», – это уникальное основание для юрисдикции в международном праве, которое может позволить государству осуществлять национальную юрисдикцию в отношении определенных преступлений в интересах международного сообщества. Какого-либо общепринятого на глобальном уровне определения этого понятия не существует, но для рабочих целей его можно описать как уголовную юрисдикцию, исключительно основанную на характере преступления, безотносительно к территории, где оно было совершено, гражданству предполагаемого или осужденного правонарушителя, гражданству потерпевшего или любой другой связи с государством, осуществляющим такую юрисдикцию. Из этого следует, что государство может осу-

ществлять универсальную юрисдикцию в отношении преступления, совершенного иностранным гражданином против другого иностранного гражданина вне его территории. Такая юрисдикция заметно отличается от традиционных оснований для юрисдикции по международному праву, которые, как правило, требуют наличия определенной связи по территории, гражданству или иным признакам между государством, осуществляющим юрисдикцию, и рассматриваемым поведением»⁵⁰.

Согласно резолюции Института международного права, принятой на его сессии в Варшаве в 2005 г., универсальная юрисдикция определялась как дополнительное основание юрисдикции, подразумевающее компетенцию государства по преследованию лиц, предположительно совершивших определенные преступления безотносительно к месту совершения деяния либо иной связи с принципами активной или пассивной персональности или иными принципами юрисдикции, признанными согласно международному праву⁵¹. Является бесспорным то обстоятельство, что универсальная юрисдикция может быть осуществлена тем или иным государством лишь в отношении ограниченного круга преступлений⁵². Указанные деяния характеризуются специфическими свойствами и являются настолько тяжкими, что любое государство может усматривать собственный интерес в преследовании лиц, обвиняемых в их совершении⁵³. В этой связи уместно задать вопрос: являлись ли деяния, совершенные А. Эйхманом настолько тяжкими, чтобы оправдать интервенцию израильских судебных органов, связанную с осуществлением уголовного разбирательства по делу?

Ответ на этот вопрос может быть только утвердительный. По своему масштабу, человеческим жертвам, катастрофическим последствиям для самого понятия «человечности» как качества

⁴⁸ Report of International Commission of Inquiry on Darfur to the United Nations Secretary-General. 25 January 2005. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/com_inq_darfur.pdf (accessed 07.08.2021). См. также: [Mann 2010:488].

⁴⁹ См.: House of Lords: R. v. Barte and the Commissioner of the Police of the Metropolis, ex. P. Pinochet. Judgment dated March 24, 1999. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pino8.htm> (accessed 09.08.2021). См. также: [Staker 2014:343; Webb 2020:1539].

⁵⁰ Report of the International Law Commission. Seventieth session (30 April-1 June 2018). URL: https://legal.un.org/ilc/reports/2018/english/annex_A.pdf (accessed 09.08.2021).

⁵¹ Institute of International Law: Universal criminal jurisdiction with regard to the crime of genocide, crimes against humanity and war crimes. 2005. URL: https://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_03_en.pdf (accessed 10.07.2021). См. подробнее: [Kress 2006:561-585].

⁵² См.: [Randall 1998: 785–788; Bassiouni 1999:229].

⁵³ См. подробнее: [Colangelo 2007:132].

присущего организованному сообществу людей, преступления, совершенные нацистами не имели прецедентов в ходе всей истории развития человечества. Поскольку подобные злодеяния носили экстраординарный характер, для недопущения безнаказанности военных преступников потребовалось использование экстраординарных юридических средств, в числе которых не могла не находиться универсальная юрисдикция. Следует также заметить, что отнесение таких деяний как геноцид, преступления против человечности, военные преступления, пытки к числу преступлений, в отношении которых может быть применена универсальная юрисдикция, является, по нашему мнению, отражением определенного консенсуса между государственно-правовой практикой и *opinio juris*. Не вызывает сомнений, что указанные преступления фундаментальным образом подрывают основы международного правопорядка, что, в свою очередь, легитимизирует использование рассматриваемого вида юрисдикции к обвиняемым [Сафаров 2011:83; Mystris 2021:43].

Применение универсальной юрисдикции в деле Адольфа Эйхмана следует рассматривать как составную часть глобальных усилий на международном уровне по преодолению безнаказанности за исключительно тяжкие преступления против Еврейского народа.

Верховный суд Израиля в своем решении от 29 мая 1962 г. по апелляции А. Эйхмана четко разъяснил, что «все преступления, приписываемые заявителю, не только носят международный характер, но и их пагубные и смертоносные последствия были настолько всеобъемлющими и широкомасштабными, что потрясли международное сообщество до самого основания. Тем самым, государство Израиль имело право, в соответствии с принципом универсальной юрисдикции и в качестве блюстителя международного права и агента по его исполнению, судить заявителя. В таком случае не имеет значения тот факт, что государство Израиль не существовало на момент совершения преступлений» [Scharf 2013:93].

Как справедливо отмечалось в юридической литературе, «согласно общепризнанной доктрине право наказывать за военные преступления не ограничивается государством, граждане которого пострадали или на территории которого

имело место преступное деяние, а принадлежит любому независимому государству, равно как и право наказывать за преступление пиратства... Любое независимое государство согласно международному праву обладает юрисдикцией наказывать пиратов и военных преступников независимо от национальности потерпевших либо места совершения преступления...» [Cowles 1945:177].

Другой вопрос, который возникает при анализе рассматриваемого дела, касается собственного интереса еврейского государства в преследовании геноцида и преступлений против человечности.

В своей вступительной речи на процессе по рассматриваемому делу Генеральный прокурор Израиля Гидеон Хаузнер заявил: «Представ здесь перед Вами, судьи Израиля, чтобы осуществлять обвинение против Адольфа Эйхмана, я стою не один. Со мной в этот час шесть миллионов обвинителей. Но они не могут встать и указать обвиняющим перстом на сидящего на скамье подсудимых и воскликнуть: «Я обвиняю!»... Я буду за них говорить и от их имени предьявлю ужасающий обвинительный акт» [Linton 2009:225].

Тот факт, что государства Израиль не существовало в момент совершения преступлений против европейских евреев, трудно было бы рассматривать как сколь-нибудь релевантный фактор применительно к вопросу о правомерности уголовного преследования А. Эйхмана с позиции международного права, что было однозначно подтверждено судебными инстанциями Израиля⁵⁴. Впоследствии данная позиция была подтверждена в решении Апелляционного суда Соединенных Штатов (Шестой округ) по делу *Demjanjuk v. Petrovsky*, вынесенном в 1985 г. По мнению судебной инстанции, «тот факт, что государства Израиль не существовало, когда И. Демьянюк предположительно совершил преступления, не является препятствием для осуществления Израилем юрисдикции в соответствии с принципом универсальности. При рассмотрении этой юрисдикционной посылки ни гражданство обвиняемого или жертвы (жертв), ни место совершения преступления не имеют значения. Основное предположение состоит в том, что преступления являются преступлениями против законов наций или против

⁵⁴ См.: The Supreme Court of Israel: *Eichmann v Attorney General*. Judgment dated May 29, 1962. URL: https://www.asser.nl/upload/documents/DomCLIC/Docs/NLP/Israel/Eichmann_Appeals_Judgement_29-5-1962.pdf (accessed 09.08.2021).

человечности, и что государство, осуществляющее преследование, действует от имени всех наций. Действуя подобным образом, Израиль или любое другое государство, независимо от его статуса в 1942 или 1943 г., может взять на себя обязательство защищать интересы всех наций, пытаясь наказать виновных в подобных преступлениях»⁵⁵.

Фундаментальный интерес не только еврейского государства, но и всего международного сообщества заключался в том, чтобы восторжествовало правосудие в отношении всех тех, кто планировал и осуществлял бесчеловечный план «окончательного решения еврейского вопроса». Наличие подобного интереса в числе прочих, легитимизируется тем фактом, что большинство преступлений, на которые распространяется универсальная юрисдикция, посягают на мировой публичный порядок, вызывая нарушение императивных (*jus cogens*) норм международного права⁵⁶. В современной доктрине международного уголовного права такие деяния как геноцид, преступления против человечности, военные преступления нередко именуется также как «*jus cogens* преступления» [Bassiouni 1996:63-74; Cryer 2005:101; Ferdinandusse 2006:181-185; Orakhelashvili 2008:288-306].

С другой стороны, обязательства, вытекающие из запрещения отдельных преступных актов, в отношении которых применяется универсальная юрисдикция, относятся к категории обязательств *erga omnes*⁵⁷.

Понятие указанных обязательств было введено в международно-правовой оборот *obiter dictum* Международного суда в деле *Barcelona Traction*, в котором было отмечено, что «существенная разница должна быть проведена между обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом, и обязательствами, которые возникают в отношении

другого государства в рамках дипломатической защиты. По своей природе первые затрагивают все государства. В силу важности вытекающих из них прав, все государства могут считаться имеющими юридический интерес в их защите; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*. Эти обязательства вытекают в современном международном праве, например, из запрещения актов агрессии, геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основополагающих прав человеческой личности, включая защиту от рабства и расовой дискриминации... Некоторые из соответствующих прав уже вошли в общее международное право... другие предоставляются международными актами универсального и квази-универсального характера»⁵⁸. Таким образом, речь шла о констатации в современном международном праве определенных обязательств, в защите которых «все государства могут считаться имеющими юридический интерес». Весьма примечательно, что отправной точкой формирования новой концепции международных обязательств явились, в числе прочих, деяния, на которых распространяется универсальная юрисдикция, и в частности, преступление геноцида.

Окружной суд не обошел стороной и некоторые сложные аспекты, касающиеся уголовного преследования и связанные с толкованием ст. VI Конвенции геноцида, которая предусматривала, что «лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда». Суд, принимая во внимание положения указанной статьи, задался вопросом, каким об-

⁵⁵ U.S. Court of Appeals (6th Cir.): *Demjanjuk v. Petrovsky*. Judgment dated October 31, 1985. URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl-nat.nsf/xsp/.ibmmodes/domino/OpenAttachment/applic/ihl/ihl-nat.nsf/572BCBDE76AC627AC1256D180030E448/CASE_TEXT/Demjanjuk%20case%20-%20Decision%20of%2031%20October%201985.pdf (accessed 09.08.2021). См. также: [Dinstein 1998:20].

⁵⁶ House of Lords: *R v. Bow Street Stipendiary Magistrate and Others, ex Parte Pinochet Ugarte (No 3)*. Judgment dated March 24, 1999. URL: <http://www.uniset.ca/other/cs5/2000AC147.html> (accessed 09.08.2021). См. об этом: [Fox 1999:687-702; Woodhouse 2000; Roht-Arriaza 2001:311-319].

⁵⁷ Об обязательствах *erga omnes* см. подробнее: [Annacker 1994:131-166; Ragazzi 1997; Czaplinski 1999:87-97; Forlati 2001:69-109; Kolb 2003:5-55; Tams 2005:152-207; Lepard 2010:261-269; Thirlway 2014:146-153; Orakhelashvili 2015: 124-132; Cimiotta 2016:687-713; Tanaka 2021:1-33; Ukabiala, Pickard, Yamamoto 2021:236-250].

⁵⁸ *Barcelona Traction, Light and Power Co Case (Preliminary Objection)*. *ICJ Reports*. 1970. P. 3. См. в частности: [Shany 2009:15; Tams, Tzanakopoulos 2010:81-800; De Vet 2013:1-19; Criddle 2013:281-284; Söyler 2015:207-247; Tan 2021:68; Bradley 2021:193-226; Urs 2021:505-525]

разом Израиль может преследовать обвиняемого в совершении преступления, расцениваемого как «геноцид». По его мнению, ответ на это вопрос требовал принятия во внимание различия между обычным правом и нормами конвенционного международного права, т.е. различия, на которое непосредственно содержалось указание в Консультативном заключении Международного суда от 28 мая 1951 г.

Как отметил Окружной суд, Конвенция геноцида одновременно выполняет две роли: во-первых, в сфере международного обычного права она подтвердила всеобщее осуждение данного деяния, в соответствии с которым геноцид независимо того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву. Это подтверждается, как было отмечено в Консультативном заключении Международного суда, «универсальным характером осуждения геноцида», а также признанием цивилизованными народами конвенционных принципов в качестве руководящих начал без каких-либо договорных обязательств. Из «принципов, лежащих в основе Конвенции», *inter alia*, вытекает придание уголовно-наказуемого характера действиям, предусмотренным ст. II [Конвенции геноцида – прим. автора], по образцу которой была сформулирована дефиниция «преступление против Еврейского народа»; уголовная ответственность за любые формы соучастия в преступлении геноцида (ст. III); исключение иммунитета высших должностных лиц и иных представителей государства (ст. IV); исключение геноцида для целей экстрадиции из категории защищаемых «политических преступлений» (ст. VII). Эти принципы «признаны цивилизованными нациями», и в соответствии с Консультативным заключением Международного суда, «являются обязательных для государств, даже без каких-либо договорных обязательств». Это означает, что указанные принципы являются частью международного обычного права. Слова «подтверждают» в ст. I Конвенции и «признают» в Консультативном заключении отражают одобрение и подтверждение *ex tunc*, называемое признанием и подтверждением того факта, что вышеуказанные принципы уже рассматривались как часть международного обычного права во время совершения шокирующих преступлений,

которые привели к принятию резолюции ООН и разработке Конвенции геноцида, т.е. преступления, которое было совершено нацистами. Таким образом, первым аспектом Конвенции, имеющим важное значение для рассматриваемого дела, является подтверждение некоторых принципов как устоявшихся положений в международном обычном праве⁵⁹. Второй аспект Конвенции, это реальная цель, ради которой она была заключена, т.е. определение конвенционных обязательств между договаривающимися сторонами для предупреждения подобных преступлений в будущем и их наказания, в случае совершения подобных деяний. Окружной суд Иерусалима пояснил, что необходимо проводить четкую разделительную линию между положением первой части ст. I Конвенции 1948 г. гласящей, что «геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением по международному праву», т.е. общим положением, подтверждающим принцип международного обычного права, связывающим все государства без каких-либо конвенционных обязательств, и ст. IV Конвенции, представляющей собой специальное положение, в соответствии с которой все договаривающиеся государства сами обязуются рассматривать в своих судебных органах дела о преступлениях, которые могут быть совершены в будущем. В чем бы не заключалась цель этого обязательства по смыслу Конвенции, несомненно, что оно не является частью принципов международного обычного права, которые также обладают обязательной силой вне пределов договорного применения Конвенции⁶⁰.

Применительно к виду уголовной юрисдикции, которая подлежала применению в рассматриваемом деле, Окружной суд заявил, что «нельзя предполагать, что ст. VI устанавливает ограничения принципа территориальности юрисдикции государств, преследующих преступление геноцида. Существует консенсус по поводу, что отсутствие в Конвенции [геноцида] положения, предусматривающего универсальную юрисдикцию, является серьезным дефектом данного договора, которое вероятно ослабляет общие усилия по предотвращению совершения этого отвратительного преступления и наказания его исполнителей, но в этом пробеле не существует ничего такого, что могло бы заставить

⁵⁹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 21.

⁶⁰ Ibid. Para. 22.

нас сделать вывод о наличии какой-либо тенденции против универсальности юрисдикции в отношении рассматриваемого преступления. Любое суверенное государство может реализовать свои полномочия в рамках ограничений, существующих в международном обычном праве.

Если бы статья VI Конвенции означала бы, что обвиняемый в совершении геноцида, может быть судим только «компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние» (или «международным судом», который, еще не был учрежден), это не соответствовало бы самому предмету конвенции «предупреждать геноцид и наказывать за него»⁶¹.

Принимая во внимание подход Международного суда, отраженный в его решении от 5 февраля 1970 г. по делу *Barcelona Traction* и связанный с обязательствами *erga omnes*, безусловно, следует заявить о наличии у государства Израиль «юридического интереса» в уголовном преследовании лица, несущего прямую ответственность за геноцид против Еврейского народа. Можно безошибочно утверждать, что реализуя подобного рода интерес, Израиль выступал не только от своего собственного имени, но и осуществлял превентивную и карательную функцию, входящую в предмет ответственности, как отдельных членов мирового объединения государств, так и международного сообщества в целом.

В качестве второго юрисдикционного базиса Окружной суд рассматривал принцип протективности, заявив, что помимо наличия в данном деле юрисдикции в соответствии с международным правом, не менее важным является вопрос об особой связи Израиля с имевшими место международными преступлениями, принимая во внимание, что народ Израиля – еврейское население [Ha'am Ha'yehudi – термин, используемый в израильском законодательстве], было целью и жертвой большинства указанных преступлений. Судебная инстанция обратила внимание на то, что ««право наказывать» обвиняемого вытекает из двух кумулятивных источников: универсального источника, предусматривающего право преследования и наказания преступлений в любом из государств мировой семьи наций и особого или национального ис-

точника, предоставляющего потерпевшей нации право судить любого, кто покушается на ее существование. Это второе основание уголовной юрисдикции соответствует, согласно признанной терминологии, протективному принципу или *compétence réelle*»⁶². Суд подчеркнул, что «сторона защиты допускает ошибку в анализе принципа протективности в ретроактивном Законе с учетом времени совершения преступлений, как это имеет место в случае применения обычного законодательства. Рассматриваемый Закон был принят в 1950 г. с целью распространить его применение на специфический период времени, охватывающий срок в пять лет, предшествующий моменту его принятия. Защищаемые интересы государства признаны согласно протективному принципу в данном деле в качестве интересов, существовавших во время принятия Закона [о нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании) – прим. автора]»⁶³. Таким образом, Окружной суд установил связь между преступлениями А. Эйхмана и государством Израиль с учетом их непосредственной направленности против евреев и особой связи Еврейского народа с Израилем. Кроме того, судебная инстанция особо подчеркнула тот факт, что Израиль в большей степени, чем какое-либо другое государство озабочено фактом совершения преступлений, предусмотренных Законом 1950 г., что позволяет осуществить юрисдикцию в рассматриваемом деле, если это не нарушает международного права⁶⁴.

Другим фундаментальным аспектом процесса над Адольфом Эйхманом, в связи с которым со стороны защиты подсудимого были выдвинуты возражения, был вопрос о его похищении и доставке на территорию Израиля. Как отмечается в литературе, юридическая сага дела Эйхмана берет свое начало не от организации судебного процесса в Израиле, а с событий, сопровождавших его похищение 11 мая 1960 г. в Аргентине [Wenig 1997:112].

Представив свои аргументы против судопроизводства в отношении А. Эйхмана, его защита настаивала на том, что уголовное преследование обвиняемого в Израиле после его похищения с территории иностранного государства не

⁶¹ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 23.

⁶² The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 30.

⁶³ Ibid. Para. 3.

⁶⁴ Ibid. Para. 32-35. См. также: [Makoto 2015:342]

соответствует международному праву и представляет собой расширение юрисдикционной компетенции израильского судебного органа, не позволяющее в подобных обстоятельствах осуществлять уголовную юрисдикцию в данном деле.

Парируя утверждения защиты А. Эйхмана, сторона обвинения обратила внимание на то, что проблема ареста и трансфера подсудимого уже была предметом обсуждения в Совете Безопасности ООН, который отметил, что он может предстать именно перед данным судом. С другой стороны, никто не обратился для уголовного преследования А. Эйхмана с запросом об экстрадиции и в этой связи не имеется конфликта между государством Израиль и любым другим государством [Minerbi 2011:10-11]. Было также обращено внимание на то, что юрисдикция суда основывается на положениях Закона 1950 г., который применяется в отношении подсудимого и касается его действий, получивших отражение в обвинительном заключении. Обязанность судебного органа заключается не в чем ином, как в осуществлении судопроизводства по фактам совершения указанных действий⁶⁵. Следует также отметить, сторона обвинения прямо указала на то, что согласно устоявшейся прецедентной практике ряда государств, а также самого Израиля, суд, рассматривающий дело, не должен входить в анализ обстоятельств ареста лица и переносить их в сферу юрисдикции. Подобного рода вопросы не влияют на юрисдикцию судебного органа, позволяющего осуществлять рассмотренные дела в отношении обвиняемого, а касаются только внешних сношений государства⁶⁶.

Как заявил Окружной суд, «согласно устоявшейся норме права, лицо, представшее перед судом, за нарушение законов государства, не может возражать против судебного разбирательства по причине незаконности ареста либо способов его доставки в сферу юрисдикции государства. Суды Англии, Соединенных Штатов и Израиля неоднократно постановляли, что обстоятельства ареста и способ, посредством которого обеспечено

присутствие лица на территории государства, не имеют отношения к судебному процессу и последовательно отказывались входить в рассмотрение указанных обстоятельств»⁶⁷. Окружной суд Иерусалима также провел обстоятельный анализ прецедентной практики судебных инстанций различных государств, сослался на труды известных ученых-международников, доктринальные источники для обоснования правомерности осуществления юрисдикции. Квинтэссенция этого анализа сводилась к тому, что способ доставки обвиняемого не влияет на юрисдикцию судебной инстанции, что позволяет ей рассматривать дело А. Эйхмана по обвинению в тяжких преступлениях против Еврейского народа.

Применительно к упомянутой части судебного решения и для того, чтобы понять его логику необходимо сделать краткий экскурс в теорию и практику западной юриспруденции, изобилующей различными примерами насильственного похищения обвиняемых на территориях иностранных государств для обеспечения их присутствия в судебных инстанциях. Расширение подобного рода «экстерриториальной» юрисдикции подтверждается и в соответствующих правовых доктринах, выраженной в принципе *male captus bene detentus*,⁶⁸ согласно которому суд может установить юрисдикцию над обвиняемым независимо от обстоятельств его ареста⁶⁹.

Например, судебная практика Соединенных Штатов, на которую сослался Окружной суд Иерусалима, изобилует подобного рода примерами, причем независимо от способа доставки обвиняемых, их похищение не рассматривается как нарушение права за надлежащую правовую процедуру и не лишает судебные органы возможности рассмотрения дела в соответствии с законами США. При этом принцип *male captus bene detentus* нашел свое отражение в доктрине Кера — Фрисби (*Ker-Frisbie doctrine*), названной так по фамилиям двух похищенных лиц, дела которых *Ker v. Illinois* (1886)⁷⁰ и *Frisbie v. Collins* (1952)⁷¹

⁶⁵ The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann. Para. 40.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibid. Para. 41.

⁶⁸ См.: [Mohit 2006:123-126; Paulussen 2014:19-29].

⁶⁹ См.: [Сафаров 2005:124; Сафаров 2006:393-394; Baker, Röben 1993:567-568; Paulussen 2011:29; Iraola 2011:694-697; Vlasic, De Sousa 2015:135-137; Detter 2016:457; Ireland-Piper 2017:155-157].

⁷⁰ US Supreme Court: *Ker v. Illinois*. December 6, 1886. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/119/436/> (accessed 10.07.2021).

⁷¹ US Supreme Court: *Frisbie v. Collins*. March 10, 1952. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/342/519/> (accessed 10.07.2021).

впоследствии стали предметом судебного разбирательства⁷².

В деле Кера против постоянно проживающего в Перу лица большим жюри Иллинойса было выдвинуто обвинение в воровстве и растрате. В соответствии с Договором об экстрадиции между США и Перу его должны были выдать американским властям, но, поскольку указанные события произошли в период войны между Перу и Чили, вооруженные силы которой контролировали Лиму, вместо осуществления экстрадиции Кер был насильственно похищен и на борту американского судна доставлен в США. Впоследствии его осудили в штате Иллинойс. Верховный суд отклонил аргументы Кера о том, что на основании Договора с США он пользовался правом убежища, и определил, что его похищение не нарушило положение о надлежащей правовой процедуре (*due process of law*), гарантированное XIV Поправкой. Суд сослался на требование, согласно которому лицо должно быть обвинено и подвергнуто судебному преследованию в соответствии с формами и методами, установленными для подобного рода судебных разбирательств⁷³.

В другом деле (*Frisbie*) заключенный, обращаясь с ходатайством о *habeas corpus*, отмечал, что доставлен из Иллинойса в Мичиган только после того, как был похищен и на него надели наручники полицейские, которые были направлены на его поиски. Он указывал, что его осуждение нарушает положение о надлежащей правовой процедуре, предусмотренной XIV Поправкой, так же как и *Federal Kidnapping Act*, вследствие чего оно должно быть признано не имеющим юридической силы. Однако Суд отклонил его ходатайство, сославшись на дело *Ker v. Illinois*. Таким образом, доктрина *Кера — Фрисби*, вне зависимости от способов установления юрисдикции, допускает судебное разбирательство по делу и ограничивает надлежащую правовую процедуру лишь гарантиями законного и справедливого судебного разбирательства. Этот подход был подтвержден целой серией дел, рассмотренных судебными инстанциями США (в частности, *US v. Verdugo-Urquidez*, *US v. Alvarez-Machain*, *US v. Matta-Ballesteros* и др.). Похищение иностранцев за рубежом, осуществление различных принуди-

тельных действий в отношении как их самих, так и принадлежащего им имущества, инициировало обсуждение ряда проблем, связанных с конституционностью подобных действий, а также с правовой защитой, гарантируемой IV Поправкой.

В литературе в подавляющем большинстве случаев отмечается, что хотя похищение обвиняемых с территории иностранного государства заведомо нарушает его суверенитет, вместе с тем, незаконность ареста не препятствует суду осуществить юрисдикцию над указанным лицом [Bassiouni 2014:275].

Для того, чтобы опровергнуть доводы защиты в сегменте влияния нелегального захвата и доставки А. Эйхмана в Израиль на установление уголовной юрисдикции, Окружной суд использовал аргументацию, согласно которой, по его мнению, вопрос не должен рассматриваться в контексте нарушения норм международного права, а его следует расценивать в плоскости двусторонних межгосударственных отношений. По заявлению судебного органа, урегулирование проблемы должно быть достигнуто исключительно на подобном уровне.

Суд также выразил отношение к проблеме возможного иммунитета обвиняемого, исходя из статуса беженца, предоставленного со стороны суверенного государства. Он признал данный аспект утверждений, неподходящими по двум основаниям: а) согласно устоявшейся норме международного права иммунитет не защищает правонарушителя за исключением случаев, когда он был экстрадирован со стороны государства убежища запросившей его выдачу на основании обвинения в совершении определенного преступления, чего в случае А. Эйхмана не имеется. Обвиняемый не был передан Аргентиной Израилю и последний не связан с Аргентиной каким-либо соглашением для преследования обвиняемого за любое иное конкретное преступление, нежели то, которое является предметом разбирательства в данном деле; б) право убежища и предоставления иммунитета принадлежат государству убежища, но не правонарушителю, который не может настаивать на том, что иностранное суверенное государство гарантировало ему за-

⁷² Подробнее см.: [Landis 1991:571-573; Schwabach, Patchett 1993:20-28; Carlisle 1993:1544-1546; Kovac 2002:633-635; Bassiouni 2014:278-280].

⁷³ О надлежащей правовой процедуре см. например: [The Arc... 2013].

⁷⁴ *The Attorney-General of the Government of Israel v. Eichmann*. Para 52.

щиту против своей воли. Обвиняемый являлся разыскиваемым военным преступником, когда нашел прибежище на территории Аргентины с помощью поддельных данных. Только после его захвата и доставки в Израиль была установлена его личность и после переговоров между двумя правительствами Аргентина отказалась от требования о его возвращении, заявив, что инцидент исчерпан. Тем самым, правительство Аргентины определенно отказалось предоставлять обвиняемому какую-либо защиту. Лицо предстало перед судом того государства, которое обвинило его в совершении тяжких преступлений против израильских законов. В этой связи лицо не обладает иммунитетом от уголовного преследования и должно нести ответственность за преступления, указанные в обвинительном заключении⁷⁴.

На наш взгляд, уместным для аргументации Окружного суда Иерусалима в данной части судебного решения могла оказаться и ссылка на Конвенцию о статусе беженцев от 14 декабря 1951 г., которая была ратифицирована Израилем 1 октября 1954 г.

Указанная Конвенция получила широкую известность, прежде всего, наличием своих проективных элементов, которые предоставлялись лицам, ищущим убежища. Однако не менее важными являлись и ограничительные клаузулы данного международного договора, цель которых сводилась к исключению злоупотребления правами и преимуществами, вытекающими из статуса беженца [Bond 2013:17]⁷⁵.

Как известно, согласно ст. 1F (a) предусматривалось, что положения настоящей Конвенции не распространяются на всех тех лиц, в отношении которых имеются серьезные основания предполагать, что они совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений. Принятая всего через шесть лет после окончания Второй мировой войны Конвенция 1951 г. не могла не учитывать тяжелое наследие прошедших событий, исключив предоставление любой формы защиты, вытекающей из данного международно-правового

акта лицам, причастным к совершению тяжких международных преступлений.

Как отмечается в литературе, после беспрецедентных злодеяний Второй мировой войны, их моральная неприемлемость могла бы ослабить публичную поддержку правового режима беженцев в тех местах, где подобные лица стремились получить поддержку. В этой связи положениям ст. 1F был придан императивный характер для того, чтобы сделать невозможным осуществление дискреции по предоставлению статуса беженца без оценки поведения лица, ищущего убежище, в соответствии со стандартами указанной статьи.

В отличие от «неполитических» преступлений, предусмотренных ст. 1F (b), деяния, предусмотренные в ст. 1F (a) – преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, являются международными в силу своей природы. Как и Конвенция о статусе беженцев, эти преступления были сформулированы после Второй мировой войны. Хотя иммиграционные процессы являются по своему характеру гражданско-правовыми, а не уголовными, ст. 1F (a) не может быть правильно понята без признания ее связи с международным уголовным правом [Egelman 2018:465]. При этом ст. 1F (a) касается «международных преступников», которые вследствие их «вклада» в «серьезные, постоянные и системные нарушения основных прав человека» не могут «правомерно претендовать на получение убежища» [Billingsley 2015:101].

Следует также иметь в виду, что еще до принятия Конвенции в числе первых юридических инструментов, содержащих положения об исключении из механизма защиты беженцев находились Конституция международной организации беженцев 1946 г. и Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Simentić 2019:112].

В частности, согласно Приложению I (часть вторая) в числе лиц, не подлежащих компетенции Организации беженцев, находились военные преступники, квислинги и предатели (п. 1)⁷⁶. Что касается Всеобщей декларации, то согласно ст. 14 (2) право искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем не может быть использовано в случае

⁷⁵ См. подробнее: [The 1951 Convention...2011].

⁷⁶ Constitution of the International Refugee Organization of 10 December 1946. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=V-1&chapter=5&clang=_en (accessed 10.07.2021).

преследования, в действительности основанного на совершении неополитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций⁷⁷. Указанные нами моменты, *inter alia*, являлись релевантными для процессов, подобных тому, которые рассматривал Окружной суд Иерусалима в отношении военного преступника А. Эйхмана.

Как было заявлено председателем Совета Безопасности ООН в отношении событий, имевших место на территории Руанды, «те, кто несет ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и акты геноцида должны предстать перед правосудием..., они не обладают иммунитетом в стране, где скрываются и положения Конвенции о статусе беженцев не применяются к подобным лицам»⁷⁸.

5. Заключение

Окружной суд Иерусалима, проведя в течение восьми месяцев 121 сессию, вынес приговор в отношении Адольфа Эйхмана. Хотя наказание в виде смертной казни по соответствующим статьям Закона «О нацистах и нацистских коллаборационистах (их наказании)» носило альтернативный характер, бесчеловечная природа совершённых преступлений, исключающих какое-либо снисхождение и абсолютное отсутствие смягчающих обстоятельств, обусловили назначение высшей меры уголовно-правового реагирования.

Верховный суд Израиля, действующий в качестве апелляционной инстанции, 29 мая 1962 г., по тем же основаниям, которыми был обоснован приговор, оставил его в силе, подчеркнув, что законодатель «не мог представить себе большего преступника, нежели Адольф Эйхман и если мы не хотим объявить недействительной волю законодателя, то должны наложить на Эйхмана максимальное наказание, предусмотренное в Разделе 1, а именно – смертную казнь». На следующий день после вынесения приговора, А. Эйхман обратился к Президенту Израиля Ицхаку Бен-Цви с прошением о помиловании, однако, глава

государства 31 мая принял решение об оставлении в силе приговора⁷⁹, который был приведен в исполнение 1 июня в тюрьме Рамле [Straschnov 2013:528].

Таким образом, завершился процесс по делу нацистского функционера, несущего непосредственную ответственность за бесчеловечные действия, связанные с отрицанием права на существование целого народа, шесть миллионов представителей которого пали жертвой фашистского режима.

Суд над А. Эйхманом, почти повсеместно признанный универсально необходимым [Koskeniemi 2002:3], ознаменовал собой не только осуществление правосудия над геноцидарием, вложившим свою энергию и таланты в осуществление «окончательного решения еврейского вопроса», но и предоставил выжившим и членам семей жертв Холокоста широкую арену мирового масштаба для того, чтобы они могли поведать всему миру свои личные истории о преследованиях в период нацистского режима, не имевших прецедента [Bryant 2012:339]. Как было отмечено Эли Розенбаумом, «дело Адольфа Эйхмана явилось чрезвычайно позитивной вехой в истории обеспечения соблюдения прав человека и усилий по привлечению к уголовной ответственности от имени жертв геноцида. Оно возродило мировой интерес к преступлениям нацистского режима и его европейских союзников - интерес, который уже резко снизился за несколько лет, прошедших с момента завершения великого Нюрнбергского эксперимента в середине-конце 1940-х годов» [Rosenbaum 2012:387].

Этот процесс также явился убедительным свидетельством того, что неминуемое возмездие достигнет любого преступника, виновного в деяниях, посягающих на фундаментальное понятие человечности. Даже по прошествии более чем шестидесяти лет, перипетии судебного разбирательства по делу А. Эйхмана не теряют своей актуальности, являясь одним из наиболее значимых эпизодов послевоенной истории уголовных процессов над военными преступниками, вошедшим в себя сложнейшие проблемы международной дипломатии и международного права.

⁷⁷ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.07.2021).

⁷⁸ UN: Statement by the President of the Security of Council. October 14, 1994. URL: <https://undocs.org/S/PRST/1994/59> (accessed 10.07.2021).

⁷⁹ См.: [Pearlman 1963:627; Friedman 1994:602].

Список литературы

1. Глотова С. В. 2016. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции. – *Журнал зарубежного и сравнительного законодательства*. № 3. С. 101-109.
2. Звягинцев А. Г. 2006. *Нюрнбергский набат: репортаж из прошлого, обращение к будущему*. М.: ОЛМА Медиа Групп. 1120 с.
3. Сафаров Н.А. 2005. *Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики*. М.: Волтерс Клувер. 415 с.
4. Сафаров Н.А. 2006. Насильственное похищение обвиняемых: теория и практика западной юриспруденции. – *Российский ежегодник уголовного права*. № 1. С. 392-410.
5. Сафаров Н.А. 2011. Преследование международных преступлений: универсальная юрисдикция против дипломатического иммунитета. – *Государство и право*. № 9. С. 81-92.
6. Черниченко С.В. 2018. Максима «право не возникает из правонарушения» и сменяемость императивных норм международного права. – *Правоведение*. № 1. С. 6-19.
7. Ambos K. 2021. *Treatise of International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 656 p. DOI: 10.1093/law/9780199657926.001.0001
8. Annacker C. 1994. The Legal Regime of Erga Omnes Obligations in International Law. – *Austrian Journal of Public and International Law*. Vol. 46. No. 2. P. 131-166.
9. Arendt H. 1963. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press. 275 p.
10. *Argentine Jews or Jewish Argentines? Essays of Ethnicity, Identity, and Diaspora*. Ed. by R. Rein. 2010. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 312 p.
11. *Asia: Middle East Record*. Vol. 1. Ed. by Y. Oron. 1962. London: Weidenfeld & Nicolson. 582 p.
12. Bach G. 2011. Genocide (Holocaust) Trials in Israel. – *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945: 60th Anniversary International Conference*. Ed. by H.R. Reginbogin, C. Safferling, W. de Gruyter. München: K.G. Sauer Verlag GmbH. P. 216-223.
13. Baker b., Röben V. 1993. To Abduct or to Extradite: Does a Treaty Beg the Question?. – *Heidelberg International Law Journal*. Vol. 53. P. 657-688.
14. Bassiouni C. 1996. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes. – *Law and Contemporary Problems*. Vol. 59. No. 4. P. 63-74.
15. Bassiouni C. 1999. *Crimes against Humanity in International Criminal Law*. 2nd ed. The Hague: Kluwer Law International. 652 p.
16. Bassiouni C. 2011. *Crimes against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 884 p.
17. Bassiouni C. 2014. *International Extradition: United States Law and Practice*. 6th ed. Oxford: Oxford University Press. 1233 p.
18. Bazyley M.J., Tuerkheimer F.M. 2014. *Forgotten Trial of the Holocaust*. New York: New York University Press. 390 p.
19. Bazyley M. J. 2016. *Holocaust, Genocide, and the Law: A Quest for Justice in a Post-Holocaust World*. Oxford: Oxford University Press. 281 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195395693.001.0001
20. Bazyley M.J., Scheppach J.Y. 2012. The Strange and Curious History of the Law Used to Prosecute Adolf Eichmann. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P. 417-461.
21. Beigbeder Y. 2005. *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges*. Boston; Leiden: Martinus Nijhoff. 247 p.
22. Bradley M. 2021. Jus Cogens' Preferred Sister: Obligations Erga Omnes and the International Court of Justice – Fifty Years after the Barcelona Traction. – *Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Disputations*. Ed. by D. Tladi. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 193-226. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004464124_009
23. Ben-Naftali O., Tuval Y. 2006. Punishing International Crimes Committed by the Persecuted: The Kapo Trials in Israel (1950-1960). – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. No. 1. P. 128-178.
24. Bryant M. 2012. Eichmann in Jerusalem and in West Germany: Eichmann Trial Witnesses and the West German Prosecution of Operation Reinhard Crimes, 1958–1966. – 2012. *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P. 339-385.
25. Bilsky L. 2014. The Eichmann trial: Towards a jurisprudence of eyewitness testimony of atrocities. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 12. Issue 1. P. 27-57.
26. Bilsky L., Klagsburn R. 2018. Cultural Genocide: Between Law and History. – *The Oxford Handbook of Legal History*. Ed. by M. D. Dubber and Chr. Tomlins. Oxford: Oxford University Press. P. 1081-1094. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.58
27. Bond J. 2013. Principled Exclusion: A Revised Approach to Article 1(F)(a) of the Refugee Convention. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 35. Issue No. 1. P. 15-78.
28. Cassese A. 2009. Eichmann: Is Evil So Banal? – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 7. Issue No. 3. P. 645-652.
29. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Ed. by A. Cassese [et. al.]. 2013. Oxford: Oxford University Press. 472 p.
30. Cowles W.B. Universality of Jurisdiction over War Crimes. – *California Law Review*. 1945. Vol. XXXIII. N 2. P. 177-218.
31. Cryer R. 2005. *Prosecuting International Crimes: Selectivity and International Criminal Law Regime*. Cambridge: Cambridge University Press. 347 p.
32. Brown A. 2015. *Judging "Privileged" Jews: Holocaust Ethics, Representation and the "Grey Zone"*. New York: Berghahn. 222 p.
33. Carlisle J. 1993. Extradition of Governments Agents as Municipal Law Remedy for state-Sponsored Kidnapping. – *California Law Review*. Vol. 81. No.6. P. 1541-1586.
34. Cimiotta E. 2016. The Relevance of Erga Omnes Obligations in Prosecuting of International Crimes. – *Heidelberg Journal of International Law*. Vol. 76. P. 687-713.
35. Colangelo A. 2007. Constitutional Limits on Extraterritorial Jurisdiction: Terrorism and the Intersection of National and International Law. – *Harvard International Law Journal*. Vol. 48. No. 1. P. 121-201.
36. Douglas L. 2001. *The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust*. New Haven and London: Yale University Press. 318 p.
37. Criddle E. 2013. Standing for Human Rights Abroad. – *Cornell Law Review*. Vol. 100. P. 269-333.
38. Cwik Chr. 2009. The other Immigration to Argentina: The Case of Adolf Eichmann. – *Clío América*. Vol. 3. Issue 5. P. 85-103.
39. Ferdinandusse W.N. 2006. *Direct Application of Interna-*

- tional Criminal Law in National Courts*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 338 p.
40. Czaplinski W. 1999. Concepts of Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in International Law in the Light of Recent Developments. – *Polish Yearbook of International Law*. Vol. 23. P. 87-97.
  41. Detter I. 2016. *The Law of War*. 3rd ed. London; New York: Routledge. 568 p.
  42. De Vet E. 2013. Invoking Obligations Erga Omnes in the Twenty-First Century: Progressive Developments since Barcelona Traction. – *South African Yearbook of International Law*. Vol. 38. P. 1-19.
  43. Dinstein Y. 1998. The Universality Principle and War Crimes. – *International Law Studies*. Vol. 71. P. 17-37.
  44. Drumbl M. 2016. Victims who Victimise. – *London Review of International Law*. Vol. 4. Issue 2. P. 217-247. DOI: <https://doi.org/10.1093/lril/lrw015>
  45. Feldestein A. 2006. *Ben-Gurion, Zionism and American Jewry: 1948-1963*. London: Routledge. 240 p.
  46. Forlati S. 2001. Azioni dinanzi alla Corte internazionale di giustizia rispetto a violazioni di obblighi erga omnes. – *Rivista di diritto internazionale*. No. 1. P. 69-109.
  47. Fournet C. 2007. *The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory*. Aldershot: Ashgate Publishing. 175 p.
  48. Fox F. 1999. The Pinochet Case No. 3. – *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 48. Issue 3. P. 687-702.
  49. Friedman J. 1994. Arendt in Jerusalem, Jackson at Nuremberg: Presuppositions of the Nazi War Crimes Trials. – *Israel Law Review*. Vol. 28. Issue 4. P. 601-625. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700011778>
  50. Frilling T. A. 2014. *Jewish Kapo in Auschwitz: History, Memory, and the Politics of Survivor*. Waltham: Brandeis University Press. 340 p.
  51. Garrod M. 2012. The Protective Principle of Jurisdiction Over War Crimes and Hollow Concept of Universality. – *International Criminal Law Review*. Vol. 12. No. 5. P. 763-826.
  52. Grabenwater C. 2014. *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Commentary*. Oxford; Portland: C.H. Beck; Nomos; Hart. 600 p.
  53. Green L. 1960. The Eichmann Case. – *Modern Law Review*. Vol. 23. P. 507-515.
  54. Green L. 1963. The Maxim Nullum Crimen Sine Lege and the Eichmann Trial. – *British Yearbook of International Law*. Vol. 38. P. 457-471.
  55. Hall C. K. 2006. Universal Jurisdiction: New Uses for an Old Tool. – *Justice for Crimes against Humanity*. Ed. by M. Lattimer and P. Sands. Oxford: Portland, Oregon: Hart Publishing. P. 47-72.
  56. Hall C. K. 2003. Contemporary Universal Jurisdiction. – *Human Rights and Criminal Justice for Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 111-138.
  57. Harel I. 1975. *The House on Garibaldi Street*. London: Routledge. 287 p.
  58. Harris D.J. 1998. *Cases and Materials on International Law*. London: Sweet&Maxwell. 779 p.
  59. *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by E. de Wet, J. Vidmar. 2012. Oxford: Oxford University Press. 330 p. DOI: DOI:10.1093/acprof:oso/9780199647071.001.0001
  60. *Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. 825 p.
  61. Inazumi M. 2005. *Universal Jurisdiction in Modern International Law*. Utrecht: Intersentia. 274 p.
  62. Iraola R. 2011. Jurisdiction, Treaties, and Due Process. – *Buffalo Law Review*. Vol. 59. No. 3. P. 693-714.
  63. Ireland-Piper D. 2017. *Accountability in Extraterritoriality: A Comparative and International Law Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 208 p.
  64. Jaspers K. Who Should Have Tried Eichmann? – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 4. 853-858.
  65. Jockusch L. 2021. Prosecuting "Crimes against Jewish People": The Eichmann Trial and the History of a Legal Concept. – *Eichmann Trial Reconsidered*. Ed. by R. Wittmann. Toronto: University of Toronto Press. P. 75-103.
  66. Kelsen H. 1943. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to Punishment of War Criminals. – *California Law Review*. Vol. 31. No. 5. P. 530-571.
  67. Kelsen H. 1945. *General Theory of State and Law*. Cambridge: Harvard University Press. 516 p.
  68. Keren M. 1991. Ben-Gurion's Theory of Sovereignty: The Trial of Adolf Eichmann. – *David Ben-Gurion: Politics and Leadership in Israel*. Ed. by R.W. Zweig. New York: Routledge. P. 38-51.
  69. Kittichaisaree K. 2018. *The Obligation to Extradite or Prosecute*. Oxford: Oxford University Press. 400 p.
  70. Kittrie N. 1964. A Post Mortem of the Eichmann Case - The Lessons for International Law. – *Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 55. No.1. P. 16-28.
  71. Kolb R. 2003. Théorie du Jus Cogens International. – *Revue Belge de Droit Internationale*. Vol. 36. No. 1. P. 5-55.
  72. Koskeniemi M. 2002. Between Impunity and Show Trial. – *Max-Planck Yearbook of UN Law*. Vol. 6. P. 1-21.
  73. Kovac M.A. 2002. Apprehension of War Crimes Indictees: Should the United Nations' Courts Outsource Private Actors to Catch Them? – *Catholic University Law Review*. Vol. 51. No. 2. P. 619-653.
  74. Kress C. 2006. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Institute de droit International. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. No. 3. P. 561-585.
  75. Lagerwall A. 2016. *Le principe ex injuria jus non obitur en droit international*. Bruxelles: Bruylant. 634 p.
  76. Landis K.T. 1991. The Seizure of Noriega: A challenge Ker-Frisbie Doctrine. – *American University International Law and Policy Journal*. Vol. 6. Issue 4. P. 571-607.
  77. Landsman S. 2012. The Eichmann Case and the Invention of the Witness-Driven Atrocity Trial. – *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 51. No. 1. P. 77-87.
  78. Lasok D. 1962. The Eichmann Trial. – *International & Comparative Law Quarterly*. Vol. 11. Issue 2. P. 355- 374. DOI: <https://doi.org/10.1093/iclqaj/11.2.355>
  79. Lepard B. 2010. *Customary International law: A New Theory with Practical Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804717>
  80. Linton S. 2009. The Role of Judges in Dealing with the Legacies of the Past. – *The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence*. 2009. Vol. I. New York: Oceana. P. 203-248.
  81. Lippert D. 1962. The Eichmann Case and the Nuremberg Trials. – *American Bar Association Journal*. Vol. 48. No. 8. P. 738-741.
  82. Lippman M. 2002. Genocide: The Trial of Adolf Eichmann and the Quest for Global Justice. – *Buffalo Human Rights*

- Law Review*. Vol. 8. P. 45-121.
83. Liskofsky S. 1961. The Eichmann Case. – *The American Jewish Year Book*. Vol. 62. P. 199-208.
  84. Longerich P. 2010. *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*. Oxford: Oxford University Press. 645 p.
  85. Macoto S. 2015. Expanding the Scope of Universal Jurisdiction through Municipal Law: From Piracy to the Crime of Aggression via Eichmann Trial. – *Historical Origins of International Criminal Law. Volume 4*. Ed. by M. Bergsmo [et. al.]. Oslo: Torkel Opsahl Academic EPublisher. P. 339-366.
  86. Mann I. 2010. The Dual Foundation of Universal Jurisdiction: Towards a Jurisprudence for the “Court of Critique”. – *Transnational Legal Theory*. Vol. 1. Issue 4. P. 485-521.
  87. Maogoto J. 2009. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10. – *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. P. 51-62. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004163089.i-1122.21>
  88. Minerbi S. 2011. *The Eichmann Trial Diary: A Chronicle of the Holocaust*. New York: Enigma Books. 256 p.
  89. Mitsilegas V. 2014. Article 49 – Principle of Legality and Proportionality of Criminal Offences and Penalties. – *The EU Charter of Fundamental Rights: A Commentary*. Ed. by S. Peers [et al.]. Oxford; Portland: BECK-Hart-Nomos. P. 1394-1415.
  90. Mohit A. 2006. The Customary Law of International Abductions: Limits and Boundaries. – *Asian Yearbook of International Law*. Vol. 11. P. 123-146.
  91. Mulish H. 2009. *Criminal case 40/61, the of Adolf Eichmann: an Eyewitness Account*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 208 p.
  92. Musmanno M. 1961. *The Eichmann Kommandos*. Philadelphia: Macrae Smith. 288 p.
  93. Mystris D. 2021. *An African Union's Rethinking of International Criminal Justice*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 328 p.
  94. O'Keefe R. 2015. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 678 p.
  95. Orakhelashvili A. 2003. Peremptory Norms and reparation for Internationally Wrongful Acts. – *Baltic Yearbook of International Law*. Vol. 3. P. 19-56.
  96. Orakhelashvili A. 2008. *Peremptory Norms in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 660 p.
  97. Orakhelashvili A. 2015. Audience and Authority – The Merit of Doctrine. – *Netherlands Yearbook of International Law*. Vol. 46. P. 115-145.
  98. O'Sullivan A. 2017. *Universal Jurisdiction in International Criminal Law: The Debate and Battle for Hegemony*. - London; New York: Routledge. 234 p.
  99. Parvikko T. 2000. Positivists Versus Moralists: The Eichmann Trial and International Law. – *Finnish Yearbook of Political Thought*. Vol. 4. P. 223–50. DOI: <http://doi.org/10.7227/R.4.1.11>
  100. Paulussen C. 2010. *Male Captus Bene Detentus? Surrendering Suspects to the International Criminal Court*. Antwerp: Intersentia. 1195 p.
  101. Pearlman M. 1963. *The Capture and Trial of Adolf Eichmann*. New York: Simon and Schuster. 666 p.
  102. Powderly J. 2011. The Trials of Eichmann, Barbie and Finta. – *Routledge Handbook of International Criminal Law*. Ed. by W. Schabas, N. Bernaz. London; New York: Routledge. P. 33-50.
  103. Pusse H. 2006. The Relationship between International Humanitarian Law and International Criminal Tribunals. – *International Review of the Red Cross*. Vol. 88. No. 861. P. 65-86.
  104. Ragazzi M. 1997. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford: Clarendon Press. 264 p.
  105. Randall K. 1998. Universal Jurisdiction under International Law. – *Texas Law Review*. Vol. 66. P. 785-810.
  106. Reiss R. H. 1987. The Extradition of John Demjanjuk: War Crimes, Universality Jurisdiction, and the Political Offence Doctrine. – *Cornell International Law Journal*. Vol. 20. Issue 2. P. 281-315.
  107. Reydam L. 2004. *Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 286 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199274260.001.0001
  108. Roht-Arriaza N. 2001. The Pinochet Precedent and Universal Jurisdiction. – *New England Law Review*. Vol. 35. No. 2. P. 311-319.
  109. Rosenbaum E.M. 2012. The Eichmann Case and the Distortion of History. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol. 34. P.387-400.
  110. Ryngaert C. 2015. *Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 262 p.
  111. Schabas W. 2012. *Unimaginable Atrocities: Justice, Politics, and Rights at the War Crimes Tribunals*. Oxford: Oxford University Press. 240 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199653072.001.0001
  112. Schabas W. Retroactive Application of Genocide Convention. – *University of St. Thomas Journal of Law and Policy*. 2010. Vol. 4. N 2. P. 36-59.
  113. Schabas W. 2015. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press. 1308 p.
  114. Scharf M. *Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Croatian Moments*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 228 p.
  115. Schwabach A., Patchett S.A. 1993. Doctrine or Dictum: The Ker-Frisbie Doctrine and Official Abductions which Breach International Law. – *University of Miami Inter-American Law Review*. Vol. 25. No. 4. P. 20-56.
  116. Schwarzenberger G. 1962. The Eichmann Judgment: An Essay in Censorial Jurisprudence. – *Current Legal Problems*. Vol. 15. Issue 1. P. 248–265. DOI: <https://doi.org/10.1093/clp/15.1.248>
  117. Schlüter B. 2010. *Developments in Customary International Law: Theory and the Practice of the International Court of Justice and the International ad hoc Criminal Tribunals for Rwanda and Yugoslavia*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 370 p.
  118. Shani Y. 2009. The Road to the Genocide Convention and Beyond. – *The UN Genocide Convention: A Commentary*. Ed. by P. Gaeta. Oxford: Oxford University Press. P. 3-26.
  119. Simentić J. 2019. To exclude or not to exclude, that is the question. Developments regarding bases for exclusion from refugee status in the EU. – *German Law Journal*. Vol. 20. Issue 1. P. 111-124. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.5>
  120. Singer I. 2013. Reductio ad Absurdum: The Kapo Trial Judgments' Contribution to International Criminal Jurisprudence and Customary International Law. – *Criminal Law Forum*. Vol. 24. No. 3. P. 235-258.
  121. Söyler Y. 2015. Barcelona Traction davası ve uluslararası hukuka etkisi. – *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Vol. XIX. P. 207-247.
  122. Staker K. 2014. Jurisdiction. – *International Law*. Ed. by M. Evans. Oxford: Oxford University Press. P. 289-315.

123. Straschnov A. 1999. The Judicial System in Israel. - *Tulsa Law Journal*. Vol. 34. P.527-535.
124. Tams C. 2005. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
125. Tams C., Tzanakopoulos A. 2010. Barcelona Traction at 40: The ICJ as an Agent of Legal Development. - *Leiden Journal of International Law*. Vol. 33. Issue 4. P. 781-800. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156510000361>
126. Tan Y. 2021. *The Rome Statute as Evidence of Customary International Law*. Leiden;Boston: Brill Nijhoff. 488 p.
127. Tanaka Y. 2021. The Legal Consequences of Obligation Erga Omnes in International Law. - *Netherlands International Law Review*. Vol. 68. No.1. P. 1-33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40802-021-00184-9>
128. *The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and Its 1967 Protocols: A Commentary*. Ed. by A. Zimmermann. 2011. Oxford: Oxford University Press. 1675 p. DOI: 10.1093/actrade/9780199542512.001.0001
129. *The Arc of Due Process in American Constitutional Law*. Ed. by E.T. Sullivan, T.M. Masarro. 2013. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
130. *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. Ed. by T. MacCormack, G. Simpson. 1997. The Hague: Kluwer Law International. 254 p.
131. *The Nuremberg Trial and International Law*. Ed. by G. Ginsburgs, V.N. Kudriavtsev. 1990. Dordrecht; Boston;London: Martinus Nijhoff Publishers.288 p.
132. *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Ed. by A. Cassese. 2009. Oxford: Oxford University Press. 1096 p.
133. *The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression*. Ed. by S. Barriga, C. Kress and L. Grover. 2012. Cambridge: Cambridge University Press. 835 p.
134. *The United Nations Principles to Combat Impunity: A Commentary*. Ed. by F. Haldemann, T. Unger. 2018. Oxford: Oxford University Press. 471 p. DOI: 10.1093/law/9780198743606.001.0001
135. Thirlway H. 2014. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
136. Tomuschat Chr. 2006. The Legacy of Nuremberg. - *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. Issue 4. P. 830-844. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql051>
137. Trunk I. 1972. *Judenrat: The Jewish Council in Eastern Europe Under Nazi Occupation*. Lincoln: University of Nebraska Press. 663 p.
138. Ukabiala N., Pickard D., Yamamoto A. 2021. Erga Omnes Parties before the International Court of Justice: From Standing to the Judgment on the Merits. - *ILSA Journal of International & Comparative Law*. Vol. 27. Issue 2. P. 234-250
139. *Universal Jurisdiction and the Prosecution of Serious Crimes under International Law*. Ed. by S. Macedo. 2004. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 392 p.
140. Urs P. 2021. Obligations Erga Omnes and the Question Standing before the International Court of Justice. - *Leiden Journal of International Law*. Vol. 34. Issue 2. P. 505-525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156521000091>
141. Van Siedregt E. 2012. *Individual Criminal Responsibility in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 330 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199560363.001.0001
142. Vlastic M., De Sousa J. P. 2015. The Use of Force by Private Parties against Suspect Pirates. - *Prosecuting Maritime Piracy: Domestic Solution to International Crimes*. Ed. by M. Scharf, M. Newton, M. Sterio. Cambridge: Cambridge University Press. P. 119-149.
143. Webb P. 2020. House of Lords, Judgment, R. v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, Ex Parte Pinochet Ugarte (Amnesty International Intervening) (No 3), 1999. - *British Contribution to International Law (1915-2015)*. Ed. by J. Barrett, J.-P. Gauci. Leiden;Boston: Martinus Nijhoff Publishers. P. 1539-1560.
144. Weitz Y. 2009. In the Name of Six Million Accusers: Gideon Hausner as Attorney General and His Place in the Eichmann Trial. - *Israel Studies*. Vol.14. No. 2. P. 26-49.
145. Wenig J.M. 1997. Enforcing the Lessons of History: Israel Judges the Holocaust. - *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. The Hague/Boston/London: Kluwer Law International. P. 103-122.
146. Wilson R. 2006. A History of the Role of Defense Counsel in International Criminal and War Crimes Tribunals. - *Defenses in International Criminal Proceedings*. Ed. by M. Bohlander, R. Boed, R. Wilson. New York: Transnational Publishers. P. 31-66.
147. Woodhouse D. 2000. *The Pinochet Case: A Legal and Constitutional Analysis*. Oxford: Hart Publishing. 304 p.
148. Wright Q. 1947. The Law of the Nuremberg Trial. - *American Journal of International Law*. Vol. 41. Issue 1. P. 38-72. DOI: <https://doi.org/10.2307/2193853>
149. Yablonka H., Tlamim M. 2003. The Development of Holocaust Consciousness in Israel: The Nuremberg, Kapos, Kastner, and Eichmann Trial. - *Israel Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 1-24.

References

1. Ambos K. *Treatise of International Criminal Law. Vol.I: Foundations and General Part*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2021. 656 p. DOI: 10.1093/law/9780199657926.001.0001
2. Annacker C. The Legal Regime of Erga Omnes Obligations in International Law. - *Austrian Journal of Public and International Law*. 1994. Vol. 46. No. 2. P. 131-166.
3. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press.1963. 275 p.
4. *Argentine Jews or Jewish Argentines? Essays of Ethnicity, Identity, and Diaspora*. Ed. by R. Rein. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2010.312 p.
5. *Asia: Middle East Record*. Vol. 1. Ed. by Y. Oron. London: Weidenfeld & Nicolson. 1962. 582 p.
6. Bach G. Genocide (Holocaust) Trials in Israel. - *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945: 60th Anniversary International Conference*. Ed. by H.R. Reginbogin, C. Safferling, W. de Gruyter. München: K.G. Sauer Verlag GmbH. 2011. P. 216-223.
7. Baker b., Röben V. To Abduct or to Extradite: Does a Treaty Beg the Question?. - *Heidelberg International Law Journal*. 1993. Vol. 53. P. 657-688.
8. Bassiouni C. International Crimes: Jus Cogens and Obligatio Erga Omnes. - *Law and Contemporary Problems*. 1996. Vol. 59. No. 4. P.63-74.
9. Bassiouni C. *Crimes against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 884 p.
10. Bassiouni C. *Crimes against Humanity in International Criminal Law*. 2nd ed. The Hague: Kluwer Law International. 1999. 652 p.
11. Bassiouni C. *International Extradition: United States Law*

- and Practice. 6th ed. Oxford: Oxford University Press. 2014. 1233 p.
12. Bazylar M.J., Tuerkheimer F.M. *Forgotten Trial of the Holocaust*. New York: New York University Press. 2014. 390 p.
  13. Bazylar M. J. *Holocaust, Genocide, and the Law: A Quest for Justice in a Post-Holocaust World*. Oxford: Oxford University Press. 2016. 281 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195395693.001.0001
  14. Bazylar M.J., Scheppach J.Y. The Strange and Curious History of the Law Used to Prosecute Adolf Eichmann. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. 2012. Vol. 34. P. 417-461.
  15. Beigbeder Y. *International Justice against Impunity: Progress and New Challenges*. Boston; Leiden: Martinus Nijhoff. 2005. 247 p.
  16. Ben-Naftali O., Tuval Y. Punishing International Crimes Committed by the Persecuted: The Kapo Trials in Israel (1950-1960). – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 1. P. 128-178.
  17. Bilsky L. The Eichmann trial: Towards a jurisprudence of eyewitness testimony of atrocities. – *Journal of International Criminal Justice*. 2014. Vol. 12. No. 1. P. 27-57.
  18. Bilsky L., Klagsburn R. Cultural Genocide: Between Law and History. – *The Oxford Handbook of Legal History*. Ed. by M. D. Dubber and Chr.Tomlins. Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 1081-1094. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.58
  19. Bond J. Principled Exclusion: A Revised Approach to Article1(F)(a) of the Refugee Convention. – *Michigan Journal of International Law*. 2013. Vol. 35. Issue 1. P. 15-78.
  20. Bradley M. Jus Cogens' Preferred Sister: Obligations Erga Omnes and the International Court of Justice – Fifty Years after the Barcelona Traction. – *Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens): Disquisitions and Disputations*. Ed. by D. Tladi. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2021. P. 193-226. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004464124_009
  21. Brown A. *Judging "Privileged" Jews: Holocaust Ethics, Representation and the "Grey Zone"*. New York: Berghahn. 2015. 222 p.
  22. Bryant M. Eichmann in Jerusalem and in West Germany: Eichmann Trial Witnesses and the West German Prosecution of Operation Reinhard Crimes, 1958–1966. – 2012. *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. Vol.34. P. 339-385
  23. Cassese A. 2009. Eichmann: Is Evil So Banal? – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 7. Issue No. 3. P. 645-652.
  24. *Cassese's International Criminal Law*. 3rd ed. Ed. by A. Cassese [et. al.]. Oxford: Oxford University Press. 2013. 472 p.
  25. Carlisle J. Extradition of Governments Agents as Municipal Law Remedy for state-Sponsored Kidnapping. – *California Law Review*. 1993. Vol. 81. Issue.6. P. 1541-1586.
  26. Chernichenko S.V. Maksima "pravo ne vznikaet iz pravonarusheniya" i smenyaemost' imperativnykh norm mezhdunarodnogo prava [The Maxim "Law does not arise from the Violation of Law" and the Modification of Peremptory Norms]. – *Pravovedenie*. 2018. No. 1.P. 6-19. (In Russ.)
  27. Cimiotta E. The Relevance of Erga Omnes Obligations in Prosecuting of International Crimes. – *Heidelberg Journal of International Law*. 2016. Vol. 76. P. 687-713.
  28. Colangelo A. Constitutional Limits on Extraterritorial Jurisdiction: Terrorism and the Intersection of National and International Law. – *Harvard International Law Journal*. 2007. Vol. 48. No. 1. P. 121-201.
  29. Cowles W.B. Universality of Jurisdiction over War Crimes. – *California Law Review*. 1945. Vol. XXXIII. N 2. P. 177-218.
  30. Criddle E. Standing for Human Rights Abroad. – *Cornell Law Review*. 2013. Vol. 100. P. 269-333.
  31. Cryer R. *Prosecuting International Crimes: Selectivity and the International Criminal Law Regime*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 347 p.
  32. Cwik Chr. 2009. The other Immigration to Argentina: The Case of Adolf Eichmann. – *Clío América*. Vol. 3. Issue 5. P. 85-103.
  33. Czaplinski W. Concepts of Jus Cogens and Obligations Erga Omnes in International Law in the Light of Recent Developments. – *Polish Yearbook of International Law*. 1999. Vol. 23. P. 87-97.
  34. Detter I. *The Law of War*. 3rd ed. – London; New York: Routledge. 2016. 568 p.
  35. De Vet E. Invoking Obligations Erga Omnes in the Twenty-First Century: Progressive Developments since Barcelona Traction. – *South African Yearbook of International Law*. 2013. Vol. 38. P. 1-19
  36. Dinstein Y. The Universality Principle and War Crimes. – *International Law Studies*. 1998. Vol. 71. P. 17-37.
  37. Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven and London: Yale University Press. 2011. 318 p.
  38. Drumbl M. Victims who Victimise. – *London Review of International Law*. 2016. Vol. 4. Issue 2. P. 217-247. DOI: <https://doi.org/10.1093/lril/lrw015>
  39. Feldestein A. *Ben-Gurion, Zionism and American Jewry: 1948-1963*. London: Routledge. 2006. 240 p.
  40. Ferdinandusse W.N. *Direct Application of International Criminal Law in National Courts*. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2006. 338 p.
  41. Forlati S. Azioni dinanzi alla Corte internazionale di giustizia rispetto a violazioni di obblighi erga omnes. – *Rivista di diritto internazionale*. 2001. No. 1. P. 69-109.
  42. Fournet C. *The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory*. Aldershot: Ashgate Publishing. 2007. 175 p.
  43. Fox F. The Pinochet Case No. 3. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 1999. Vol. 48. Issue 3. P. 687-702.
  44. Friedman J. Arendt in Jerusalem, Jackson at Nuremberg: Presuppositions of the Nazi War Crimes Trials. – *Israel Law Review*. 1994. Vol. 28. Issue 4. P. 601-625. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700011778>
  45. Frilling T. A. *Jewish Kapo in Auschwitz: History, Memory, and the Politics of Survivor*. Waltham: Brandeis University Press. 2014. 340 p.
  46. Garrod M. The Protective Principle of Jurisdiction Over War Crimes and Hollow Concept of Universality. – *International Criminal Law Review*. 2012. Vol. 12. No. 5. P. 763-826.
  47. Glotova S. V. Prestupleniya protiv chelovechnosti: genesis i sovremennoe ponimanie kontseptsii [Crimes against Humanity: genesis and modern general international law]. – *Zhurnal zarubezhnogo i sravnitel'nogo zakonodatel'stva*. 2016. No. 3. P. 101-109. (In Russ.)
  48. Grabenwater C. *European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: Commentary*. Oxford; Portland: C.H. Beck; Nomos; Hart. 2014. 600 p.
  49. Green L. The Eichmann Case. – *Modern Law Review*. 1960. Vol. 23. P. 507-515.
  50. Green L. The Maxim Nullum Crimen Sine Lege and the Eichmann Trial. – *British Yearbook of International Law*.

1963. Vol. 38. P. 457-471.
51. Hall C. K. Universal Jurisdiction: New Uses for an Old Tool. – Justice for Crimes against Humanity. Ed. by M. Lattimer and P. Sands. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing. 2006. P. 47-72.
  52. Hall C. K. Contemporary Universal Jurisdiction.- Human Rights and Criminal Justice for Downtrodden: Essays in Honour of Asbjorn Eide.- Ed. by M. Bergsmo. Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. P. 111-138.
  53. Harel I. *The House on Garibaldi Street*. London: Routledge. 1975. 287 p.
  54. Harris D. J. *Cases and Materials on International Law*. London: Sweet&Maxwell. 1998. 779 p.
  55. *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by E. de Wet, J. Vidmar. Oxford: Oxford University Press. 2012. 330 p. DOI: DOI:10.1093/acprof:oso/9780199647071.001.0001
  56. *Human Rights and Criminal Justice for the Downtrodden: Essays in Honour of Asbjørn Eide*. Ed. by M. Bergsmo. Leiden;Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2003. 825 p.
  57. Inazumi M. *Universal Jurisdiction in Modern International Law*. Utrecht: Intersentia. 2005. 274 p.
  58. Iraola R. Jurisdiction, Treaties, and Due Process. – *Buffalo Law Review*. 2011. Vol. 59. No. 3. P. 693-714.
  59. Ireland-Piper D. *Accountability in Extraterritoriality: A Comparative and International Law Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2017. 208 p.
  60. Jaspers K. Who Should Have Tried Eichmann? – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 4. 853-858.
  61. Jockusch L. Prosecuting "Crimes against Jewish People": The Eichmann Trial and the History of a Legal Concept. – *Eichmann Trial Reconsidered*. Ed. by R. Wittmann. Toronto: University of Toronto Press. 2021. P. 75-103.
  62. Kelsen H. Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to Punishment of War Criminals. – *California Law Review*. 1943. Vol. 31. No. 5. P. 530-571.
  63. Kelsen H. *General Theory of State and Law*. Cambridge: Harvard University Press. 1945. 516 p.
  64. Keren M. Ben-Gurion's Theory of Sovereignty: The Trial of Adolf Eichmann. – *David Ben-Gurion: Politics and Leadership in Israel*. Ed. by R.W. Zweig. New York: Routledge. 1991. P. 38-51.
  65. Kittichaisree K. *The Obligation to Extradite or Prosecute*. Oxford: Oxford University Press. 2018. 400 p.
  66. Kittrie N. A Post Mortem of the Eichmann Case - The Lessons for International Law. – *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1964. Vol. 55. No.1. P. 16-28.
  67. Kolb R. Théorie du Jus Cogens International. – *Revue Belge de Droit Internationale*. 2003. Vol. 36. No. 1. P. 5-55.
  68. Koskenniemi M. Between Impunity and Show Trial. – *Max Planck Yearbook of UN Law*. 2002. Vol. 6. P. 1-21.
  69. Kovac M.A. Apprehension of War Crimes Indictees: Should the United Nations' Courts Outsource Private Actors to Catch Them?. – *Catholic University Law Review*. 2002. Vol. 51. No. 2. P. 619-653.
  70. Kress C. Universal Jurisdiction over International Crimes and the Institute de droit International. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. No. 3. P. 561–585.
  71. Lagerwall A. *Le principe ex injuria jus non obitur en droit international*. Bruxelles: Bruylant. 2016. 634 p.
  72. Landis K.T. The Seizure of Noriega: A challenge Ker-Frisbie Doctrine. – *American University International Law and Policy Journal*. 1991. Vol. 6. Issue 4. P. 571-607.
  73. Landsman S. The Eichmann Case and the Invention of the Witness-Driven Atrocity Trial. – *Columbia Journal of Transnational Law*. 2012. Vol. 51. No. 1. P. 77-87.
  74. Lasok D. The Eichmann Trial. – *International & Comparative Law Quarterly*. 1962. Vol. 11. Issue 2. P. 355- 374. DOI: <https://doi.org/10.1093/iclqaj/11.2.355>
  75. Lepard B. *Customary International law: A New Theory with Practical Application*. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804717>
  76. Linton S. 2009. The Role of Judges in Dealing with the Legacies of the Past. – *The Global Community Yearbook of International Law and Jurisprudence*. 2009. Vol. I. New York: Oceana. P. 203-248.
  77. Lippert D. The Eichmann Case and the Nuremberg Trials. – *American Bar Association Journal*. 1962. Vol. 48. No. 8. P. 738-741.
  78. Lippman M. Genocide: The Trial of Adolf Eichmann and the Quest for Global Justice. – *Buffalo Human Rights Law Review*. 2002. Vol. 8. P. 45-121.
  79. Liskofsky S. The Eichmann Case. – *The American Jewish Year Book*. 1961. Vol. 62. P. 199-208.
  80. Longerich P. *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*. Oxford: Oxford University Press. 2010. 645 p.
  81. Macoto S. Expanding the Scope of Universal Jurisdiction through Municipal Law: From Piracy to the Crime of Aggression via Eichmann Trial. – *Historical Origins of International Criminal Law: Vol. 4*. Ed. by M. Bergsmo [et. al.] Oslo: Torkel Opsahl Academic EPublisher. 2015. P. 339-366.
  82. Mann I. 2010. The Dual Foundation of Universal Jurisdiction: Towards a Jurisprudence for the "Court of Critique". – *Transnational Legal Theory*. Vol. 1. Issue 4. P. 485-521.
  83. Maogoto J. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10. – *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2009. P. 51-62. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004163089.i-1122.21>
  84. Minerbi S. *The Eichmann Trial Diary: A Chronicle of the Holocaust*. New York: Enigma Books. 2011. 256 p.
  85. Mitsilegas V. Article 49 – Principle of Legality and Proportionality of Criminal Offences and Penalties. – *The EU Charter of Fundamental Rights: A Commentary*. Ed. by S. Peers [et al.]. Oxford; Portland: BECK-Hart-Nomos. 2014. P. 1394-1415.
  86. Mohit A. The Customary Law of International Abductions: Limits and Boundaries. – *Asian Yearbook of International Law*. 2006. Vol. 11. P. 123-146.
  87. Mulish H. *Criminal case 40/61, the of Adolf Eichmann: an Eyewitness Account*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2009. 208 p.
  88. Musmanno M. *The Eichmann Kommandos*. Philadelphia: Macrae Smith. 1961. 288 p.
  89. Mystris D. *An African Union's Rethinking of International Criminal Justice*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2021. 328 p.
  90. O'Keefe R. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 678 p.
  91. Orakhelashvili A. Peremptory Norms and reparation for Internationally Wrongful Acts. – *Baltic Yearbook of International Law*. 2003. Vol. 3. P. 19-56.
  92. Orakhelashvili A. *Peremptory Norms in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 660 p.
  93. Orakhelashvili A. Audience and Authority – The Merit of Doctrine. – *Netherlands Yearbook of International Law*. 2015. Vol. 46. P. 115-145.
  94. O'Sullivan A. *Universal Jurisdiction in International Criminal*

- Law: The Debate and Battle for Hegemony*. London; New York: Routledge. 2017. 234 p.
95. Parvikko T. Positivists Versus Moralists: The Eichmann Trial and International Law. – *Finnish Yearbook of Political Thought*. 2000. Vol. 4. P. 223–50. DOI: <http://doi.org/10.7227/R.4.1.11>
  96. Paulussen C. *Male Captus Bene Detentus? Surrendering Suspects to the International Criminal Court*. Antwerp: Intersentia. 2010. 1195 p.
  97. Pearlman M. *The Capture and Trial of Adolf Eichmann*. New York: Simon and Schuster. 1963. 666 p.
  98. Powderly J. The Trials of Eichmann, Barbie and Finta. – *Routledge Handbook of International Criminal Law*. Ed. by W. Schabas, N. Bernaz. London; New York: Routledge. 2011. P.33-50.
  99. Pusse H. The Relationship between International Humanitarian Law and International Criminal Tribunals. – *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88. No. 861. P. 65-86.
  100. Ragazzi M. *The Concept of International Obligations Erga Omnes*. Oxford: Clarendon Press. 1997. 264 p.
  101. Randall K. Universal Jurisdiction under International Law. – *Texas Law Review*. 1998. Vol. 66. P. 785-810.
  102. Reiss R. H. The Extradition of John Demjanjuk: War Crimes, Universality Jurisdiction, and the Political Offence Doctrine. – *Cornell International Law Journal*. 1987. Vol. 20. Issue 2. P. 281-315.
  103. Reydams L. *Universal Jurisdiction: International and Municipal Legal Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 286 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199274260.001.0001
  104. Roht-Arriaza N. The Pinochet Precedent and Universal Jurisdiction. – *New England Law Review*. 2001. Vol. 35. No. 2. P. 311-319.
  105. Rosenbaum E.M. The Eichmann Case and the Distortion of History. – *Loyola of Los Angeles International & Comparative Law Review*. 2012. Vol. 34. P.387-400.
  106. Ryngaert C. *Jurisdiction in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 262 p.
  107. Safarov N.A. *Ekstraditsiya v mezhdunarodnom ugolovnom prave: problemy teorii i praktiki* [Extradition in International Criminal Law: problems of theory and practice] Moscow: Wolters Kluwer. 2005. 415 p. (In Russ.)
  108. Safarov N.A. Nasil'stvennoe pokhishchenie obvinyemykh: teoriya i praktika zapadnoi yurisprudentsii [Forced Abduction: theory and practice of western jurisprudence]. – *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava* [Russian Yearbook of Criminal Law]. 2006. No. 1. P. 392-410. (In Russ.)
  109. Safarov N.A. Presledovanie mezhdunarodnykh prestuplenii: universal'naya yurisdiksiya protiv diplomaticheskogo immuniteta [Prosecution of International Crimes: Universal Jurisdiction versus Diplomatic Immunity]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2011. N 9. P. 81-92. (In Russ.)
  110. Schabas W. Retroactive Application of Genocide Convention. – *University of St. Thomas Journal of Law and Policy*. 2010. Vol. 4. N 2. P. 36-59.
  111. Schabas W. *Unimaginable Atrocities: Justice, Politics, and Rights at the War Crimes Tribunals*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 240 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199653072.001.0001
  112. Schabas W. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 1308 p.
  113. Scharf M. *Customary International Law in Times of Fundamental Change: Recognizing Croatian Moments*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 228 p.
  114. Schwabach A., Patchett S.A. Doctrine or Dictum: The Ker-Frisbie Doctrine and Official Abductions which Breach International Law. – *University of Miami Inter-American Law Review*. 1993. Vol. 25. No. 4. P. 20-56.
  115. Schwarzenberger G. The Eichmann Judgment: An Essay in Censorial Jurisprudence. – *Current Legal Problems*. 1962. Vol. 15. Issue 1. P. 248–265. DOI: <https://doi.org/10.1093/clp/15.1.248>
  116. Sclütter B. *Developments in Customary International Law: Theory and the Practice of the International Court of Justice and the International ad hoc Criminal Tribunals for Rwanda and Yugoslavia*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. 2010. 370 p.
  117. Shani Y. The Road to the Genocide Convention and Beyond. – *The UN Genocide Convention: A Commentary*. Ed. by P. Gaeta. Oxford: Oxford University Press. 2009. P. 3-26.
  118. Simentić J. To exclude or not to exclude, that is the question. Developments regarding bases for exclusion from refugee status in the EU. – *German Law Journal*. 2019. Vol. 20. Issue 1. P. 111-124. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.5>
  119. Singer I. Reductio ad Absurdum: The Kapo Trial Judgments' Contribution to International Criminal Jurisprudence and Customary International Law. – *Criminal Law Forum*. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 235-258.
  120. Söyler Y. Barcelona Traction davası ve uluslararası hukuka etkisi. – *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. 2015. Vol. XIX. P. 207-247.
  121. Staker K. Jurisdiction. – *International Law*. Ed. by M. Evans. Oxford: Oxford University Press. 2014. P. 289-315.
  122. Straschnov A. The Judicial System in Israel. – *Tulsa Law Journal*. 1999. Vol. 34. P.527-535.
  123. Tams C. *Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 424 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494116>
  124. Tams C., Tzanakopoulos A. Barcelona Traction at 40: The ICJ as an Agent of Legal Development. – *Leiden Journal of International Law*. 2010. Vol. 33. Issue 4. P. 781-800. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156510000361>
  125. Tanaka Y. The Legal Consequences of Obligation Erga Omnes in International Law. – *Netherlands International Law Review*. 2021. Vol. 68. No.1. P. 1-33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40802-021-00184-9>
  126. Tan Y. *The Rome Statute as Evidence of Customary International Law*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff. 2021. 488 p.
  127. *The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and Its 1967 Protocols: A Commentary*. Ed. by A. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press. 2011. 1675 p. DOI: 10.1093/actrade/9780199542512.001.0001
  128. *The Arc of Due Process in American Constitutional Law*. Ed. by E.T. Sullivan, T.M. Masarro. Oxford: Oxford University Press. 2013. 272 p.
  129. *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. Ed. by T. MacCormack, G. Simpson. The Hague: Kluwer Law International. 1997. 254 p.
  130. *The Nuremberg Trial and International Law*. Ed. by G. Ginsburgs, V.N. Kudriavtsev. Dordrecht; Boston; London: Martinus Nijhoff Publishers. 1990. 288 p
  131. *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Ed. by A. Cassese. Oxford: Oxford University Press. 2009. 1096 p.
  132. *The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression*. Ed. by S. Barriga, C. Kress and L. Grover. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 835 p.

133. *The United Nations Principles to Combat Impunity: A Commentary*. Ed. by F. Haldemann, T. Unger. Oxford: Oxford University Press. 2018. 471 p. DOI: 10.1093/law/9780198743606.001.0001
134. Thirlway H. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 272 p.
135. Tomuschat C. The Legacy of Nuremberg. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. N 4. P. 830-844. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql051>
136. Trunk I. *Judenrat: The Jewish Council in Eastern Europe Under Nazi Occupation*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1972. 663 p.
137. Ukabiala N., Pickard D., Yamamoto A. Erga Omnes Parties before the International Court of Justice: From Standing to the Judgment on the Merits. – *ILSA Journal of International & Comparative Law*. 2021. Vol. 27. Issue 2. P. 234-250.
138. *Universal Jurisdiction and the Prosecution of Serious Crimes under International Law*. Ed. by S. Macedo. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 2004. 392 p.
139. Urs P. Obligations Erga Omnes and the Question Standing before the International Court of Justice. – *Leiden Journal of International Law*. 2021. Vol. 34. Issue 2. P. 505-525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0922156521000091>
140. Van Siedregt E. *Individual Criminal Responsibility in International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 330 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199560363.001.0001
141. Vlasic M., De Sousa J. P. The Use of Force by Private Parties against Suspect Pirates. – *Prosecuting Maritime Piracy: Domestic Solution to International Crimes*. Ed. by M. Scharf, M. Newton, M. Sterio. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 119-149.
142. Webb P. House of Lords, Judgment, R. v Bow Street Metropolitan Stipendiary Magistrate, Ex Parte Pinochet Ugarte (Amnesty International Intervening) (No 3), 1999. – *British Contribution to International Law (1915-2015)*. Ed. by J. Barrett, J.-P. Gauci. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2020. P. 1539-1560.
143. Wenig J.M. 1997. Enforcing the Lessons of History: Israel Judges the Holocaust. – *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. The Hague/Boston/London: Kluwer Law International. P. 103-122.
144. Weitz Y. In the Name of Six Million Accusers: Gideon Hausner as Attorney General and His Place in the Eichmann Trial. – *Israel Studies*. 2009. Vol. 14. No. 2. P. 26-49.
145. Wilson R. A History of the Role of Defense Counsel in International Criminal and War Crimes Tribunals. – *Defenses in International Criminal Proceedings*. Ed. by M. Bohlander, R. Boed, R. Wilson. New York: Transnational Publishers. 2006. P. 31-66.
146. Woodhouse D. *The Pinochet Case: A Legal and Constitutional Analysis*. Oxford: Hart Publishing. 2000. 304 p.
147. Wright Q. The Law of the Nuremberg Trial. – *American Journal of International Law*. 1947. Vol. 41. Issue 1. P. 38 – 72. DOI: <https://doi.org/10.2307/2193853>
148. Yablonka H., Tlamim M. The Development of Holocaust Consciousness in Israel: The Nuremberg, Kapos, Kastner, and Eichmann Trial. – *Israel Studies*. 2003. Vol. 8. No. 3. P. 1-24.
149. Zvyagintsev A. G. *Nyurnbergskii nabat: reportazh iz proshlogo, obrashchenie k budushchemu* [Nuremberg alarm: reportage from the past, looking to the future]. Moscow: OLMA Media Grup Publ. 2006. 1120 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Низами Абдуллаевич Сафаров,

Доктор юридических наук, Национальное Собрание Азербайджанской Республики

AZ 1152, Азербайджанская Республика, Баку, Парламентский проспект, д. 1

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337

About the Author

Nizami A. Safarov,

Doctor of Judicial Sciences, National Assembly of the Republic of Azerbaijan

1, Parlamentskii prospect, Baku, the Republic of Azerbaijan, AZ 1152

nizami.s@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4763-4337

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 25.06.2021
Принята к публикации: 14.10.2021

Сергей Александрович ЛОБАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Ольга Сергеевна РОСТУНОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность темы исследования определяется особой социально-экономической и международной значимостью энергетики, технической сложностью энергетических объектов и одновременно их повышенной уязвимостью, потенциальной опасностью для окружающей среды, а также потребностью обеспечить при помощи международного и национального уголовного права безопасность энергетической деятельности в ее разнообразных проявлениях. Несмотря на то, что в науке международного права взаимосвязи международного и национального уголовного права уделяется значительное внимание, специальные комплексные исследования этой взаимосвязи в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности отсутствуют. В свою очередь категория «безопасность энергетической деятельности» в отличие от внешне схожей и органично связанной с ней (но не тождественной) категории «энергетическая безопасность» пока не получила комплексного (в т. ч. в рамках правовой науки) исследования, не легализована в праве.

Цель работы – предметно обозначить возможность и необходимость юридикации категории

«безопасность энергетической деятельности» и потенциал совершенствования национального права (в частности, национального уголовного законодательства) по обстоятельствам участия России в международных договорах, выполнения международно-правовых обязательств и повышения эффективности правового регулирования, защиты национальных интересов в энергетической сфере.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При написании работы проанализированы относящиеся к теме научные труды, международные договоры и документы международного права, акты национального законодательства государств. В исследовании использованы общенаучные и специальные методы познания, в т. ч. сравнительно-правовой и формально-юридический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В современных условиях существует потребность юридикации категории «безопасность энергетической деятельности», которой, в отличие от категории «энергетическая безопасность», пока не уделяется должного внимания, в т. ч. в правовых исследованиях. Безопасность энергетической деятельности

можно рассматривать с разных сторон, а ее правовое обеспечение включает широкий спектр мер и регуляторов, имеющих международно-правовую и национально-правовую природу. На практике взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам, в частности, плавучим атомным электростанциям) могут принимать весьма сложные формы.

Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на интересы безопасности энергетической деятельности, осуществляется во взаимосвязи международного уголовного права и национального уголовного права. Обозначена авторская позиция по вопросу о системной принадлежности международного уголовного права и его соотношении с национальным уголовным правом. Показано, что в многочисленных международных договорах и иных международных документах по вопросам охраны окружающей среды в связи с ведением энергетической деятельности за редким исключением отсутствует какое-либо упоминание об уголовно-правовых мерах противодействия соответствующим экологическим правонарушениям; соответственно, данный вопрос решается на уровне национального уголовного права государств. Специальными и наиболее разработанными с точки зрения обеспечения антикриминальной безопасности энергетической деятельности международно-правовыми документами являются Протоколы о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ (1988 г. и 2005 г.). Предметно обозначена необходимость имплементации международно-правовых положений в национальное уголовное законодательство. Выявлен законодательный пробел и обозначен потенциал совершенствования норм национального законодательства об уголовно-правовой охране магистральных трубопроводов с учетом положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Категория «безопасность энергетической деятельности» по своему содержанию не тождественна категории «энергетическая безопасность», при этом включает в

себя внутреннюю (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации) и внешнюю (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды) стороны, а также ряд «срезов» (антикриминальная защищенность, промышленная и информационная безопасность, экологическая безопасность) с учетом характера соответствующих угроз.

Национальное уголовное законодательство в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности обладает значительным потенциалом совершенствования, с опорой на инструмент национально-правовой имплементации юридически обязательных для государства положений международных договоров. По факту участия России в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), необходимо имплементировать положения данного международно-правового акта в УК РФ, тем самым выполнить международно-правовое обязательство государства и повысить эффективность уголовно-правовой охраны данных объектов ТЭК. Также следует привести нормы об уголовно-правовой охране подводных кабелей и трубопроводов в действующем УК РФ в соответствие с положением международного договора РФ – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст.113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безопасность энергетической деятельности, правовое обеспечение, международное право, национальное право, международный договор, имплементация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лобанов С.А., Ростунова О.С. 2021. Взаимосвязь международного и национального уголовного права в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности. – Московский журнал международного права. №4. С. 108–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>**Sergey A. LOBANOV**

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow,
Russian Federation, 119454
Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Olga S. ROSTUNOVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow,
Russian Federation, 119454
olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

INTERCONNECTIONS BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL CRIMINAL LAW RELEVANT TO ENERGY SECURITY

INTRODUCTION. *The relevance of the research topic is determined, firstly, by the special socio-economic and international importance of energy, the technical complexity of energy facilities and at the same time, their increased vulnerability, potential threat to the environment, and secondly, by the needs to ensure the safety of energy activities in its various forms with the help of international and national law. Despite the fact that in the science of international law considerable attention is paid to the problem of the relationship between international and national law, there are no special comprehensive studies on the problem of the relationship between international and national law in the field of ensuring the safety of energy activities. In turn, the category “energy security”, in contrast to the outwardly similar and organically related (but not identical) category “energy security”, has not yet received a comprehensive (including within the framework of legal science) research, is not legalized in law.*

The purpose of the work is to substantively identify the possibility and necessity of legalizing the category of “energy security” and the potential for improving national

law (in particular, national criminal legislation) on the circumstances of Russia's participation in international treaties, fulfilling international legal obligations and increasing the efficiency of legal regulation, protecting national interests in the energy sector.

MATERIALS AND METHODS. *Within this research international treaties and documents of the international law and national legislation of States are analyzed. As a research method, the general scientific and special methods of enquiry is used, including the comparative legal and the formal legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *In modern conditions, there is a need to legalize the category of “safety of energy activities”, which, in contrast to the “energy safety” category, has not yet received due attention, including in legal research. The safety of energy activities has various sections, and its legal support includes a wide range of measures and regulators of an international legal and national legal nature. In practice, the relationship between international legal and national legal regulators, their combination and composition in the process of ensuring the safety of energy activities (as applied to individual energy*

facilities, in particular, floating nuclear power plants) can take complex, combined forms. Counteraction to acts of unlawful interference that infringe on the interests of the safety of energy activities is carried out in the interconnection of international criminal law and national criminal law. The author's position on the question of the systemic affiliation of international criminal law and its relationship with national criminal law is indicated. It is shown that in numerous international treaties and other international documents on environmental protection in connection with the conduct of energy activities, with rare exceptions, there is no mention of criminal-legal measures to counter relevant environmental offenses; accordingly, this issue is resolved at the level of the national criminal law of states. The special and most developed international legal documents on the issues of ensuring the anti-criminal security of energy activities are the Protocols for the suppression of unlawful acts against the security of fixed platforms (1988 and 2005, respectively). The need for the implementation of international legal provisions into national criminal legislation is substantively indicated. A legislative gap was identified and the potential for improving the norms of national legislation on the criminal law protection of trunk pipelines was identified, taking into account the provisions of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The main conclusions of the study are as follows. Firstly, the category "safety of energy activities" in its content is not identical to the category of "energy safety", while it includes internal (from the point of view of the safety of energy facilities, fuel and energy complex, people involved in the process of their operation) and external (from the point of view of in terms of risks and threats for the environment from the energy activity itself), as well as a number of "sections" (anti-criminal security, industrial and infor-*

mation security, environmental safety), taking into account the nature of the relevant threats.

Secondly, the national criminal legislation in the field of ensuring the safety of energy activities has significant potential for improvement, based on the instrument of national legal implementation of legally binding provisions of international treaties for the state. On the fact of Russia's participation in the Protocol for the suppression of unlawful acts against the safety of fixed platforms located on the continental shelf, 1988, it is necessary to implement the provisions of this international legal act in the Criminal Code of the Russian Federation, thereby fulfilling the international legal obligation of the state and increasing efficiency criminal law protection of these objects of the fuel and energy complex. It is also necessary to bring the norms on the criminal law protection of underwater cables and pipelines in the current Criminal Code of the Russian Federation in accordance with the provisions of the international treaty of the Russian Federation – the UN Convention on the Law of the Sea of 1982 (Article 113 "Breakage or damage of a submarine cable or pipeline").

KEYWORDS. *energy safety, legal support, international law, national law, international treaty, implementation*

FOR CITATION: Lobanov S.A., Rostunova O.S. Interconnections between International and National Criminal Law Relevant to Energy Security. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 108–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В современных условиях назрела потребность юридизации категории «безопасность энергетической деятельности». Следует обратить внимание на то, что в важнейших программных политико-правовых документах предметно обозначена категория «энергетическая безопасность». Так, согласно новой Доктрине энергетической безопасности (утверждена Указом Президента РФ № 216 от 13 мая 2019 г.) под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности экономики и

населения от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством РФ требований к топливо- и энергообеспечению потребителей, а также экспортных контрактов и международных обязательств РФ. Такое понимание энергетической безопасности достаточно широко представлено и в специальной литературе [Козлов 2019:47–51; Романова 2017:6–14]. Современные исследователи вполне обоснованно указывают, что энергетическая безопасность может иметь внутренние и международные аспекты, при этом для разных стран это

понятие может различаться¹. В частности, в связи с особым значением для ЕС и США фактора непрерывности энергоснабжения из внешних источников [Селиверстов 2007:63–65] в американских и особенно европейских исследованиях при рассмотрении проблемы энергетической безопасности (в понимании *security of energy supply*) акцент традиционно смещается в сторону оценки внешних угроз, способных привести к перебоям в поставках энергоресурсов и значительному повышению цен на энергоносители, а также (это характерно для американских исследователей) на изучение возможности доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для развития государства [Kalicki, Goldwyn 2005:9–10]. Соответственно пути обеспечения энергетической безопасности рассматриваются через призму интересов внешней политики США и ЕС, в т. ч. их нормативно-правового и институционально-правового обеспечения, а также во взаимосвязи с развитием современных инновационных технологий и с выработанным на Западе пониманием влияния энергетики на изменение климата [Yergin 2011: 257–275; Leal-Arcas, Lesniewska, Proedrou 2017:143–148].

В целом, как не без оснований отмечают отечественные авторы, система правового обеспечения энергетической безопасности включает национально-правовые и международно-правовые инструменты и учитывает проблемы и вызовы экономического, социального, политического, технологического, экологического характера [Проблемы и задачи...2019: 9].

Как нам представляется, категория «безопасность энергетической деятельности» органично связана с категорией «энергетическая безопасность», однако они не тождественны. В обоснование такого понимания обратимся к политико-правовым программным документам. Согласно Энергетической стратегии России на период до 2035 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ № 1523-р от 9 июня 2020 г.) тремя главными характеристиками энергетической безопасности являются:

- способность ТЭК надежно обеспечивать экономически обоснованный внутренний и внешний спрос на энергоносители соответствующего качества и приемлемой стоимости;
- способность потребительского сектора экономики эффективно использовать

энергоресурсы, предотвращая тем самым нерациональные затраты общества на свое энергообеспечение, а следовательно и дефицит топливно-энергетического баланса;

- устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним экономическим, технологическим и природным угрозам, а также его способность минимизировать ущерб, вызванный проявлением различных дестабилизирующих факторов.

Иными словами, применительно к России энергетическая безопасность должна рассматриваться в контексте национальной безопасности (в качестве ее составной части и, по справедливому суждению отечественных исследователей, в ряду наиболее важных государственных приоритетов [Жаворонкова, Шпаковский 2019:194]) и определяться через состояние защищенности экономики и населения от различных угроз нормальному топливному и энергетическому снабжению потребителей, а также выполнению Россией международных обязательств и экспортных контрактов.

В литературе по международному праву выделены национальный, региональный и глобальный уровни энергетической безопасности, при этом, с опорой на документы энергетических саммитов, с учетом реалий развития энергетических рынков и международного сотрудничества в энергетической сфере обозначены целевые установки глобальной (международной) энергетической безопасности во взаимосвязи с интересами потребителей и производителей энергоресурсов, а также транзитных стран [Ковалев, Шилова 2008:61–62].

Применительно к безопасности энергетической деятельности акцент смещается в сторону защищенности от соответствующих угроз самих объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации. Кроме того, речь идет об осуществлении энергетической деятельности на приемлемом для окружающей среды уровне безопасности.

Полагаем, что безопасность энергетической деятельности правомерно рассматривать с разных сторон, а именно, внутренней (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации, их защищенности от различных угроз криминального, в частности, террористического харак-

¹ Жизнин С.Э. *Основы энергетической дипломатии*. М.: МГИМО-Университет. 2017. С. 7.

тера, техногенного характера и др.) и внешней (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды, безопасности человека, непосредственно не вовлеченного в круг отношений, связанных с функционированием объектов энергетики, включая ТЭК).

Принимая во внимание характер угроз безопасности энергетической деятельности, а также угроз безопасности окружающей среде со стороны энергетической деятельности, мы с определенной долей обобщения можем выделить такие «срезы» безопасности и ее правового обеспечения, как:

1) антикриминальная (в т. ч. антитеррористическая) защищенность объектов энергетики (в частности топливно-энергетического комплекса);

2) промышленная безопасность объектов энергетики (в частности, объектов нефтегазового комплекса);

3) экологическая безопасность энергетических объектов.

При этом, во-первых, выделение указанных «срезов» не отрицает органичной взаимосвязи всего широкого спектра вопросов защищенности объектов рассматриваемой системы безопасности, а предполагает комплексный характер ее нормативно-правового и институционально-правового обеспечения. Во-вторых, правомерно говорить о специфике правового обеспечения энергетической безопасности применительно к конкретному государству (его национально-правовой системе); отрасли энергетики (наглядным примером может служить мирное использование атомной энергии, и, в частности, выявляемые современными отечественными и зарубежными исследователями особенности нормативно-правового обеспечения безопасности плавучих атомных электростанций [Лысенко, Беденко, Дальноки-Вересс 2019:59–67; Свириденко, Лепешкин 2019: 291–300; Ford, Abdulla, Granger 2017:1–21]); территориальному пространству или региону с учетом особенностей его правового режима, а также интенсивности энергетической деятельности (в частности, примером может служить Арктика, особенности недропользования в Арктическом регионе, рассмотренные в специальной литературе [Vinogradov, Azubuike 2018: 307–327; Мое 2020: 119–138; Лабин, Паничкин 2016:86–93]). В-третьих, в современных условиях стремительного и не всегда подконтрольного развития цифровых технологий возрастает

возможность их использования для совершения противоправных действий, посягающих на объекты энергетической инфраструктуры (critical energy infrastructure), поэтому самостоятельным компонентом обеспечения безопасности энергетической деятельности выступает информационная безопасность; ей уделяется внимание в отдельных современных исследованиях [Минзов, Невский, Баронов 2016:238–241; Rajavuori, Huhta 2020 253–367]. В целом безопасность энергетической деятельности представляет собой многомерное явление, которое нуждается в системном изучении с опорой на правовую составляющую.

2. Проблема правового обеспечения безопасности энергетической деятельности в контексте взаимосвязи международного и национального права

Согласно выработанному в правовой науке подходу сущность правового обеспечения в современных условиях состоит в реализации государством и обществом (в лице уполномоченных субъектов) заданных правом целей и задач при помощи специально-юридических и организационно-правовых средств [Арзамаскин 2016:47–51]. В свою очередь круг указанных субъектов, правовой инструментарий, содержание прав и обязанностей субъектов правоотношений, целевые установки конкретизируются применительно к сфере правового воздействия [Дудиков 2016:105–116], в данном случае – определяются необходимостью защитить объекты энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации, от угроз криминального, техногенного и иного характера, а также минимизировать риски и угрозы для окружающей среды.

Характеризуя правовое обеспечение безопасности энергетической деятельности, следует также иметь в виду органичную взаимосвязь международного и национального права, существование комплекса норм и институционально-правовых инструментов, имеющих, соответственно, международно-правовую и национально-правовую природу. Данная ситуация предопределена современными глобализационными и интеграционными процессами; координирующей ролью международного права и его целостностью [Вылегжанин, Потье 2017:7–18; Каламкарян, Мигачев 2015:62–70; Shaw 2017:67]; пересечением предметной сферы международно-правового и национально-правового регулирования; потребностями выработки унифици-

цированных подходов к решению с помощью правовых средств задач обеспечения безопасности энергетических объектов и окружающей среды во взаимосвязи с их функционированием.

Следует также учитывать, что энергетические объекты, в частности морские нефтегазовые установки, могут размещаться и функционировать в пространствах с международно-правовым (открытое море) и, что бывает чаще, в пространствах со смешанным режимом, сочетающим элементы международно-правового и национально-правового (континентальный шельф и исключительная экономическая зона). При этом энергетические объекты, обладая уязвимостью к внешнему физическому воздействию, подвергаясь различным угрозам и рискам [Абрамов 2019:134–144], одновременно представляют собой сложные промышленно опасные сооружения, способные причинить вред окружающей среде.

Очевидно, что основной массив правовых норм, регулирующих отношения в сфере обеспечения энергетической безопасности, сосредоточен в актах национального законодательства и адресован, в первую очередь, субъектам национального права: правоприменителю, органам и должностным лицам, обладающим полномочиями в сфере обеспечения энергетической безопасности, в определенной степени также субъектам, осуществляющим деятельность по эксплуатации энергетических объектов, в частности объектов топливно-энергетического комплекса. Применительно к Российской правовой системе можно указать на посвященные различным аспектам рассматриваемого явления федеральные законы, во-первых, определяющие правовой режим безопасности энергетической деятельности и энергетических объектов (в их числе «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «Об использовании атомной энергии»), и, во-вторых, устанавливающие положения об ответственности, предусматривающие меры государственного принуждения за правонарушения, посягающие на безопасность энергетической деятельности (Кодекс РФ об административных правонарушениях, Уголовный кодекс РФ). Общие положения, ориентированные на обеспечение безопасности энергетической деятельности в связи с недропользованием, устанавливающие требования к государственным органам и хозяйствующим субъектам, содержит Закон РФ «О недрах» (в

частности, ст. 24). Отдельные положения об энергетической безопасности объектов, используемых для освоения минеральных ресурсов (в т. ч. морских нефтегазовых месторождений) помещены в законодательные акты, посвященные правовому режиму морских пространств, в пределах которых прибрежное государство осуществляет, с учетом обычных и договорных норм международного права, ряд суверенных прав (здесь имеются в виду положения федеральных законов «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» и «О континентальном шельфе Российской Федерации»). Кроме того, в данной сфере действуют многочисленные подзаконные нормативные правовые акты, конкретизирующие законодательные предписания (в частности, следует указать на Постановление Правительства РФ от 2 октября 2013 г. № 861 «Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса»).

С опорой на современную специальную литературу [Desarnaud 2017:37–48] и с учетом существующих реалий правомерно вести речь о том, что в зарубежных правовых системах обеспечение безопасности энергетической деятельности также осуществляется в первую очередь посредством установления в национальном праве правовых норм, направленных на поддержание защищенности различных энергетических объектов (в т. ч. расположенных в пространствах со смешанным правовым режимом), их реализации в повседневной деятельности полномочных субъектов, а также при помощи правовых средств пресечения нарушений действующих в рассматриваемой сфере правил, предупреждения и пресечения преступных посягательств, применения к нарушителям мер юридической ответственности.

Вместе с тем данная констатация не отрицает важной роли в рассматриваемой сфере международно-правовых регуляторов, в первую очередь, международных договоров. Очевидно, в современном мире охрана и защита потенциально опасных и одновременно социально и экономически значимых энергетических объектов (часть из которых, как уже отмечалось, расположена в пространствах с международно-правовым или смешанным правовым режимом) базируются на основных принципах и нормах международного права, положениях универсальных и региональ-

ных международных договоров и документах международных организаций (ООН, МАГАТЭ, ИМО и др.). Во многом под влиянием международно-правовых положений, во взаимосвязи с ними, в обеспечение вытекающих из них юридических обязательств государства формируют и развивают национальное законодательство и институционально-правовые инструменты. Так, в соответствии со ст. 60 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. прибрежное государство может (там, где это необходимо) устанавливать разумные зоны безопасности вокруг искусственных островов и иных стационарных конструкций, в пределах которых оно способно принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности навигации, а также на самих объектах. При этом, в соответствии с п. 2 ст. 60, п. 1 ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву, принятыми с учетом норм международного права актами внутригосударственного права, прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией над расположенными на континентальном шельфе установками и сооружениями, в т. ч. в отношении законов и правил, касающихся безопасности [Ромашев 2015:89].

Следует обратить внимание на то, что международно-правовые положения, имплементированные в национальное законодательство, могут налагать обязательства в связи с принятием мер по обеспечению безопасности энергетической деятельности, в т. ч. на предпринимателей (примером может служить Конвенция МОТ от 22.06.1993 г. о предотвращении крупных промышленных аварий, в частности, положения ст. 9).

Заметим также, что на практике взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам) могут принимать сложные, комбинированные формы. Наглядным примером служат плавучие атомные электростанции, особенности обеспечения безопасности которых определяются тем, что они подпадают одновременно под правовой режим использования атомной энергии и правовой режим торгового мореплавания. Это проявляется в необходимости подключения разнообразных

международно-правовых регуляторов (двусторонних межправительственных соглашений, договоренностей с МАГАТЭ о гарантиях ядерного нераспространения), кроме того, в значимости урегулирования правовых коллизий и гармонизации правовых предписаний.

Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на безопасность энергетической деятельности, строится во взаимосвязи норм международного и национального уголовного права, на чем, принимая во внимание значимость антикриминальной (в т. ч. антитеррористической) защищенности энергетической деятельности, следует остановиться отдельно.

3. Роль международного уголовного права и его национально-правовой имплементации в обеспечении безопасности энергетической деятельности

Прежде всего заметим, что проблема определения природы международного уголовного права, его места в праве, как и сама постановка вопроса о сформировавшемся (в качестве отрасли международного права) международном уголовном праве сохраняет свой дискуссионный характер [Ляхов, Светличная, Евстратова 2018: 193–202; Kittichaisaree 2002: 3]². При этом позитивно оценивается роль международного уголовного права в противодействии наиболее опасным проявлениям международной преступности, включая акты международного терроризма [Wilt: 2019 315–331].

Не углубляясь здесь в дискуссию о природе международного уголовного права, с опорой на опыт ранее проведенного автором настоящей статьи международно-правового исследования [Лобанов 2017:117–131], обозначим свою позицию. Во-первых, как представляется, принимая во внимание наличие определенной значимой для международного сообщества области международно-правового регулирования, развитие в ней процесса кодификации, практику реализации соответствующих международно-правовых норм международными органами уголовной юстиции, правомерна постановка вопроса о том, что международное уголовное право в настоящее время представляет собой динамично формирующуюся отрасль современного международного

² См. также: Скуратова А.Ю., Синакин И.И. 2021. *Международное уголовное право: учебное пособие*. М.: Проспект. С. 9–12.

права, нормы и принципы которой регулируют сотрудничество государств в установлении оснований и форм международной уголовной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера.

Во-вторых, международное уголовное право и национальное уголовное право в процессе выполняемых ими функций по охране международного правопорядка не сливаются в некий конгломерат, а сохраняют свою системную принадлежность. При этом международное уголовное право и национальное уголовное право в современных условиях глобализации и динамичного развития интеграционных процессов органично взаимосвязаны. В целом восприятие положений международного уголовного права определяет само государство – в зависимости от типа его правовой системы, действующих в нем конституционных положений, которые, в свою очередь, определяют основные правила включения норм международного права в правовую систему государства, а также его международно-правовых обязательств в связи с участием в международных договорах. Исходя из смысла ч. 1 ст. 1 УК РФ, для того чтобы любое международно-правовое предписание уголовно-правового характера об уголовной ответственности могло действовать в правовой системе РФ, оно должно быть включено непосредственно в текст УК РФ.

В настоящее время имеются многочисленные международные договоры и иные международные документы по вопросам охраны окружающей среды в связи с ведением энергетической деятельности, при этом в них за редким исключением отсутствует какое-либо упоминание об уголовно-правовых мерах противодействия соответствующим экологическим правонарушениям. Данный вопрос решается на уровне национального уголовного права государств, причем международные договоры подтверждают особую роль в этой части именно национального законодательства. В качестве наглядного примера приведем Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., ст. VII которой требует от договаривающихся сторон принятия на своей территории мер для наказания виновных в загрязнении моря.

Говоря об уголовно-правовой охране безопасности самой энергетической деятельности, можно указать на специальные международно-правовые нормы, содержащиеся в Протоколах о

борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ (1988 г. и 2005 г.). Здесь, очевидно, также особо значима деятельность государств по имплементации международно-правовых положений в национальное уголовное законодательство.

Россия подписала и ратифицировала Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.). Следует иметь в виду, что данный Протокол в ст. 2 довольно подробно очерчивает круг преступных действий террористического характера, посягающих на безопасность стационарных платформ. Наряду с определением перечня преступлений Протокол предусматривает юридические обязательства для государств-участников, направленные на имплементацию международно-правовых положений по борьбе с указанными преступлениями во внутригосударственном праве. В чем это выражается? В-первых, согласно п. 1 ст. 1 Протокола 1988 г. положения ст. 5 и 7 и ст. 10–16 Конвенции 1988 г. также применяются *mutatis mutandis* (от лат. «с соответствующими изменениями»), очевидно, с учетом объекта Протокола, к преступлениям, указанным в ст. 2 данного Протокола. Это, в частности, означает, что:

– каждое государство – участник Протокола предусматривает соответствующие наказания за рассматриваемые преступления с учетом тяжкого характера этих преступлений;

– любое государство – участник Протокола по обстоятельствам нахождения на его территории лица, предположительно совершившего такого рода преступление, в соответствии со своим законодательством принимает меры к возбуждению уголовного преследования, заключению лица под стражу или выдачи другому государству-участнику, установившему свою юрисдикцию в отношении рассматриваемых преступлений;

– рассматриваемые преступления подлежат включению в качестве преступлений, влекущих выдачу, в любой договор о выдаче между государствами – участниками Протокола;

– государства – участники Протокола оказывают друг другу максимально возможную помощь в связи с уголовным преследованием, начатым в отношении рассматриваемых преступлений (включая содействие в получении имеющихся у них доказательств, необходимых для разбирательства), в соответствии с договорами о

взаимной правовой помощи или на основе принципа взаимности (в соответствии с национальным законодательством);

– для предотвращения рассматриваемых преступлений государства-участники сотрудничают посредством принятия всеобъемлющего комплекса практически осуществимых мер (включая обмен соответствующей информацией) в соответствии с их национальным законодательством.

Во-вторых, согласно ст. 3 Протокола государства-участники принимают меры, которые могут оказаться необходимыми для установления своей юрисдикции в отношении преступлений, указанных в ст. 2 Протокола, в частности в ситуациях совершения преступления против или на борту стационарной платформы либо гражданином данного государства.

В специальной литературе высказаны в целом обоснованные суждения о значимости международного сотрудничества в борьбе с актами пиратства и терроризма на море [Князева, Князева 2014:157–187]. Современные зарубежные исследователи также указывают, что «юридические последствия нападения на морскую нефтегазовую установку различаются в зависимости от того, где совершается нападение: в открытом море, в исключительной экономической зоне или в пределах суверенитета государства (в территориальном море или во внутренних водах государства)» [Geiss, Petrig 2011:222].

Вместе с тем нужно учитывать специфику континентального шельфа, на котором расположены стационарные платформы. Заметим, что согласно п. 2 ст. 60, п. 1 ст. 77 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также принятым в соответствии с нормами международного права актам внутригосударственного права, прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией над расположенными на континентальном шельфе установками и сооружениями, в т. ч. в отношении законов и правил, касающихся безопасности. С учетом положений п. 3 ст. 5 Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе», ч. 2 ст. 11 УК РФ, на стационарных платформах, расположенных на континентальном шельфе России, действует в полном объеме национальный уголовный закон [Гриненко 2016:8–10].

Протокол 2005 г. к Протоколу 1988 г. предусматривает ряд новых положений, ориентированных на повышение эффективности механизма противодействия актам терроризма на море,

однако Россия (как и большинство государств) в нем не участвует.

По обстоятельствам ратификации Российской Федерацией Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), следует вести речь о необходимости имплементации положений данного международно-правового акта в национальном уголовном законе. Последовательная реализация данного подхода соответствует международно-правовому принципу добросовестного выполнения обязательств по международному праву и повысит антикриминальную (в т. ч. антитеррористическую) защищенность стационарных платформ, а также создаст необходимую правовую основу для повышения эффективности противодействия конвенционным преступлениям, обеспечения неотвратимости уголовной ответственности по фактам их совершения. В свою очередь правоохранительные органы будут снабжены действенным уголовно-правовым инструментом борьбы с посягательствами на безопасность стационарных платформ, избавлены от необходимости прибегать к «вынужденной» (не вполне точной) квалификации такого рода противоправных деяний (как это имело место в ситуации привлечения к уголовной ответственности активистов неправительственной организации Greenpeace по факту их противоправной акции в отношении стационарной платформы «Приразломная», получившей широкое освещение в специальной отечественной и зарубежной литературе [Захарова 2015:82–86; Чернядьева 2017:104–111; Mossop 2016:60–87; Noto 2016:36–56; Oude Elferink 2016:382–406]).

В обоснование необходимости разработки и введения в уголовный закон специальной нормы об уголовно-правовой охране стационарных платформ укажем еще на два юридически значимых обстоятельства. Во-первых, с точки зрения международного и внутригосударственного права правовой статус стационарных платформ остается не вполне определенным. При этом согласно научному подходу, основанному на анализе международно-правовых и национально-правовых источников, стационарные платформы, зафиксированные на дне водоема (морского или иного) для использования по целевому назначению, уже не соответствуют правовым критериям понятия судна [Гаврилина 2017:14–18]. Во-вторых, стационарные платформы пред-

ставляют собой сложные, наукоемкие объекты, подверженные техногенному и экологическому риску [Ямщиков 2013:54–57]. Заметим также, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран (США, Швеция) имеются специальные нормы, предусматривающие уголовно-правовую охрану стационарных платформ от преступлений террористической направленности³. Кроме того, как показывает отраженная в литературе практика правового реагирования на факты правонарушений, посягающих на безопасность стационарных платформ, указанные правонарушения охватывают не только террористические, но и иные противоправные деяния [Кашубский 2014:5–14].

В целом в обозначенной сфере имеется значительный потенциал международного и национального уголовного права. Так, по всей видимости, правомерно ставить вопрос о совершенствовании норм международного права и национального законодательства об уголовно-правовой охране магистральных трубопроводов. Поясним, что имеется в виду. В действующем УК РФ есть ст. 215.3 «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», при этом по смыслу уголовно-правовых предписаний уголовная ответственность наступает при наличии умысла, а по ч. 3 (где речь идет о разрушении нефте- или газопровода) – при наличии у виновного корыстных или хулиганских побуждений; ч. 4 данной статьи распространяет уголовно-правовую охрану также и на магистральные трубопроводы. Между тем в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода») положения об уголовно-правовой охране данного инфраструктурного объекта сформулированы концептуально по-другому.

Заметим, что ранее в УК РФ была предусмотрена ст. 269 «Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов», но с 21 октября 2018 г. она была признана утратившей силу. На-

лицо законодательный пробел, требующий восполнения с учетом соблюдения международно-правовых обязательств государства.

4. Заключение

В современных условиях назрела потребность юридикации категории «безопасность энергетической деятельности». При этом правомерна постановка вопроса о выделении внутренней (с точки зрения безопасности объектов энергетики, ТЭК, людей, вовлеченных в процесс их эксплуатации) и внешней (с точки зрения рисков и угроз со стороны самой энергетической деятельности для окружающей среды) безопасности энергетической деятельности. Характер угроз безопасности энергетической деятельности, а также угроз безопасности окружающей среде со стороны энергетической деятельности позволяет выделить ряд «срезов» рассматриваемого феномена (антикриминальная защищенность, промышленная и информационная безопасность, экологическая безопасность). На практике правовое обеспечение безопасности энергетической деятельности осуществляется посредством комплекса правовых норм и институционально-правовых инструментов, основная часть которых имеет национально-правовую природу. Вместе с тем принципиально важное значение в рассматриваемой сфере международно-правовых регуляторов, в первую очередь, международных договоров, предопределено особой координирующей ролью международного права, современными реалиями интеграционных процессов, а также фактором расположения ряда энергетических объектов в пространствах с международно-правовым и смешанным правовым режимом. Соответственно, и в обозначенной сфере под влиянием международно-правовых положений, во взаимосвязи с ними, в обеспечение вытекающих из них юридических обязательств государства формируют и развивают национальное законодательство и институционально-правовые инструменты.

³ Так, в США Закон о борьбе с терроризмом (Limiting and strengthening America by providing appropriate tholy require to intercept and obstruct terrorism), принятый в связи с реакцией на сентябрьские события 2001 г. и инкорпорированный в гл. 113В Федерального УК (разд. 18 СЗ), относит к преступлениям терроризма (при условии, что деяние преследует цель оказать давление на правительство, путем запугивания или угроз или в качестве мер воздействия), в частности, насильственные действия в отношении морских стационарных платформ (ст. 2281). В УК Швеции предусмотрена ст. 5а, устанавливающая уголовную ответственность за захват или действия, угрожающие безопасности стационарной морской платформы, как за акт терроризма.

Взаимосвязь международно-правовых и национально-правовых регуляторов, их сочетание и состав в процессе обеспечения безопасности энергетической деятельности (применительно к отдельным энергетическим объектам, в частности плавучим атомным электростанциям) могут принимать сложные, комбинированные формы, что, в свою очередь, ставит перед международно-правовой наукой и практикой дополнительные задачи теоретического и прикладного характера. Противодействие актам незаконного вмешательства, посягающим на безопасность энергетической деятельности, строится во взаимосвязи норм международного и национального уголовного права, что предопределяет постановку вопроса о характере указанной взаимосвязи и потенциале совершенствования национального уголовного законодательства в рассматриваемой сфере. Международное уголовное право и национальное уголовное право в процессе выполняемых ими функций по охране правопорядка и, в частности, при обеспечении безопасности энергетической деятельности не сливаются в некий конгломерат, а сохраняют свою системную принадлежность, при этом взаимосвязь нормативных положений и правоприменительных

органов наиболее адекватно отображает термин «взаимодействие».

Национальное уголовное законодательство в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности, опираясь на инструмент национально-правовой имплементации юридически обязательных для государства положений международных договоров, обладает значительным потенциалом совершенствования.

По факту участия России в Протоколе о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.), необходимо имплементировать положения данного международно-правового акта в УК РФ, тем самым выполнить международно-правовое обязательство государства и повысить эффективность уголовно-правовой охраны данных объектов ТЭК.

Следует привести нормы об уголовно-правовой охране подводных кабелей и трубопроводов в действующем УК РФ в соответствии с положением международного договора РФ – Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 113 «Разрыв или повреждение подводного кабеля или трубопровода»).

Список литературы

1. Абрамов Н.С. 2019. Международно-правовое обеспечение безопасности морских нефтегазовых установок в пределах исключительной экономической зоны и континентального шельфа. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 134–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.134-144
2. Арзамаскин А.Н. 2016. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы. – *Наука и школа*. № 6. С. 47–51.
3. Вылегжанин А.Н., Потье Т. 2017. Представление профессором Шоу международного права: теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-7-18>
4. Гаврилина Е.А. 2017. Правовой режим морской стационарной платформы для добычи нефти и газа на морских месторождениях. – *Правовой энергетический форум*. № 2. С. 14–18. DOI: 10.18572/2312-4350-2017-2-14-18
5. Гриненко А.В. 2016. Особенности действия российского уголовно-процессуального закона в пространстве. – *Международное уголовное право и международная юстиция*. № 1. С. 8–10.
6. Дудиков М.В. 2016. Понятие и виды мер правового обеспечения публичных интересов при недропользовании. – *Lex Russica*. № 5. С. 105–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.105-116
7. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. 2019. Новая Доктрина энергетической безопасности России: вопросы стратегического планирования. – *Проблемы национальной стратегии*. № 4. С. 187–196.
8. Захарова Л.И. 2015. Решение по делу «Arctic Sunrise» об установлении предварительных мер, вынесенное Международным трибуналом по морскому праву (Королевство Нидерланды против Российской Федерации). – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 6. С. 82–86.
9. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. 2015. Международная нормативная система как институционно-правовая составляющая современного миропорядка. – *Государство и право*. № 6. С. 62–70.
10. Кашубский М.В. 2014. Могут ли пиратские действия быть совершены против морской нефтяной платформы. – *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 1. С. 5–14.
11. Князева Н.А., Князева Е.А. 2014. Применение норм международно-правового характера как один из способов противодействия морскому терроризму и пиратству. – *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. № 4. С. 175–187. DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).175-187
12. Ковалев А.А., Шилова Н.Л. 2008. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 61–77.
13. Козлов С.В. 2019. Энергетическая безопасность: российский и европейский правовые подходы. –

- Правовой энергетический форум. № 1. С. 47–51. DOI: 10.18572/2312-4350-2019-1-46-51
14. Лабин Д.К., Паничкин И.В. 2016. Правовые перспективы развития сотрудничества арктических государств в области разработки морских нефтегазовых ресурсов Арктики. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 86–93. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-86-94>
  15. Лобанов С.А. 2017. *Уголовная ответственность за военные преступления: теоретические вопросы международно-правового исследования*. М.: Юрайт. 371 с.
  16. Лысенко М.Н., Беденко В.М., Дальноки-Вересс Ф. 2019. Международно-правовое регулирование плавучих атомных электростанций: проблемы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-59-67>
  17. Ляхов Е.Г., Светличная Д.В., Евстратова С.Б. 2018. Правовая доктрина о проблеме формирования международного уголовного права. – *Публичное и частное право*. № 1. С. 193–202.
  18. Минзов А.С., Невский А.Ю., Баронов О.Ю. 2016. Проблемы обеспечения информационной безопасности ТЭК от киберугроз. – *Информационные технологии в науке, образовании и управлении. Материалы XLIV международной конференции и XIV международной конференции молодых ученых IT +S&E'16*. Под ред. Е.Л. Глоризонова. М.: Институт новых информационных технологий. С. 238–241.
  19. *Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков: коллективная монография*. Под ред. В.В. Романовой. 2019. М.: Юрист. 264 с.
  20. Романова В.В. 2017. Проблемные аспекты и задачи правового обеспечения энергетической безопасности. – *Правовой энергетический форум*. № 3. С. 6-14. DOI: 10.18572/2312-4350-2017-3-6-14
  21. Ромашев Ю.С. 2015. Особенности установления и осуществления государствами своей юрисдикции в правоохранительной сфере. – *Государство и право*. № 5. С. 82–91.
  22. Свириденко И.И., Лепешкин А.А. 2019. Особенности нормативного регулирования безопасности плавучих энергоблоков с ядерными энергетическими установками. – *Актуальные вопросы проектирования, постройки и эксплуатации морских судов и сооружений. Труды региональной научно-практической конференции*. Научный редактор В.И. Истомина. Севастополь: Севастопольский государственный университет. С. 291–300.
  23. Селиверстов С.С. 2007. *Энергетическая безопасность Европейского Союза (международно-правовые аспекты)*. М.: Издательский дом «Финансовый контроль». 208 с.
  24. Чернядьева Н.А. 2017. О необходимости имплементации антитеррористических международно-правовых правил в российский уголовный закон. – *Уголовное право*. № 1. С. 104–111.
  25. Ямщиков Д. 2013. «Приразломная»: первый опыт нефтедобычи на арктическом шельфе. – *Безопасность объектов ТЭК*. № 2. С. 54–57.
  26. Desarnaud G. 2017. *Cyber Attacks and Energy Infrastructure: Anticipating Risks*. Paris: IFRI Center for Energy. 60 p.
  27. Ford M.J., Abdulla A., Granger M.M. 2017. Evaluating the Cost, Safety, and Proliferation Risks of Small Floating Nuclear Reactors. – *Risk Analysis*. Vol. 37. No. 11. P. 1-21. DOI:10.1111/risa.12756
  28. Geiss R., Petrig A. 2011. *Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden*. Oxford: Oxford University Press. 321 p.
  29. Kalicki J., Goldwyn D. 2005. Introduction: The Need to Integrate Energy and Foreign Policy. – *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Ed. by J Kalicki and D. Goldwyn. Washington, DC: Woodrow Wilson Press. P. 9-10.
  30. Kittichaisaree K. 2002. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 482 p.
  31. Leal-Arcas R., Lesniewska F., Proedrou F. 2017. Prosumers: New actors in EU energy security. – *Netherlands Yearbook of International Law*. Vol. 48. P. 140–169. DOI:10.1007/978-94-6265-243-9_5
  32. Moe A. 2020. Russia and the Development of Arctic Energy Resources in the Content of Domestic Policy and International Markets. – *The Arctic and World Order*. Ed. by K. Spohr, D. Hamilton and J. Moyer. Washington, DC: Brookings Institution Press. P. 119–142.
  33. Mossop J. 2016. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341383>
  34. Noto M.C. 2016. The Arctic Sunrise Arbitration and Acts of Protest at Sea. – *Maritime Safety and Security Law Journal*. Issue 2. P. 36–56.
  35. Oude Elferink A.G. 2016. The Russian Federation and the Arctic Sunrise Case: Hot Pursuit and Other Issues under the LOSC. – *US Naval War College International Law Studies*. No. 92. P. 382–406.
  36. Rajavuori M., Huhta K. 2020. Digitalization of security in the energy sector: evolution of EU law and policy. – *The Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 13. Issue 4. P. 353–367. DOI: <https://doi.org/10.1093/jwelb/jwaa030>
  37. Shaw M. 2017. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
  38. Vinogradov S., Azubuike S.I. 2018. Arctic Hydrocarbon Exploration & Production: Evaluating the Legal Regime for Offshore Accidental Pollution Liability. – *Arctic Yearbook*. Ed. by L. Heininen and H. Exner-Pirot. Akureyri: Northern Research Forum. P. 307–327.
  39. Wilt H. 2019. The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus. – *European Journal of Criminology*. Vol. 16. Issue 3. P. 315–331. DOI:10.1177/1477370819828934
  40. Yergin D. 2011. *The QUEST. Energy, Security and the Remaking of the Modern World*. Washington, DC: Penguin Press. 804 p.

References

1. Abramov N.S. Mezhdunarodno-pravovoe obespechenie bezopasnosti morskikh neftegazovykh ustanovok v predelakh isklyuchitel'noi ekonomicheskoi zony i kontinental'nogo shel'fa [International Legal Security of Offshore Oil and Gas Installations within the Exclusive Economic Zone and the Continental Shelf]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019. No. 12. P. 134–144. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.134-144
2. Arzamaskin A.N. Opredelenie ponyatiya "pravovoe obe-

- spechenie": postanovka problem [Definition of the Content "legal support": formulation of the problem]. – *Nauka i shkola*. 2016. No. 6. P. 47–51. (In Russ.)
3. Chernyadyeva N.A. O neobkhodimosti implementatsii antiterroristicheskikh mezhdunarodno-pravovykh pravil v rossiiskii ugolovnyi zakon [On Obligatory Implementation of Counter-terrorism International Legal Rules in the Russian Criminal Law]. – *Ugolovnoe pravo*. 2017. № 1. P. 104–111. (In Russ.)
  4. Desarnaud G. *Cyber Attacks and Energy Infrastructure: Anticipating Risks*. Paris: IFRI Center for Energy. 2017. 60 p.
  5. Dudikov M.V. Ponyatie i vidy mer pravovogo obespecheniya publichnykh interesov pri nedropol'zovanii [The Concept and the Types of Law Enforcement Measures of Public Interests]. – *Lex Russica*. 2016. No. 5. P. 105–116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.105-116
  6. Ford M.J., Abdulla A., Granger M.M. Evaluating the Cost, Safety, and Proliferation Risks of Small Floating Nuclear Reactors. – *Risk Analysis*. 2017. Vol. 37. No. 11. P. 1-21. DOI:10/1111/risa.12756
  7. Gavrilina E.A. Pravovoi rezhim morskoi stacionarnoi platformy dlya dobychi nefi i gaza na morskikh mestorozhdeniyakh [Legal Status of an Offshore Fixed Platform for Offshore Oil and Gas Production]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2017. No. 2. P. 14–18. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2017-2-14-18
  8. Geiss R., Petrig A. *Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 321 p.
  9. Grinenko A.V. Osobennosti deistviya rossiiskogo ugolovno-protsessual'nogo zakona v prostranstve [Features of Territorial Application of Russia's Criminal Procedure Law]. – *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2016. No. 1. P. 8–10. (In Russ.)
  10. Kalamkaryan R.A., Migachev Yu.I. Mezhdunarodnaya normativnaya sistema kak institutsionno-pravovaya sostavlyayushchaya sovremennogo miroportyadka [The International Regulatory System as Institutional-legal component of the Modern World Order]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2015. No. 6. P. 62–70. (In Russ.)
  11. Kalicki J., Goldwyn D. Introduction: The Need to Integrate Energy and Foreign Policy. – *Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy*. Ed. by J Kalicki and D. Goldwyn. Washington, DC: Woodrow Wilson Press. 2005. P. 9–10.
  12. Kashubskiy M.V. Mogut li piratskie deistviya byt' soversheny protiv morskoi neftyanoi platform [Whether Piratical Actions can be Committed against an Offshore Oil Platform]. – *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2014. No. 1. P. 5–14. (In Russ.)
  13. Kittichaisaree K. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2002. 482 p.
  14. Knyazeva N.A., Knyazeva E.A. Primenenie norm mezhdunarodno-pravovogo kharaktera kak odin iz sposobov protivodeistviya morskomu terrorizmu i piratstvu [The Application of International Legal Rules as a Way of Counteraction to Maritime Terrorism and Piracy]. – *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2014. No. 4. P. 175–187. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2014.8(4).175-187
  15. Kovalev A.A., Shilova N.L. Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [International Legal Aspects of Energy Security]. – *Moscow Journal of International Law*. 2008. No. 3. P. 61–77. (In Russ.)
  16. Kozlov S.V. Energeticheskaya bezopasnost': rossiiskii i evropeiskii pravovoi podkhody [Energy Security: Russian and European legal approaches]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2019. No. 1. P. 47–51. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2019-1-46-51
  17. Labin D.K., Panichkin I.V. Pravovye perspektivy razvitiya sotrudnichestva arkticheskikh gosudarstv v oblasti razrabotki morskikh neftegazovykh resursov Arktiki [Legal Perspectives for Cooperation of the Arctic States in the Development of Offshore Oil and Gas Resources in the Arctic]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 3. P. 86–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-86-94>
  18. Leal-Arcas R., Lesniewska F., Proedrou F. Prosumers: New actors in EU energy security. – *Netherlands Yearbook of International Law*. 2017. Vol. 48. P. 140–169. DOI:10.1007/978-94-6265-243-9_5
  19. Lobanov S.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za voennye prestupleniya: teoreticheskie voprosy mezhdunarodno-pravovogo issledovaniya* [Criminal Responsibility For War Crimes: theoretical issues of international legal research]. Moscow: Yurait Publ. 2017. 371 p. (In Russ.)
  20. Lyakhov E.G., Svetlichnaya D.V., Evstratova S.B. Pravovaya doktrina o probleme formirovaniya mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Legal Doctrine on the Problem of the International Criminal Law Formation]. – *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2018. No. 1. P. 193–202. (In Russ.)
  21. Lysenko M., Bedenko V., Dalnoki-Veress F. Legal Regulations of Floating Nuclear Power Plants: problems and prospects. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 59–67. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-59-67>
  22. Minzov A.S., Nevskiy A.Yu., Baronov O.Yu. Problemy obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti TEK ot kiberugroz [Problems of Ensuring the Information Security of the Fuel and Energy Complex from Cyber Threats]. – *Informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii. Materialy XLIV mezhdunarodnoi konferentsii i XIV mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh IT +S&E' 16*. Pod red. E.L. Gloriovza [Information Technology in Science, Education and Management. Materials of the XLIV International Conference and the XIV International Conference of Young Scientists IT + S & E' 16. Ed. by E.L. Gloriovz]. Moscow: Institut novykh informatsionnykh tekhnologii Publ. 2016. P. 238–241. (In Russ.)
  23. Moe A. Russia and the Development of Arctic Energy Resources in the Content of Domestic Policy and International Markets. – *The Arctic and World Order*. Ed. by K. Spohr, D. Hamilton and J. Moyer. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2020. P. 119–142.
  24. Mossop J. Protests against Oil Exploration at Sea: Lessons from the Arctic Sunrise Arbitration. – *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2016. Vol. 31. Issue 1. P. 60–87. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-12341383>
  25. Noto M.C. The Arctic Sunrise Arbitration and Acts of Protest at Sea. – *Maritime Safety and Security Law Journal*. 2016. Issue 2. P. 36–56.
  26. Oude Elferink A.G. The Russian Federation and the Arctic Sunrise Case: Hot Pursuit and Other Issues under the LOSC. – *US Naval War College International Law Studies*. 2016. No. 92. P. 382–406.
  27. *Problemy i zadachi pravovogo obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti i zashchity prav uchastnikov energeticheskikh rynkov: kollektivnaya monografiya*. Pod red. V.V. Romanovoi [Problems and Tasks of Legal Support of Energy Security and Protection of the Rights of Par-

- participants in Energy Markets: a collective monograph. Ed. by V.V. Romanova]. Moscow: Yurist Publ. 2019. 264 p. (In Russ.)
28. Rajavuori M., Huhta K. Digitalization of security in the energy sector: evolution of EU law and policy. – *The Journal of World Energy Law & Business*. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 353–367. DOI: <https://doi.org/10.1093/jwelb/jwaa030>
  29. Romanova V.V. Problemnye aspekty i zadachi pravovogo obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti [Problematic Issues and Tasks of Legal Regulation of Energy Security]. – *Pravovoi energeticheskii forum*. 2017. No. 3. P. 6–14. (In Russ.). DOI: 10.18572/2312-4350-2017-3-6-14
  30. Romashev Yu.S. Osobennosti ustanovleniya i osushchestvleniya gosudarstvami svoei yurisdiksi v pravookhranitel'noi sfere [Features of the Establishment and the Implementation by States of its Jurisdiction in Law Enforcement]. – *Gosudarstvo i pravo*. 2015. No. 5. P. 82–91. (In Russ.)
  31. Seliverstov S.S. *Energeticheskaya bezopasnost' Evropeiskogo Soyuz (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [Energy Security of the European Union (international legal aspects)]. Moscow: Izdatel'skii dom "Finansovyi kontrol" Publ. 2007. 208 p. (In Russ.)
  32. Shaw M. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
  33. Sviridenko I.I., Lepeshkin A.A. Osobennosti normativnogo regulirovaniya bezopasnosti plavuchikh energoblokov s yadernymi energeticheskimi ustanovkami [Features of Regulation of the Safety of Floating Power Units with Nuclear Power Plants]. – *Aktual'nye voprosy proektirovaniya, postroyki i ekspluatatsii morskikh sudov i sooruzhenii. Trudy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Nauchnyi redaktor V.I. Istomin [Current Issues of Design, Construction and Operation of Marine Vessels and Structures. Materials of the Regional Scientific Conference. Ed. by V.I. Istomin]. Sevastopol': Sevastopol'skii gosudarstvennyi universitet Publ. 2019. P. 291–300. (In Russ.)
  34. Vinogradov S., Azubuike S.I. Arctic Hydrocarbon Exploration & Production: Evaluating the Legal Regime for Offshore Accidental Pollution Liability. – *Arctic Yearbook*. Ed. by L. Heininen and H. Exner-Pirot. Akureyri: Northern Research Forum. 2018. P. 307–327.
  35. Vylegzhanin A.N., Potier T. Predstavlenie professorom Shou mezhdunarodnogo prava: teoreticheskie voprosy [Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflection]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No.4.P.7–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-7-18>
  36. Wilt H. The Role of International Criminal Law in Responding to the Crime-Terror Nexus. – *European Journal of Criminology*. 2019. Vol. 16. Issue 3. P. 315–331. DOI: [10.1177/1477370819828934](https://doi.org/10.1177/1477370819828934)
  37. Yamshchikov D. 2013. "Prirazlomnaya": pervyi opyt nefte dobychi na arkticheskom shel'fe ["Prirazlomnaya": first experience in oil extraction in the Arctic she]. – *Bezopasnost' ob'ektov TEK*. 2013. No. 2. P. 54–57. (In Russ.)
  38. Yergin D. *The QUEST. Energy, Security and the Remaking of the Modern World*. Washington, DC: Penguin Press. 2011. 804 p.
  39. Zakharova L.I. Reshenie po delu "Arctic Sunrise" ob ustanovlenii predvaritel'nykh mer, vnesennoe Mezhdunarodnym tribunalom po morskomu pravu (Korolevstvo Niderlandy protiv Rossiiskoi Federatsii) [The Decision in the Arctic Sunrise Case on the Establishment of Preliminary Measures issued by the International Tribunal for the Law of the Sea (the Kingdom of the Netherlands v. the Russian Federation)]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2015. No. 6. P. 82–86. (In Russ.)
  40. Zhavoronkova N.G., Shpakovskiy Yu.G. Novaya Doktrina energeticheskoi bezopasnosti Rossii: voprosy strategicheskogo planirovaniya [The New Doctrine of Russia's Energy Security: issues of strategic planning]. – *Problemy natsional'noi strategii*. 2019. No. 4. P. 187–196. (In Russ.)

Информация об авторах**About the Authors****Сергей Александрович Лобанов,**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, Проспект Вернадского, д. 76

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Ольга Сергеевна Ростунова,

кандидат юридических наук Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, Проспект Вернадского, д. 76

olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

Sergey A. Lobanov,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Regulation of the Fuel and Energy Complex, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

Lobanov-sa.lobanov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2645-0950

Olga Sergeevna Rostunova

Cand. Sci. (Law), Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

olga_rostunova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3162-8154

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 12.07.2021
Принята к публикации: 27.10.2021

Ляйсян Маратовна СТАРКОВА

Астраханский государственный университет,
Татищева ул., д. 20а, Астрахань, 414056, Российская Федерация,
5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И НОРМАТИВНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ» И СМЕЖНЫХ ПОНЯТИЙ В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВВЕДЕНИЕ. На фоне развернувшейся эпидемии коронавируса наметившиеся в предыдущие годы тенденции киберпреступности достигли небывалых масштабов. Стремительный перевод многих базовых сфер общественного функционирования на цифровую платформу в условиях фактического правового вакуума предоставил преступникам практически безграничные возможности. В этих условиях задача совершенствования и унификации базовых категорий в сфере борьбы с «новой формой преступности» представляет первостепенный интерес не только с позиций запросов теории, но и для создания эффективного международно-правового механизма противодействия данной угрозе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования послужили правовые документы, разработанные под эгидой 14 региональных международных организаций, представляющих собой ту или иную региональную группу, научные труды зарубежных и отечественных ученых. Методологическую основу исследования составили традиционные для юридических работ общенаучные и частнонаучные методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования были выявлены несогласованность терминологии, отсутствие единообраз-

но понимаемого и применяемого нормативно-закрепленного определения «новой формы преступности» и смежных понятий, которые соответствовали бы критерию аутентичности. Региональные международные организации оперируют такими понятиями, как «киберпреступность», «атаки против информационных систем», «преступления в сфере компьютерной информации», «преступления в сфере информационных технологий», «информационная преступность», «преступления, относящиеся к компьютерам и сетям», «риски цифровой безопасности», «использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в террористических и преступных целях». Все это свидетельствует об отсутствии единых подходов к пониманию самой сущности и специфических особенностей данного криминального явления.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор обращает внимание, что термин «киберпреступность» используется в 7 из 14 групп международных документов регионального характера. Анализ работ отечественных и зарубежных исследователей подтверждает обоснованность применения термина «киберпреступность», как наиболее полно и точно отражающего уникальные свойства данного вида преступности, его техническую составляющую. На

основе соотнесения и сравнительного исследования терминов «информационная преступность», «компьютерная преступность», «киберпреступность» автор формулирует базовые положения, которые возможно учесть при попытках разработки унифицированного понятия. Автор обращает внимание на тот факт, что с учетом специфического характера объекта, предмета и виртуальной среды совершения данных преступлений, любая правовая норма должна быть сформулирована и соотнесена с объективной возможностью ее практической реализации с учетом технических особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: киберпреступность, компьютерная преступность, информационная преступность, технотронная преступность,

международные региональные организации, международно-правовая система противодействия киберпреступности, унификация понятийного аппарата

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Старкова Л.М. 2021. Подходы к пониманию и нормативному определению категории «киберпреступность» и смежных понятий в практике региональных международных организаций. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Research article
Received 12 July 2021
Approved 27 October 2021

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>

Lyasyan M. STARKOVA

Astrakhan State University

20A, ul. Tatishcheva, Astrakhan, Russian Federation, 414056

5leska5@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4411-6510

APPROACHES TO UNDERSTANDING AND NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY OF “CYBERCRIME” AND RELATED CONCEPTS IN THE PRACTICE OF REGIONAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

INTRODUCTION. Against the background of the unfolding epidemic of coronavirus, the trends in cybercrime that appeared in previous years have reached unprecedented magnitudes. The rapid transfer of many basic spheres of social functioning to a digital platform in an actual legal vacuum provided criminals with almost unlimited opportunities. In these circumstances, the task of

improving and unifying the basic categories in the field of combating the «new form of crime» is of paramount interest not only from the point of view of theory, but also in order to create an effective international legal mechanism to counter this threat.

MATERIALS AND METHODS. The material for the study were legal documents developed under the auspices

of 14 regional international organizations, which represent one or another regional group, scientific works of foreign and domestic scientists. The methodological basis of the study was the general scientific and private scientific methods of cognition, traditional for legal work.

RESEARCH RESULTS. The study revealed inconsistencies in terminology, the absence of a uniformly understood and applied normative definition of a «new form of crime» and related concepts that would meet the criterion of authenticity. Regional international organizations operate with such concepts as "cybercrime", "attacks against information systems", "crimes in the field of computer information", "crimes in the field of information technology", "information crime", "crimes related to computers and networks", "digital security risks", "the use of information and communication technologies (ICTs) for terrorist and criminal purposes". All this indicates the absence of common approaches to understanding the very essence and specific features of this criminal phenomenon.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The author draws attention to the fact that the term "cybercrime" is used in 7 out of 14 groups of international documents of a regional nature. Analysis of the work of domestic and foreign researchers confirms the validity of the use of the term "cybercrime", as most fully and accurately reflecting

the unique properties of this type of crime, its technical component. Based on the correlation and comparative study of the terms "information crime", "computer crime", "cybercrime", the author formulates basic provisions that can be taken into account when trying to develop a unified concept. The author draws attention to the fact that, taking into account the specific nature of the object, subject and virtual environment of committing these crimes, any legal norm should be formulated and correlated with the objective possibility of its practical implementation, taking into account technical characteristics.

KEYWORDS: cybercrime, computer crime, information crime, technotronic crime, international regional organizations, international legal system against cybercrime, unification of the conceptual apparatus

FOR CITATION: Starkova L.M. Approaches to Understanding and Normative Definition of the Category "Cybercrime" and Related Concepts in the Practice of Regional International Organizations. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-123-135>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

На всем протяжении развития и становления информационного общества информация как базовый ресурс представляла интерес для криминальных структур, использующих достижения технологической революции как в качестве средства, так и в качестве объекта преступлений. Появление глобальной сети Интернет выводит проблему киберпреступности за рамки временных, пространственных и даже политических границ. Киберпреступность приобретает характер транснациональной угрозы, требующей эффективных и своевременных действий со стороны международного сообщества. Элемент транснациональности делает международное сотрудничество ключевым фактором принятия эффективных мер противодействия новой угрозе. На этом этапе начинается формирование международной системы противодействия киберпреступности, в основу которой закладываются правовые источники междуна-

родного характера. На протяжении последних 20 лет в ряде регионов были реализованы различные подходы, направленные на правовую регламентацию борьбы с киберпреступностью и приняты соответствующие региональные соглашения.

Стоит отметить, что проблема киберпреступности, безусловно носит комплексный многоаспектный характер, что определяет многообразие направлений и подходов к ее исследованию. Поэтому в данной работе полагаем необходимым сузить рамки исследования. Таким образом, целью данной работы является анализ понятийного аппарата в сфере борьбы с киберпреступностью (понятия «киберпреступность», «информационная преступность», «компьютерная преступность»), разработанного и применяемого в рамках международных нормативных источников регионального характера и выработка на основе проведенного сравнительного анализа рекомендаций и доктринального обоснования применимости рассмотренных правовых категорий.

2. Нормативное определение понятия «киберпреступность», применяемое в документах региональных международных организаций

В основу исследования заложен анализ правовых документов, разработанных в контексте или под эгидой 14 региональных международных организаций, представляющих собой ту или иную региональную группу согласно принципу географического распределения. Стоит отметить, что документы различаются по юридической силе и соответствующим правовым последствиям. Исходя из критерия обязательности, данные документы разделены на две группы: обязательные и рекомендательного характера. Так, ряд документов (Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г., Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных 2014 г., Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий 2010 г., Соглашение о сотрудничестве государств –

участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. и др.) имеют характер межгосударственных соглашений, что влечет наложение определенных юридических обязательств на государство-участника в соответствии с принципом добросовестного выполнения обязательств, принятых на себя в соответствии с международным соглашением¹. Другие документы (Типовые законы Содружества Наций о компьютерных преступлениях и электронных доказательствах 2002 г., Типовой закон о компьютерных преступлениях и киберпреступности Сообщества развития Юга Африки (САДК) 2012 г., Декларация G7 об ответственном поведении государств в киберпространстве, Лука, 2017 г. и др.) носят рекомендательный характер и выступают в качестве общих правовых рамок и типовых моделей законодательства в сфере противодействия киберпреступности, что, в свою очередь, не предполагает установление каких-либо юридических обязательств для государств. В таблице содержится полный перечень указанных документов:

Обязательные	Рекомендательного характера
Совет Европы: Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г. (Будапештская Конвенция)	Сообщество развития Юга Африки (САДК): Типовой закон о компьютерных преступлениях и киберпреступности Сообщества развития Юга Африки (САДК) 2012 г.
Европейский Союз (ЕС): Директива 2013 / 40 / ЕС Европейского парламента и Совета от 12 августа 2013 г. о нападениях на информационные системы и замене Рамочного решения Совета 2005 / 222 / JHA	Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): – «Рекомендация ОЭСР 2015 г. по управлению рисками цифровой безопасности для экономического и социального процветания», заменившая действовавшие ранее «Руководящие принципы ОЭСР по обеспечению безопасности информационных систем и сетей: На пути к культуре безопасности» 2002 г. – «Рекомендация по цифровой безопасности критически важных видов деятельности была принята Советом ОЭСР 2019 г.», заменившая «Рекомендацию ОЭСР о защите критической информационной инфраструктуры 2008 г.» – «Рекомендации, касающиеся Руководящих принципов, регулирующих защиту конфиденциальности и трансграничные потоки персональных данных 1980 г.» (обновлены в 2013 г.) – «Рекомендации о принципах формирования политики в области Интернета 2011 г.» – «Рекомендация Совета по цифровой безопасности критически важных видов деятельности 2019 г.», заменившая «Рекомендации Совета по защите критически важных информационных инфраструктур 2008 г.» – Декларация о цифровой экономике: инновации, экономический рост и социальное процветание (Канкунская декларация) 2016 г.
Содружество независимых государств (СНГ): – Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Соглашение Содружества Независимых Государств 2001 г.); – Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г.	Содружество наций (Британское содружество наций): – Типовой закон о компьютерах и преступлениях, связанных с компьютерами 2002 г. – Типовой закон об электронных доказательствах 2002 г.

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 04.07.2021).

<p>Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, принятое Шанхайской организацией сотрудничества в 2010 г.</p>	<p>Организация американских государств (ОАГ): – Рекомендации, принимаемые по итогам совещаний Министров юстиции и Генеральных прокуроров Америки (REMJA) 1999–2016; – Рекомендации Межправительственной группы экспертов по киберпреступности 1999–2016 гг.; – Глобальная межамериканская стратегия по кибербезопасности, утверждена резолюцией AG/RES 2004 (XXXIV-O / 04) Генеральной Ассамблеи ОАГ.</p>
<p>Африканский Союз: Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных 2014 г.</p>	<p>Группа 7 (8) / G7 (8): – Принципы и план действий по борьбе с высокотехнологичными преступлениями, утвержден на совещании Министров юстиции и внутренних дел 1997г. – Учреждение международной круглосуточной сети реагирования на киберинциденты в формате 24 / 7 – Декларация G7 об ответственном поведении государств в киберпространстве, Лука, 2017 г. – Динарская декларация об инициативе Киберправа 2019 г.</p>
<p>Экономическое сообщество Западноафриканских государств (ЭКОВАС): Директива Экономического сообщества Западноафриканских государств (ЭКОВАС) C/DIR. 1 / 08 / 11 о борьбе с киберпреступностью в рамках ЭКОВАС от 19 августа 2011 г.</p>	<p>Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ): – Решение Постоянного совета ОБСЕ № 1039 от 26 апреля 2012г. «Разработка мер укрепления доверия с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)» (2012, Неофициальная рабочая группа) – Решение Постоянного совета ОБСЕ № 1106 от 3 декабря 2013 г. «Первоначальный перечень мер укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования ИКТ» (2013 – первый набор из 11 МД) – Решение Постоянного совета ОБСЕ № 1202 от 10 марта 2016 г. «Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования ИКТ» (2016 – второй набор дополнительных 5 МД) – Постановление Совета министров № 5 / 16 «Усилия ОБСЕ по сокращению рисков возникновения конфликтов в результате использования ИКТ» от 9 декабря 2016 г. (2016 – одобрены принятые 16 МД) – Постановление Совета министров № 5 / 17 «Наращивание усилий ОБСЕ по сокращению рисков возникновения конфликтов в результате использования ИКТ» от 8 декабря 2017г. (2017 – сосредоточиться на реализации 16 МД)</p>
<p>Лига арабских государств (ЛАГ): Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий, принята Лигой арабских государств в 2010 г.</p>	<p>Организация Североатлантического договора (НАТО): Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойне, Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО, 2013 г.; Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойне 2.0, обновленная версия 2017 г. Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО.</p>

Анализ указанных документов выявил несогласованность терминологии, отсутствие единообразно понимаемого и применяемого нормативно-закрепленного определения «новой формы преступности» и смежных понятий, которые соответствовали бы критерию аутентичности. В качестве исходного определения «новой формы преступности» используются такие понятия, как «киберпреступность», «атаки против информационных систем», «преступления в сфере компьютерной информации», «преступления в сфере информационных технологий», «информационная преступность», «преступления, относящиеся к компьютерам и сетям», «риски цифровой безопасности», «использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в террористических и преступных целях».

Термин «киберпреступность» используется в 7 из 14 групп международных документов ре-

гионального характера. При этом использование данного термина в названии, преамбуле и основной части документа не подкреплено нормативным определением данной категории в разделе, содержащем термины и понятия.

Так, в Конвенции Совета Европы О киберпреступности 2001 г. термин *cybercrime* («киберпреступность») вынесен в название документа и используется в преамбуле, между тем, конкретное содержание данного понятия не приведено. Преамбула: «Будучи убеждены в том, что настоящая Конвенция необходима для сдерживания действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей и компьютерных данных, а также против злоупотребления такими системами, сетями и данными, путем обеспечения уголовной наказуемости таких деяний, описываемых в настоящей Конвенции»².

² Convention on Cybercrime Council of Europe. 2001. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185?module=treaty-detail&treatynum=185> (accessed 25.06.2021).

Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных 2014 г. не содержит определение понятия «киберпреступность». Между тем в Главе 3 «Обеспечение кибербезопасности и борьба с киберпреступностью» в ст. 25 «Законодательство против киберпреступности» указано, что «государствам-членам при принятии законодательных и организационных мер в сфере борьбы с киберпреступностью следует рассматривать в качестве киберпреступлений такие уголовно наказуемые деяния, которые посягают на конфиденциальность, целостность, доступность и сохранность информационных и коммуникационно-технологических систем, обрабатываемых ими данных, и базовой сетевой инфраструктуры».³

В Директиве Экономического сообщества Западноафриканских государств (ЭКОВАС) о борьбе с киберпреступностью в рамках ЭКОВАС 2011 г. нет конкретного определения понятия «киберпреступление», применен распространенный подход закрепления конкретного перечня деяний, подлежащих криминализации и образующих состав киберпреступления. Кроме того, следует отметить, что сфера действия документа охватывает категории общеуголовных преступлений (таких, как кража, мошенничество, обращение денежных средств и имущества, добытых преступным путем, шантаж), совершенных с использованием Интернета. Еще одна группа включенных деяний – преступления, связанные с киберпреступностью, а именно общеуголовные преступления, для обнаружения и расследования которых необходимы электронные доказательства.⁴

Типовой закон Содружества наций 2002 г. о компьютерах и преступлениях, связанных с компьютерами. В преамбуле документа содержится указание на то, что он не определяет правовую категорию «киберпреступность», учитывая, что

последняя включает в себя «а) правонарушения, направленные на компьютеры, компьютерные и коммуникационные сети и системы, данные пользователей, которые в них содержатся; и б) традиционные общеуголовные составы преступлений, совершенных с использованием компьютеров, компьютерных и коммуникационных сетей и систем, а также если применение технологий имеет большое значение для расследования данных преступлений».⁵

Типовой закон о компьютерных преступлениях и киберпреступности Сообщества развития Юга Африки (САДК) 2012 г. говорит о the Computer Crime and Cybercrime Act / «Компьютерных преступлениях и киберпреступлениях»; computer and network related crime / «преступлениях, относящихся к компьютерам и сетям». Определение данных преступных деяний осуществляется через перечень конкретных составов, подлежащих криминализации.⁶

Документы Организации Американских Государств (ОАГ) используют понятие «киберпреступность» и смежные понятия с приставкой «кибер». Документы не содержат нормативных определений данных понятий, но в качестве базовых рекомендаций для разработки правовой сферы обеспечения кибербезопасности обозначена, в частности, «криминализация неправомерного использования компьютеров и компьютерных сетей».⁷

Документы Группы 7(8) / G7(8), в частности, Декларация G7 об ответственном поведении государств в киберпространстве (Лука, 2017 г.), Динарская декларация об инициативе Киберправа 2019 г., содержат понятия «высокотехнологичные преступления», «киберпреступность», «кибербезопасность», «киберзащита», объединенные общей формулировкой «вредоносное использование ИКТ», которое может создавать угрозу безопасности и стабильности киберпространства.⁸

³ African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. 2014. URL: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection> (accessed 25.06.2021).

⁴ The Economic Community of West African States (ECOWAS) Directive on Fighting Cyber Crime within ECOWAS. 2011 URL: <https://issafrica.org/ctafrica/uploads/Directive%201:08:11%20on%20Fighting%20Cyber%20Crime%20within%20ECOWAS.pdf> (accessed 25.06.2021).

⁵ The Commonwealth Model law on computer and computer-related crime and electronic evidence. 2011 URL: https://thecommonwealth.org/sites/default/files/key_reform_pdfs/P15370_7_ROL_Model_Bill_Electronic_Evidence_0.pdf (accessed 25.06.2021)

⁶ Southern African Development Community (SADC) Model Law on Computer Crime and Cybercrime. 2012. URL: <https://www.itu.int/en/ITU/Cybersecurity/Documents/SADC%20Model%20Law%20Cybercrime.pdf> (accessed 25.06.2021).

⁷ OAS: Comprehensive Inter-American Strategy to Combat Threats to Cybersecurity: a multidimensional and multidisciplinary approach to creating a culture of cybersecurity. 2004. URL: http://www.oas.org/en/sms/cicte/documents/oas_ag/agres_2004_xxxiv-o-04_en.pdf (accessed 25.06.2021)

⁸ G7 Declaration on responsible states behavior in cyberspace. 2017 URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000246367.pdf> (accessed 25.06.2021); G7 Dinar Declaration on the Cyber Norm Initiative. 2019 URL: <http://www.g7.utoronto.ca/foreign/190406-cyber.html> (accessed 25.06.2021)

Термин «киберпреступность» получил более широкое распространение в зарубежной доктрине и соглашениях, принятых в европейском, американском, африканском регионах. Так, официально название Будапештской конвенции 2001 г. на языке оригинала звучит как Convention on Cybercrime. Во многих источниках (как нормативных, так и теоретических, а также при упоминании в средствах массовой информации) документ носит название Конвенции Совета Европы о борьбе с киберпреступностью. Российская Федерация не является участницей данной Конвенции, в связи с чем отсутствует официальный текст перевода на русский язык. Между тем Правовое управление Государственной Думы ФС РФ при переводе указанного документа трактует его название как «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации»⁹, что, по мнению автора, можно расценивать не как неточность перевода, а скорее, как намеренное «приведение» международного документа в соответствие с принятой национальной концепцией в сфере обеспечения информационной безопасности.

Стоит отметить, что в российском законодательстве термин «киберпреступность» не находит своего закрепления. Для определения данного вида преступлений применяются понятия «преступления в сфере компьютерной информации», «информационные преступления», «преступления в сфере ИКТ (информационно-коммуникационных технологий)», что отражается не только в национальном законодательстве, но и в международных документах, разрабатываемых и реализуемых по инициативе и при участии Российской Федерации: Соглашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г.¹⁰; Со-

глашении о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г.¹¹; Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, принятом Шанхайской организацией сотрудничества в 2010 г.¹²; Проекте Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности 2018 г. (инициатива РФ)¹³.

3. Анализ доктринальных подходов к пониманию категории «киберпреступность» и смежных понятий

В научной литературе также отсутствует единое мнение относительно определения «новой формы преступности». Здесь можно обнаружить те же различия в подходах зарубежных и отечественных исследователей, что и в нормативно-правовых источниках. Так, представители зарубежной науки в большинстве своем оперируют термином «киберпреступность» и связанными с ним понятиями с ключевой приставкой «кибер». Следует отметить, что проблема «компьютерной преступности» стала объектом научных исследований в зарубежных странах с 70-х годов прошлого века. Возникновение данного криминального явления, расследование первых инцидентов компьютерных преступлений потребовали разработки соответствующей теоретической и нормативной базы. Соответственно, именно западные исследователи впервые предприняли попытки сформулировать понятие «компьютерная преступность». Данный термин был введен в оборот в научных кругах в начале 1960-х гг. исследователем Д.Б. Паркер [Parker

⁹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. – *Справочно-правовая система Гарант*. Доступ: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 18.06.2021).

¹⁰ «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» 2001 г. – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Доступ: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=9210#045128599939795544> (дата обращения: 18.06.2021). Документ прекращает действие в отношениях между государствами – участниками Соглашения от 28.09.2018 с даты вступления в силу указанного Соглашения.

¹¹ Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. Доступ: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 12.06.2021)

¹² Соглашение между Правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2019 г. – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Доступ: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=51984#041486154092490657> (дата обращения: 18.06.2021).

¹³ ООН: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 5 декабря 2018 г. № 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения 04.07.2021 г.).

1998:2– 5], которая впервые обозначила, что «электронно-вычислительная машина (ЭВМ) является как объектом преступления, так и орудием, используемым для получения политических или деловых преимуществ».

Этот подход был положен в основу многих более поздних исследований, в ходе которых, независимо от обоснования применимости того или иного термина (компьютерные преступления, преступления, относящиеся к компьютеру, электронные преступления, высокотехнологичные преступления, Интернет-преступления, киберпреступления), авторы исходят из двойственной природы данного рода деяний, которые так или иначе охватывают противоправные действия в киберпространстве, в частности, в рамках компьютерной сети. Несмотря на неоднократные попытки исследователей описать сущность явления киберпреступности и дать определение данного понятия, до сегодняшнего момента в зарубежной науке остается множество неопределенностей и дебатов относительно различных аспектов киберпреступности, включая типологию и истинную природу нового криминального явления. Одним из ключевых спорных положений является вопрос корреляции между «новой формой преступности» (киберпреступностью) и традиционной преступностью физического мира. Ряд исследователей полагает, что, хотя киберпреступность может рассматриваться в качестве новой специфической формы преступности, она сохраняет сущностные признаки традиционной преступности [Grabosky 2001: 243–249], [Yar 2005:407–427; Bosler, Berenblum 2019: 495–499; Ilievski 2016:30–47]. Среди аргументов приводится положение о том, что киберпреступники не более чем корректируют и совершенствуют традиционные способы преступных деяний преступлений, используя безграничные возможности киберпространства. Технологии, по мнению этих исследователей, – инструмент в руках пользователя, который может применять его как в позитивных, так и в преступных целях.

Представители другого направления настаивают на том, что сущностные признаки и специфические особенности самого киберпространства как особой среды, где совершаются эти преступления, а также возможности информационно-технических средств создают ключевые различия в природе киберпреступности и тра-

диционной преступности [Furnell 2001:35–44; Cross, Shinder 2008:50–55; Choi, Lee 2017: 394–402; Bosler, Berenblum 2019: 495–499].

Рассмотрим некоторые из определений киберпреступности, формулируемые в рамках различных западных школ. «Киберпреступление – это противоправное действие, совершаемое посредством использования информационных или коммуникационных технологий либо для атаки на сеть, компьютерную систему, данные, веб-сайты, либо для содействия совершению других преступлений» [Goodman, Brenner 2002: 139–223]. Гордон и Форд [Gordon, Ford 2006: 13–20] определяют киберпреступление как любое преступление, для совершения которого были использованы компьютер, сеть или техническое оборудование. Роберт Мур [Moore 2011:45–50] обращает внимание на тот факт, что киберпреступление может быть определено как любое преступление, использующее компьютер и сеть, в то время как «компьютерное преступление» включает применение только компьютеров. Несмотря на крайнюю обобщенность подобных дефиниций, они отражают идею о необходимости разграничения понятий «киберпреступление» и «компьютерное преступление».

Интересна типология киберпреступлений, согласно которой выделяют три категории киберпреступлений: преступление в самом устройстве, преступление с использованием устройства и преступление против устройства [Wall 2007:60–75; Madriaza et al. 2018]. Данный подход к классификации и определению киберпреступлений полностью соотносится с рекомендациями экспертов ООН, сформулированными в рамках работы Десятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, согласно которым термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. Термин охватывает любое преступление, совершенное в электронной среде¹⁴.

Отечественные ученые в большей степени используют терминологию, соответствующую официальному подходу, закрепленному в уголовном законодательстве РФ, где данный вид преступлений определен через родовый объект

¹⁴ Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. 10–17 апреля 2000 г. Доступ: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CONF.187/15> (дата обращения: 12.07.2021).

как «преступления в сфере компьютерной информации».

Так А.В. Сулопаров под «информационными преступлениями» понимает «общественно-опасные противоправные деяния, причиняющие вред общественным отношениям по обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства, способом совершения которых является информационное воздействие или (и) предметом которых является информация как особый нематериальный объект». При этом автор рассматривает информационные преступления в качестве самостоятельной правовой категории, которая включает компьютерные преступления, но не ограничивается ими, поскольку предметом информационных преступлений является любая социально-значимая информация, независимо от формы материального носителя (не только машинный носитель, но и бумажный)¹⁵. А.Н. Попов отмечает, что понятие «информационного преступления» охватывает не только действия, совершаемые с использованием современных технических средств, но и разнообразные формы психологического информационного воздействия, которое может осуществляться как с использованием современных ИКТ, так и через традиционные каналы СМИ¹⁶. Д.О. Крылов и А.В. Малюгина [Крылов, Малюгина 2017] отмечают, что при анализе различных правовых оценок противоправных действий в сфере информации (вне зависимости от ее формы – компьютерная, документированная и иная), становится очевидно, что законодатель в качестве основания для отнесения того или иного деяния к категории «информационных преступлений», выделяет информацию как главную охраняемую ценность, при этом механизм и характер совершаемых с информацией действий имеет второстепенное значение. Тем самым обосновывается применимость термина «инфор-

мационные преступления» как наиболее полно отражающего сущность данной формы преступности через объект посягательства. Между тем, следует предположить, что «информационные преступления» – крайне широкая и неконкретная категория, которая охватывает значительный круг разнородных деяний в сфере информационного обмена.

Ряд отечественных исследователей при определении «новой формы преступности» обращается к так называемому техническому аспекту. Здесь используется термин «компьютерные преступления», что позволяет акцентировать внимание на компьютерах как на объектах и средствах совершения данных преступлений. При этом мнения ученых относительно возможности формулирования правовых категорий через технический аспект не совпадают. Ряд авторов (М.С. Гаджиев¹⁷, А.И. Долгова [Организованный терроризм...2002:50–65], Т.Л. Тропина¹⁸) выступает против применения термина «компьютерная преступность», поскольку в науке уголовного права не применяется классификация преступлений, основанная на определении вида технического средства, с помощью которого они совершаются. В этом значении скорее стоит говорить не об отдельной специфической форме преступности в юридическом смысле, а о компьютерных аспектах традиционных преступлений (Ю.М. Батурич, А.М. Жодзишский [Батурич, Жодзишский 1991:14–27]). Другие авторы отстаивают самостоятельность категории «компьютерная преступность» для обозначения новой формы преступности (В.Б. Вехов [Вехов 1996:27–45], Н.А. Селиванов [Селиванов 1993: 36–40], А.А. Жмыхов¹⁹, Т.М. Лопатина²⁰, Д.В. Добровольский²¹).

Между тем при анализе работ отечественных исследователей за последние пять лет отмечается тенденция выделения понятия «преступле-

¹⁵ Сулопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера. Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2010. С. 32–56.

¹⁶ Попов А.Н. *Преступления в сфере компьютерной информации. Учебное пособие*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 4–11.

¹⁷ Гаджиев М.С. Криминологический анализ преступности в сфере компьютерной информации (по материалам республики Дагестан). Дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала. 2004. С. 12–20.

¹⁸ Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2005. С. 17–44.

¹⁹ Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 14–37.

²⁰ Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности. Дисс. ... доктора. юрид. наук. Москва. 2004. С. 25–36.

²¹ Добровольский Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2006. С. 13–42.

ния в сфере компьютерной информации», что вполне соотносится с позицией российского законодателя, закрепленной в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Отмечая излишнюю обобщенность и широту термина «компьютерные преступления», авторы обосновывают эффективность применения термина «преступления в сфере компьютерной информации», определяя их как «противоправное виновно-совершенное общественно-опасное деяние, наказуемое в уголовном порядке, посягающее на общественные отношения по безопасному производству, хранению, передаче, поиску, использованию, распространению или защите компьютерной информации, причинившее или создающее угрозу причинения вреда охраняемым законом права и интересам физических и (или) юридических лиц, общества, государства» [Петрова, Лобачев 2020:52–62].

Т.Л. Тропина в своей диссертации обосновывает применимость термина «киберпреступность», который рассматривается как более емкий и наиболее точно отражающий специфику «новой формы преступности», совершаемой в особо рода пространстве – киберпространстве. Представляется вполне обоснованным довод Т.Л. Тропиной, что термин «компьютерная преступность» следует рассматривать как более узкий, определяющий суть явления исключительно через преступления, совершенные с использованием компьютера. Между тем, стремительные темпы развития технологий делают неприменимым использование подобного узкого термина, поскольку в настоящее время уже само понятие «компьютер» становится размытым. Техническая составляющая «новой формы преступности» не сводится исключительно к применению компьютеров как технических средств. Компьютер выступает своего рода орудием, своеобразным физическим объектом воплощения виртуальной компьютерной системы, в которой хранится информация, которая и представляет интерес для преступного посягательства.

О.А. Бойко формулирует понятие «киберпреступность» крайне обобщенно, как «широкий спектр противоправных деяний, для совершения которых используются компьютерные технологии» [Бойко 2017:123–126].

С.И. Буз под «киберпреступлением» понимает любое преступление, совершенное с помощью информационных технологий, либо в информационном пространстве. При этом под информа-

ционными технологиями понимаются как технические средства (персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны), так и сама информация, и ее носители. Под информационным пространством подразумеваются информационно-телекоммуникационные сети (например, Интернет), компьютерные локальные сети и т. д. [Буз 2019:78–82].

Интересно, что в настоящий момент отечественные ученые высказывают мнение о «трансформации традиционной компьютерной преступности в новый вид высокотехнологичной преступности – технотронную преступность, представляющую собой систему взаимосвязанных и образующих единую целостность общественно опасных деяний, совершенных с использованием компьютерных, информационно-телекоммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий [Евдокимов 2020:26–33]. Данная концепция представляется вполне обоснованной в силу стремительных темпов развития информационных технологий, разработки новейших средств и систем искусственного интеллекта, Интернета вещей, облачных данных, проникающих в самые различные сферы человеческой деятельности, что, безусловно, не может не отразиться на характере преступных деяний, совершаемых в данной специфической среде.

4. Заключение

Таким образом, несмотря на отсутствие согласованной терминологии и подходов к определению и нормативному закреплению «новой формы преступности», следует исходить из базового положения, что данный вид преступности включает две категории преступлений:

1. В первом случае информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются непосредственной целью преступления (в качестве объекта преступного посягательства выступает «Триада КЦД» – конфиденциальность, целостность, доступность как неотъемлемые свойства информации).

2. Во втором случае ИКТ являются неотъемлемой частью способа совершения преступления (эта группа преступлений охватывает традиционные общеуголовные составы преступлений, совершению которых тем или иным образом способствуют ИКТ, включая сеть Интернет).

В связи с выявленной крайней несогласованностью в подходах представляется, что для раз-

работки авторского определения «новой формы преступности» необходимо комплексное исследование, основанное на детальном анализе широкого перечня доктринальных источников, которое будет реализовано автором в последующих публикациях. Тем не менее, на основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости определения и вычленения той исходной детерминанты, которая отражает существенные особенности и специфические свойства новой формы преступности, отличающие ее от других преступлений. При определении такой детерминанты необходимо учесть, что данные преступления совершаются в особо рода сложноорганизованной системе, осуществляющей получение, хранение, обработку, преобразование и передачу информации в качестве базового ресурса. То есть, разрабатываемое определение должно отражать два элемента:

1) указание на информацию, в качестве нематериального ресурса и объекта преступного посягательства;

2) указание на особого рода систему, в которой реализуются процессы обработки, хранения и передачи информации (в качестве такой системы выступает компьютерная сеть, Интернет и другие автоматизированные системы управления).

С учетом изложенного, автор приходит к выводу, что термин «киберпреступность» представляется наиболее обоснованным, поскольку приставка «кибер» содержит указание на связь с наукой кибернетикой в ее значении, предложенном и обоснованном в теории Норберта Винера [Винер 2019:25–27].

В заключение следует отметить, что задача совершенствования и унификации базовых категорий в сфере борьбы с киберпреступностью представляет первостепенный интерес не только с точки зрения теории, но главным образом для разработки и реализации эффективного международно-правового механизма противодействия данному виду преступности. Безусловно, для решения этой задачи требуется комплексный подход, в основу которого должны быть положены доктринальные обоснования и исследования специалистов не только юридической науки, но и представителей технических наук. Это обстоятельство часто упускается из виду при разработке правовых норм, между тем, принимая во внимание специфический характер объекта, предмета и виртуальной среды совершения данных преступлений, любая правовая норма должна быть сформулирована и соотнесена с объективной возможностью ее практической реализации с учетом технических особенностей.

Список литературы

1. Батурин Ю.М., Жодзишский А.М. 1991. *Компьютерная преступность и компьютерная безопасность*. М.: Юридическая литература. 160 с.
2. Бойко О.А. 2017. Понятие «киберпреступность»: основные дефиниции. – *Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика. Сборник материалов VIII Республиканской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов*. Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина. С. 123–126.
3. Буз С.И. 2019. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика. – *Юрист-Правоведь*. №4. С.78–82.
4. Вехов В.Б. 1996. *Компьютерные преступления: Способы совершения, методики расследования*. М.: Право и закон. 182 с.
5. *Организованный терроризм и организованная преступность*. Отв. ред. А.И. Долгова. 2002. М.: Российская криминологическая ассоциация. 128 с.
6. Евдокимов, К. Н. 2020. Самодетерминация компьютерной преступности в условиях ее трансформации в технотронную преступность. – *Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции*. Отв. редактор Е.М. Якимова. Иркутск: Байкальский государственный университет. С. 26–33.
7. Крылов Д.О., Малюгина А.В. 2017. К вопросу о терминологии в сфере киберпреступности (на материале английского языка). – *Международный студенческий научный вестник*. № 1. Доступ: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16836> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Винер Н. 2019. *Кибернетика и общество*. М.: Издательство АСТ. 228 с.
9. Петрова И.А., Лобачев И.А. 2020. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств. – *Журнал прикладных исследований*. №1. С.52–62.
10. Склярлов С.В., Евдокимов К.Н. 2016. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации. – *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. Т. 10. №2. С. 322–330. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).322-330
11. Селиванов Н. А. 1993. Проблемы борьбы с компьютерной преступностью. – *Законность*. № 8. С. 36–40.
12. Bosler A.M., Berenblum T. 2019. Introduction: new directions in cybercrime research. – *Journal of Crime and Justice*. Vol. 42. Issue 5. P. 495–499. DOI: <https://doi.org/10.1080/0735648X.2019.1692426>
13. Choi K.S., Lee J.R. 2017. Theoretical analysis of cyber-interpersonal violence victimization and offending using cyber-routine activities theory. – *Computers in Human Be-*

- havior*. Vol. 73 P. 394–402. DOI: 10.1016/j.chb.2017.03.061
14. DiMasi J.A., Hansen R.W., Grabowski H.G. 2003. The Price of Innovation: New Estimates of Drug Development Costs. – *Journal of Health Economics*. Vol. 22. Issue 2. P. 151–185. DOI:10.1016/S0167-6296(02)00126-1
  15. Furnell S.M. 2001. Categorising cybercrime and cybercriminals: The problem and potential approaches. – *Journal of Information Warfare*. Vol. 1. Issue 2. P. 35–44.
  16. Goodman M.D., Brenner S.W. 2002. The Emerging Consensus on Criminal Conduct in Cyberspace. – *International Journal of Law and Information Technology*. Vol. 10. Issue 2. P. 139–223. DOI: 10.1093/ijlit/10.2.139
  17. Gordon S., Ford R. 2006. On the Definition and Classification of Cybercrime. – *Journal in Computer Virology*. Vol. 2. Issue 1. P. 139–223. DOI: 10.1007/s11416-006-0015-z
  18. Grabosky P.N. 2001. Virtual Criminality: Old Wine in New Bottles. – *Social & Legal Studies*. Vol. 10. Issue 2. P. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.1177/a017405>
  19. Ilievski A. 2016. An Explanation of the Cybercrime Victimisation: Self-Control and Lifestyle/ Routine Activity Theory. – *Innovative Issues and Approaches in Social Sciences*. Vol. 9. Issue 1. P. 30–47. DOI: 10.12959/issn.1855-0541.IIASS-2016- № 1-art02
  20. Madriaza P. [et al.]. 2018. *6th International Report on Crime Prevention and Community Safety: Preventing Cybercrime*. Montréal: International Centre for Prevention of Crime. 161 p.
  21. Moore R. 2014. *Cybercrime: Investigating High-Technology Computer Crime*. New York: Routledge Publ. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315721767>
  22. Parker D.B. 1983. *Fighting Computer Crime: A New Framework for Protecting Information*. New York: John Wiley & Sons, Inc. 512 p.
  23. Parker D.B. 1989. *Computer crime Criminal Justice Resource Manual*. Cambridge, Mass.; Department of Justice. 223 p.
  24. Shinder D.L. Cross M. 2008. *Scene of the Cybercrime*. 2nd ed. Burlington, MA : Syngress Pub. 732 p.
  25. Wall D. 2007. *Cybercrime: The Transphormation of Crime in the Information Age*. Cambridge: Polity Press. 288 p.
  26. Yar M. 2005. The Novelty of «Cybercrime»: an Assessment in Light of Routine Activity Theory. – *European Journal of Criminology*. Vol. 2. Issue 4. P. 407–427. DOI: <https://doi.org/10.1177/147737080556056>
  - 0735648X.2019.1692426
  4. Buz S. I. Kiberprestupleniya: ponyatie, sushchnost' i obshchaya kharakteristika [Cyber crimes: concept, essence and general characteristic]. – *Yurist-Pravoved*. 2019. No. 4. P.78–82. (In Russ.)
  5. Choi K.S., Lee J.R. Theoretical analysis of cyber-interpersonal violence victimization and offending using cyber-routine activities theory. – *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 73 P. 394–402. DOI: 10.1016/j.chb.2017.03.061
  6. DiMasi J.A., Hansen R.W., Grabowski H.G. The Price of Innovation: New Estimates of Drug Development Costs. – *Journal of Health Economics*. 2003. Vol. 22. Issue 2. P. 151–185. DOI:10.1016/S0167-6296(02)00126-1
  7. Evdokimov, K. N. Samodeterminatsiya komp'yuternoi prestupnosti v usloviyakh ee transformatsii v tekhnotronnyuyu prestupnost' [Self-determination of Computer Crime in the Conditions of its Transformation into Technotronic Vrieme]. – *Pravovye sredstva obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Otv. redaktor E.M. Yakimova [Legal Means of Ensuring the National Security of the Russian Federation: history and modernity. Materials of the international scientific and practical conference. Ed. by E.M. Yakimova]. Irkutsk: Baikal'skii gosudarstvennyi universitet Publ. 2020. P. 26–33. (In Russ.)
  8. Furnell S.M. Categorising cybercrime and cybercriminals: The problem and potential approaches. – *Journal of Information Warfare*. 2001. Vol. 1. Issue 2. P. 35–44.
  9. Goodman M.D., Brenner S.W. The Emerging Consensus on Criminal Conduct in Cyberspace. – *International Journal of Law and Information Technology*. 2002. Vol. 10. Issue 2. P. 139–223. DOI: 10.1093/ijlit/10.2.139
  10. Gordon S., Ford R. On the Definition and Classification of Cybercrime. – *Journal in Computer Virology*. 2006. Vol. 2. Issue 1. P. 139–223. DOI: 10.1007/s11416-006-0015-z
  11. Grabosky P.N. Virtual Criminality: Old Wine in New Bottles. – *Social & Legal Studies*. 2001. Vol. 10. Issue 2. P. 243–249. DOI: <https://doi.org/10.1177/a017405>
  12. Ilievski A. An Explanation of the Cybercrime Victimisation: Self-Control and Lifestyle/ Routine Activity Theory. – *Innovative Issues and Approaches in Social Sciences*. 2016. Vol. 9. Issue 1. P. 30–47. DOI: 10.12959/issn.1855-0541.IIASS-2016- № 1-art02
  13. Krylov D.O., Malyugina A.V. K voprosu o terminologii v sfere kiberprestupnosti (na materiale angliiskogo yazyka) [On the Issue of Terminology in the Field of Cybercrime (based on the material of the English language)]. – *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*. 2017. No. 1. (In Russ.). URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16836> (accessed 15.05.2021)
  14. Madriaza P. [et al.]. *6th International Report on Crime Prevention and Community Safety: Preventing Cybercrime*. Montréal: International Centre for Prevention of Crime. 2018. 161 p.
  15. Moore R. *Cybercrime: Investigating High-Technology Computer Crime*. New York: Routledge Publ. 2014. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315721767>
  16. *Organizovannyi terrorizm i organizovannaya prestupnost'*. Otv. red. A.I. Dolgova [Organized Terrorism and Organized Crime. Ed. by A.I. Dolgova]. Moscow: Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya Publ. 2002. 128 p. (In Russ.)
  17. Parker D.B. *Computer crime Criminal Justice Resource Manual*. Cambridge, Mass.; Department of Justice. 1989. 223 p.

References

1. Baturin Yu.M., Zhodzishskii A.M. *Komp'yuternaya prestupnost' i komp'yuternaya bezopasnost'* [Computer Crime and Computer Security]. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ. 1991. 160 p. (In Russ.)
2. Boiko O.A. Ponyatie "kiberprestupnost'": osnovnye definitsii [The Concept of Cybercrime: the main definitions]. – *Ugolovnaya yustitsiya: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika. Sbornik materialov VIII Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov* [Criminal Justice: legislation, theory and practice. Collection of materials of the VIII Republican Scientific and Practical Conference of students, undergraduates and postgraduates]. Brest: BrGU imeni A.S. Pushkina. 2017. P. 123–126. (In Russ.)
3. Bosler A.M., Berenblum T. Introduction: new directions in cybercrime research. – *Journal of Crime and Justice*. 2019. Vol. 42. Issue 5. P. 495–499. DOI: <https://doi.org/10.1080/>

18. Parker D.B. *Fighting Computer Crime: A New Framework for Protecting Information*. New York: John Wiley & Sons, Inc. 1983. 512 p.
19. Petrova I.A., Lobachev I.A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoi (tsifrovoy) informatsii: diskussionnye voprosy opredeleniya ponyatiya, ob'ekta ugolovno-pravovoi okhrany i predmeta posyagatel'stv [Crimes in Sphere of Computer (Digital) Information: debatable issues of definition of the concept, object of criminal legal protection and subject of encroachments]. – *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*. 2020. No. 1. P. 52-62. (In Russ.)
20. Selivanov N. A. Problemy bor'by s komp'yuternoi prestupnost'yu [Problems of Combating Computer Crimes]. – *Zakonost'*. 1993. No. 8. P. 36-40. (In Russ.)
21. Shinder D.L. Cross M. *Scene of the Cybercrime*. 2nd ed. Burlington, MA : Syngress Pub. 2008. 732 p.
22. Sklyarov S.V., Evdokimov K.N. Sovremennye podkhody k opredeleniyu ponyatiya, struktury i sushchnosti komp'yuternoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii [Modern Approaches to the Concept, Structure and Nature of Computer Crime in the Russian Federation]. – *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 322-330. (In Russ.). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).322–330
23. Vekhov V. B. *Komp'yuternye prestupleniya: Sposoby soversheniya, metodiki rassledovaniya* [Computer crimes: methods of commission, methods of investigation]. Moscow: Pravo i zakon Publ. 1996. 182 p. (In Russ.)
24. Wall D. *Cybercrime: The Transphormation of Crime in the Information Age*. Cambridge: Polity Press. 2007. 288 p.
25. Wiener N. The Human Use of Human Beings (Russ. ed.: Wiener N. *Kibernetika i obshchestvo*. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ. 228 p.)
26. Yar M. The Novelty of «Cybercrime»: an Assessment in Light of Routine Activity Theory. – *European Journal of Criminology*. 2005. Vol. 2. Issue 4. P. 407-427. DOI: <https://doi.org/10.1177/147737080556056>

Информация об авторе

Ляйсян Маратовна Старкова,
 ассистент кафедры международного права,
 Астраханский государственный университет

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева,
 д. 20а

5leska5@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-4411-6510

About the Author

Lyasyan M. Starkova,
 Assistant at the Department of International Law,
 Astrakhan State University

20 A, Tatishchev street, Astrakhan, Russian Federation,
 414056

5leska5@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-4411-6510

Игорь Олегович АНИСИМОВ

Дипломатическая академия МИД России

Остоженка ул., д. 53 / 2, стр.1, Москва, 119021, Российская Федерация

i-anisimov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6575-6381

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ И ПЕРЕДАЧИ МОРСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

ВВЕДЕНИЕ. Во второй половине XX в. перед экспертами встал ряд неотложных задач, в частности: обеспечение доступа развивающихся государств к живым и неживым ресурсам Мирового океана, защита морской экологии, расширение юрисдикции прибрежных государств и разграничение морских пространств. Указанные проблемы стали официальным поводом для созыва III Конференции ООН по морскому праву. Также в повестку дня конференции был включен вопрос о передаче морских технологий. В ходе длительных переговоров была выработана часть XIV «Разработка и передача морской технологии» Конвенции ООН по морскому праву, которая стала основой международно-правового режима передачи морских технологий. Автор рассматривает различные международно-правовые аспекты проблемы передачи морских технологий, значимость данного института для международного сообщества. Цель представленного исследования состоит в комплексном анализе международно-правового режима разработки и передачи морских технологий на основе изучения соответствующих международно-правовых актов и документов, выявлении международно-правовых проблем. В качестве основных задач выделяются: выявление предпосылок международно-правового регулирования разработки и передачи морских технологий, анализ положений соответствующих международно-правовых

актов, рассмотрение механизма передачи морских технологий, разработанного Межправительственной океанографической комиссией ЮНЕСКО (далее – МОК ЮНЕСКО).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основой настоящего исследования являются положения международно-правовых актов в области морского права, документы МОК ЮНЕСКО в сфере передачи морских технологий, а также труды отечественных и зарубежных специалистов в области морского права. В качестве основной методологии исследования использовался сравнительно-правовой анализ, формально-юридический, формально-логический и системный методы, методы анализа и обобщения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате представленного исследования выявлены предпосылки международно-правового регулирования разработки и передачи морских технологий, проведено разграничение сфер регулирования Конвенции ООН по морскому праву, Соглашения об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву и Критериев и руководящих принципов передачи морских технологий МОК ЮНЕСКО. Проведен детальный анализ современного международно-правового режима разработки и передачи морских технологий и механизма передачи, разработанного МОК ЮНЕСКО. Выявлен ряд проблем в международно-правовом регулировании данной сферы, предложены

пути повышения эффективности такого регулирования.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В ходе исследования автор приходит к выводу, что механизм международно-правового регулирования разработки и передачи морских технологий нуждается в дальнейшем совершенствовании, а Критерии и руководящие принципы передачи морских технологий МОК ЮНЕСКО требуют внесения соответствующих изменений и дополнений. Автор не только выявляет конкретные проблемы международно-правового режима разработки и передачи морских технологий, но и предлагает пути их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морские технологии, Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО, международный район морского дна, разведка и разработка ресурсов, глубоководные исследования, развивающиеся государства, Мировой океан

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Анисимов И.О. 2021. Некоторые международно-правовые вопросы разработки и передачи морских технологий. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 136–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-136-147>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

Research article
Received 7 September 2021
Approved 23 November 2021

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-136-147>

Igor O. ANISIMOV

The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021
i-anisimov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6575-6381

SOME INTERNATIONAL LEGAL ISSUES IN THE DEVELOPMENT AND TRANSFER OF MARINE TECHNOLOGIES

INTRODUCTION. *In the second half of the 20th century, the expert was faced with a number of urgent tasks, in particular: ensuring access of states to living and non-living resources of the World Ocean, protecting marine ecology, expanding the jurisdiction of states-states and delimiting maritime spaces. These problems became the official reason for convening the III Conference on the Law of the Sea. Also on the agenda of this conference is the issue of the transfer of marine technology. In the course of lengthy negotiations on the elaborated part XIV "Development and transfer of marine technologies" of the Convention on the Law of the Sea, which is used by the international legal regime for the transfer of marine technology. The author examines various international legal aspects of the problem of transfer of marine technologies,*

the importance of this institution for the international community. The purpose of the presented study is a comprehensive analysis of the international legal regime for the development and transfer of marine technologies based on the study of the relevant international legal acts and documents, identification of international legal problems. The main tasks are: identification of the prerequisites for the need for international legal regulation of the development and transfer of marine technologies, analysis of the provisions of the relevant international legal acts, consideration of the mechanism for the transfer of marine technologies developed by the UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission.

MATERIALS AND METHODS. *The basis of this study is the provisions of international legal acts in the*

field of maritime law, documents of the UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission in the field of transfer of marine technologies, as well as the works of domestic and foreign experts in the field of maritime law. Comparative legal analysis, formal legal, formal logical and systemic methods, methods of analysis and generalization were used as the main research methodology.

RESEARCH RESULTS. As a result of the presented study, the prerequisites for the international legal regulation of the development and transfer of marine technologies were identified, the delineation of the areas of regulation of the UN Convention on the Law of the Sea, the Agreement on the Implementation of Part XI of the UN Convention on the Law of the Sea and the UNESCO IOC Criteria and Guidelines for the Transfer of Marine Technologies. A detailed analysis of the modern international legal regime for the development and transfer of marine technologies and the transfer mechanism developed by the UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission was carried out. A number of problems in the international legal regulation of this area have been identified, and ways to improve the efficiency of such regulation have been proposed.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. In the course of the study, the author concludes that the mechanism of international legal regulation of the development and transfer of marine technologies needs further improvement, and the UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission Criteria and Guidelines for the Transfer of Marine Technologies require appropriate amendments and additions. The author not only identifies specific problems of the international legal regime for the development and transfer of marine technologies, but also suggests ways to solve them.

KEYWORDS: marine technology, UNESCO Intergovernmental Oceanographic Commission, international seabed area, exploration and development of resources, deep-water explorations, developing states, World Ocean

FOR CITATION: Anisimov I.O. Some International Legal Issues in the Development and Transfer of Marine Technologies. – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 4. P. 136–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-136-147>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Морские технологии играют важную роль в жизни человечества. Нужно отметить ценный вклад этих технологий в сохранение морской экосистемы и морских биологических ресурсов, изучение и добычу морских генетических ресурсов [Walløe Tvedt 2020:238254]¹, поддержание продовольственной безопасности² и развитие фармакологической отрасли³. Особую роль морские технологии играют в жизни прибрежных районов развивающихся государств [Anisimov, Gulyaeva 2021:184–201] в морской перевозке грузов [Скаридов 2020:4–7] и обеспечении международных коммуникаций [Law of the Sea...2015:723–749]. Важность содей-

ствия развитию и передаче морских технологий слаборазвитым и развивающимся государствам была подтверждена на таких международных конференциях, как «РИО+20», Конференции ООН по малым островным развивающимся государствам, а также в документах Открытой рабочей группы по Целям устойчивого развития и многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН.

Стоит отметить, что, хотя право равного доступа к морским ресурсам и упоминается регулярно в контексте исключительно «морских» аспектов международного взаимодействия [Baselines...2019:56–57], международно-правовой режим разработки и передачи морских технологий затрагивает широкий круг межгосудар-

¹ См. также: Cremers K., Wright G., Rochette J. UN discussions on marine genetic resources shape the future of marine biotechnology. – *BLOG POST*. April 29, 2020. URL: <https://www.iddri.org/en/publications-and-events/blog-post/un-discussions-marine-genetic-resources-shape-future-marine> (accessed 12.08.2021).

² Подробнее см.: Специализированные международные документы, регулирующие доступ к генетическим ресурсам и совместное использование выгод, в контексте п. 4 ст. 4 Нагойского протокола от 13 июля 2020 г. С. 9–10. Доступ: <https://www.cbd.int/doc/c/7a88/d9a1/47363dfc548ba1f554063fa7/sbi-03-14-ru.docx> (дата обращения: 31.03.2021).

³ UN: Goal 14: Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/oceans/> (accessed 31.03.2021).

ственных отношений. Прогрессивное развитие международного права в данной области будет способствовать повышению эффективности правового регулирования в таких сферах, как экономика, информационно-коммуникационные технологии, безопасность, недропользование и морская (подводная) археология.

Вплоть до начала XXI века⁴ не существовало специализированного международного документа, который был бы посвящен регулированию разработки, передачи и использования морских технологий. Вместе с тем Конвенция ООН по морскому праву, принятая в 1982 г., заложила основу для формирования современного международно-правового режима разработки и передачи морских технологий.

Учитывая небольшое количество научных работ, преимущественно зарубежных авторов, посвященных данной тематике, представляется актуальным проведение дополнительных научных исследований, направленных на изучение как международно-правового режима, так и механизма передачи морских технологий.

2. Предпосылки международно-правового регулирования разработки и передачи морских технологий

Развитие научно-технического прогресса в 1950–1970-е гг. стимулировало появление новых форм освоения и использования пространств и ресурсов Мирового океана. Отмечается, что совершенствование технологий по добыче морских ресурсов уже с 1960-х гг. сделало район открытого моря крайне перспективным с точки зрения добычи различных минералов [Rothwell, Stephens 2016:608]. Появление возможностей для проведения глубоководных исследований способствовало развитию новых научных знаний об океанических процессах и появлению подводной археологии. Расширение практики проведения научных исследований позволило выявить залежи полезных ископаемых не только в недрах шельфовых зон, но и в глубоководных районах морского дна. Необходимость международно-правового регулирования разведки и разработки морских ресурсов обусловила принятие соответствующих международно-правовых актов.

Так, в Конвенции о континентальном шельфе, принятой в 1958 г., был установлен критерий «эксплуатативности» [Гудев 2014:22]. Ст. 1 данной Конвенции относит к шельфу поверхность и недра морского дна в районах, примыкающих к берегу континента или острова, но находящихся вне зоны территориальных вод до глубины 200 м или же за этим пределом до того места, *до которого глубина позволяет разработку*⁵.

Это привело к тому, что развивающиеся государства обеспокоились тем, что все ресурсы Мирового океана будут поделены между технологически развитыми морскими государствами. Данная проблема имела важное значение с учетом того, что ущемление интересов развивающихся государств на морских пространствах было актуальным еще задолго до появления современных морских технологий [Вербовой, Шлыков 2018:92–97]. В этой связи также стоит упомянуть, что принцип доступности морских ресурсов всем потенциальным пользователям обосновывался еще самим Гуго Гроцием, что нашло отражение и в работах современных ученых и экспертов [Klein 2011; Law of the Sea...2015:18–47].

Так в 1967 г. посол Мальты Арвид Пардо предложил объявить морское дно за пределами национальной юрисдикции частью «общего наследия человечества». Для того чтобы исключить преобладание морских держав в процессе эксплуатации морского дна, в 1970 г. Резолюцией №2749 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН была принята Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и их недр за пределами действия национальной юрисдикции. Именно этот документ стал первым международно-правовым актом, который создал базовые предпосылки по предоставлению равного доступа развитых и развивающихся государств к морским ресурсам и к технологиям, направленным на их разведку и разработку [Мирзай 2016:162–168].

Первые три положения данной Декларации, позднее включенные в текст Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) с незначительными изменениями, устанавливают, что:

«1. Дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции, а

⁴ Имеется в виду принятие Критериев и руководящих принципов МОК ЮНЕСКО по передаче морских технологий в 2005 г.

⁵ Здесь и далее – курсив автора.

также ресурсы этого района являются общим достоянием человечества.

2. Этот район не подлежит присвоению каким бы то ни было образом государствами или лицами, физическими или юридическими, и ни одно государство не будет претендовать на осуществление суверенитета или суверенных прав над любой частью этого района или осуществлять их.

3. Никакое государство или лицо, физическое или юридическое, не будет претендовать на права, осуществлять или приобретать права в отношении этого района или его ресурсов, несовместимые с международным режимом, который должен быть установлен, и принципами настоящей Декларации»⁶.

Для того чтобы повысить эффективность режима, предусмотренного Декларацией 1970 г., возникла необходимость установить порядок быстрой и эффективной передачи морских технологий другим государствам «на справедливых и равных условиях».

Вопрос передачи морских технологий был включен в повестку дня III Конференции ООН по морскому праву. В ходе длительных переговоров была выработана часть XIV «Разработка и передача морской технологии».

3. Современный международно-правовой режим разработки и передачи морских технологий

В настоящий момент использование морских технологий регулируется Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и Критериями и руководящими принципами передачи морских технологий МОК ЮНЕСКО 2005 г. (далее – Критерии МОК). Отдельные положения, касающиеся морских технологий, содержатся и в Соглашении об осуществлении части XI Конвенции ООН по морскому праву 1994 г. (далее – Соглашение 1994 г.).

3.1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

Как уже отмечалось ранее, основные положения, касающиеся морских технологий, содержатся в части XIV Конвенции 1982 г. «Разработка и передача морской технологии».

Так, ч. 2. ст. 266 Конвенции 1982 г. устанавливает, что «Государства содействуют развитию морского научно-технического потенциала государств, которые могут нуждаться в технической помощи в этой области и просить об ее оказании, в частности, развивающихся государств, включая государства, не имеющие выхода к морю или находящиеся в географически неблагоприятном положении, в том что касается разведки, разработки и сохранения морских ресурсов и управления ими, защиты и сохранения морской среды, морских научных исследований и другой деятельности в морской среде, совместимой с настоящей Конвенцией, с целью ускорения социально-экономического развития развивающихся государств».

Как отмечают отдельные специалисты, принудительный механизм передачи знаний и технологий может стать удобной почвой для разного рода провокаций. Например, отдельные государства могут специально инициировать судебные разбирательства с помощью признанного США Арбитража / Специального Арбитража для того, чтобы получить доступ к морским технологиям⁷.

Кроме того, в Конвенции 1982 г. не установлены гарантии относительно того, что полученные этими государствами средства будут использоваться для: технологического прорыва в области эксплуатации ресурсов Мирового океана; сохранения морской окружающей среды; реализации каких-либо гуманитарных или общественно-значимых проектов [Гудев 2014:118].

Часть 3 рассматриваемой статьи устанавливает, что государства стремятся содействовать созданию благоприятных экономических и правовых условий для передачи на справедливой

⁶ Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции от 17 декабря 1970 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/seabed_principles.shtml (дата обращения: 21.12.2019).

⁷ Prepared Statement of Frank J. Gaffney, Jr., President and CEO, Center for Security policy, Washington, DC. – *The United Nations Convention on the Law of the Sea (Treaty doc. 103-39): hearings before the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Tenth Congress*. September 27 and October 4, 2007. P. 86. URL: http://www.fas.org/irp/congress/2007_hr/lots.pdf. (accessed 31.03.2021).

основе морской технологии на благо всех заинтересованных сторон.

Как видно из анализа ст. 266 Конвенции 1982 г., понятие «морской технологии» в ней не определено. Более того, Конвенция не устанавливает, что означают «благоприятные экономические и правовые условия» и каковы «справедливые условия передачи морской технологии».

Термин «развивающиеся государства» также не имеет четкого определения ни в международном праве, ни в экономике, в том числе потому, что в основе критериев определения «развивающегося государства» лежат различные экономические и социальные параметры⁸.

В этой связи необходимо отметить цели межгосударственного сотрудничества в области разработки и передачи морских технологий. А именно:

- приобретение, оценка и распространение морских технических знаний и облегчение доступа к такой информации и данным;
- развитие морской технологии и необходимой технологической инфраструктуры для облегчения передачи морской технологии;
- подготовка людских ресурсов путем профессионального обучения и образования граждан развивающихся государств, в особенности наименее развитых государств;
- международное сотрудничество на всех уровнях⁹.

Для того чтобы достичь указанных выше целей, Конвенция 1982 г. предлагает учреждать специальные программы, содействовать заключению соглашений, обмену учеными и экспертами, осуществлять проекты и поощрять все формы международного сотрудничества.

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие конкретных международно-правовых норм, в практике реализации Конвенции 1982 г. появилась устойчивая тенденция по передаче технологий в области рыболовства и охраны окружающей среды развивающимся государствам на безвозмездной основе и исключительно

на рыночных условиях – технологий, касающихся разведки и разработки ресурсов морского дна¹⁰.

Эта практика частично была отражена в Соглашении 1994 г. Так, раздел 5 Соглашения устанавливает, что «предприятие, а также развивающиеся государства, желающие приобрести технологию глубоководной разработки морского дна, стремятся приобрести такую технологию на справедливых и разумных коммерческих условиях»¹¹. Речь, таким образом, идет не о бесплатной передаче технологии, а о ее *приобретении* [Гурев, Зенкин, Иванов 2011:182].

В ст. 274 Конвенции 1982 г. установлены обязательства Международного органа по морскому дну, связанные с обеспечением доступа к технической документации, устройствам, процессу, а также оказанием иной помощи, в том числе путем финансирования, развивающимся государствам.

Однако принятие Соглашения 1994 г. фактически отменило непосредственное финансирование деятельности в Районе в интересах развивающихся государств и обязательства по бесплатной передаче технологий.

Отдельные положения, касающиеся морских технологий, были освещены и в других частях Конвенции 1982 г. Так, ч. 4 ст. 62 «Использование живых ресурсов» устанавливает, что прибрежное государство вправе принимать законы и правила для граждан других государств, которые ведут рыбный промысел в его исключительной экономической зоне. «Эти законы и могут касаться <...> лицензирования рыбаков, рыболовных судов и оборудования, включая взимание сборов и другие формы оплаты, которые в отношении развивающихся прибрежных государств могут представлять собой адекватную компенсацию в виде <...> оборудования и технологии, относящихся к рыбной промышленности».

Отдельные аспекты передачи и использования морских технологий отражены в части XI «Район» и части XII «Защита и сохранение мор-

⁸ Вместе с тем в рамках ООН существует «Группа 77» – объединение развивающихся государств, состав которого неоднократно менялся.

⁹ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., ст. 286. Доступ: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁰ Носиков А.Н. Современные тенденции развития правового режима Международного района морского дна. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2010. С.80.

¹¹ Соглашение об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml (дата обращения: 15.08.2021).

ской среды», а также в Приложениях III «Основные условия поиска, разведки и разработки» и IV «Устав Предприятия».

Несмотря на то, что термин «морские технологии» встречается по всему тексту Конвенции 1982 г., его четкого определения в ней не дается. Лишь представлен краткий перечень того, что может подпадать под термин «технология». В Соглашении об осуществлении части XI 1994 г. не предусмотрено ни определения технологий, ни их перечня.

Такая фрагментация положений о морских технологиях¹², пересмотр режима международного района морского дна в Соглашении об осуществлении Части XI Конвенции ООН по морскому праву 1994 г., а также появление и распространение новых информационных технологий в морской деятельности обосновали необходимость пересмотра и унификации правил их передачи. Так, в 2005 г. Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО приняла свод правил – Критерии и руководящие принципы передачи морских технологий.

3.2. Критерии и руководящие принципы передачи морских технологий МОК ЮНЕСКО 2005 г.

Данный документ не имеет императивного характера, однако унифицирует и дополняет правила разработки и передачи морских технологий, которые были установлены в ранее упомянутых документах. Кроме того, в нем представлен краткий обзор эволюции этих правил, начиная с 1967 г.

Особенностью Критериев МОК является унифицированное определение морской технологии, под которой понимаются *инструменты, оборудование, суда, а также процедуры и методы, необходимые для получения и использования информации, с целью совершенствования изучения и освоения природы и ресурсов океана и прибрежных районов*. Морская технология включает в себя:

– информацию и данные в удобном для пользователя формате о морских науках и связанных с ними морских операциях и услугах;

– инструкции, руководства, критерии, стандарты, справочные материалы;

– оборудование для отбора проб и методологическое оборудование (для проб воды, геологических, биологических и химических образцов);

– средства наблюдения и оборудование (оборудование для дистанционного зондирования, буи, датчики приливов, корабельные и другие средства наблюдения за океаном);

– оборудование для наблюдения, анализа и экспериментов *in situ* или в лабораторных условиях;

– компьютеры и программное обеспечение, включая модели и технологии моделирования;

– экспертизы, знания, навыки, технические / научные / юридические ноу-хау и аналитические методы, связанные с морскими научными исследованиями и наблюдением¹³.

Обобщая вышеизложенное, автор предлагает понимать морские технологии в широком и узком смысле. Так, морскими технологиями в широком смысле автор считает совокупность технических средств и методов, применяемых с целью эффективного освоения ресурсов Мирового океана. В узком смысле – совокупность технических средств и методов, применяемых с целью организации и проведения морских научных исследований.

Критерии МОК предусматривают условия передачи вышеперечисленных технологий и развернутый план по их внедрению.

Установлено, что передача морских технологий должна позволить всем заинтересованным сторонам на справедливой основе получать выгоду от деятельности, связанной с морской наукой, в частности, деятельности, направленной на стимулирование социальных и экономических преобразований в развивающихся государствах. При этом надо соблюдать следующие условия:

1. Разработать конкретные правовые, институциональные, финансовые и научные схемы, чтобы упростить и ускорить передачу морских технологий на национальном, региональном или субрегиональном уровнях.

¹² UN International Law Commission: Report of the Study Group "Fragmentation of International Law: Difficulties arising from the Diversification and Expansion of International Law", finalized by Martti Koskenniemi. April 13, 2006. P. 89. URL: <https://undocs.org/en/A/CN.4/L.682> (accessed 12.01.2021).

¹³ Intergovernmental Oceanographic Commission of UNESCO: IOC Criteria and Guidelines on the Transfer of Marine Technology. P.9. URL: https://www.scor-int.org/SCOR_CB/CB-Bremen/IOC_Tech_Transfer.pdf (accessed 15.08.2021).

2. Осуществлять передачу морских технологий на справедливых и разумных условиях.

Как правило, такая передача должна осуществляться *бесплатно* или по *сниженной стоимости* в пользу страны-получателя. Однако уже в ст. 27 Критериев МОК приводится положение из резолюции XXII-12 МОК, которое устанавливает, «что при любой передаче морской технологии необходимо учитывать способность государства-получателя *оплатить* такую передачу». Это положение вносит еще больше противоречий в регулирование данной сферы, т. к. не понятно, о платежеспособности каких государств идет речь. Если подразумеваются развитые государства, то это положение представляется излишним, т. к. оплачивать передачу технологий они будут на рыночных условиях. Если же речь идет о развивающихся государствах и государствах, имеющих неблагоприятное географическое положение, то это противоречит смыслу части XIV Конвенции 1982 г.

3. При передаче морских технологий соответствующее внимание должно быть уделено:

- потребностям и интересам развивающихся государств, особенно не имеющих выхода к морю и находящихся в неблагоприятном географическом положении, а также других развивающихся государств, которые не смогли создать или развить свой собственный потенциал в области морских наук, научных исследований, наблюдений за океанами и прибрежными районами или иные подобные технологии и инфраструктуры, необходимые для достижения таких целей;
- другим законным интересам, включая, в частности, права и обязанности владельцев, поставщиков и получателей морских технологий;
- важности передачи *экологически чистых технологий*.

4. Передача морских технологий должна в полной мере использовать новые, существующие или потенциальные схемы сотрудничества, включая совместные предприятия и партнерства между государствами-членами, соответствующими международными организациями, правительственными и неправительственными организациями и / или частными компаниями.

Особый интерес с организационно-правовой точки зрения представляет раздел Критериев МОК «Руководящие принципы для имплементации». Установлено, что МОК является компетентной организацией в сфере содействия и упрощения передачи морской технологии, мо-

жет осуществлять консультации с соответствующими международными, правительственными и неправительственными организациями, а также иными сторонами. С этой целью МОК выступает координатором при передаче морской технологии, с тем чтобы предоставить заинтересованным сторонам прямой и быстрый доступ к релевантным источникам информации, практике, научному и техническому опыту, касающимся передачи морской технологии, а также чтобы упростить эффективное научное, техническое и финансовое сотрудничество для этих целей.

Механизм посредничества включает в себя следующие компоненты, доступ к которым должен быть обеспечен наиболее эффективными средствами:

- составление перечня правительственных, неправительственных или частных организаций, заинтересованных в том, чтобы быть поставщиками морской технологии;
- оценка потенциала проектов или инициатив, связанных с передачей морских технологий;
- оценка источников, доступности и в конечном итоге стоимость морской научной и технологической информации и данных для передачи в разных областях морских наук;
- составление перечня морских исследовательских институтов, которые предлагают лаборатории, оборудование и возможности для исследования и обучения;
- предложения круизных исследований на глобальном и субрегиональном уровнях;
- формирование списка имеющихся экспертов / специалистов, которые могут оказывать научную и техническую помощь;
- привлечение университетов и других организаций, предлагающих учебные гранты и материальные средства для изучения морских наук;
- проведение совещаний, семинаров и учебных курсов на глобальном, региональном и субрегиональном уровне, в особенности тех, которые предлагают финансовую помощь;
- изучение национальных, субрегиональных и региональных норм и правил, а также судебной практики, касающихся передачи морских технологий и морских научных исследований;
- осуществление связи с национальными, субрегиональными и / или региональными соглашениями, институтами и центрами, владеющими информацией, опытом и техническими экспертизами научной значимости для соответствующего региона.

Подводя итог вышеизложенному, «передачу» можно определить как предоставление морской технологии государствам, их органам или уполномоченным лицам для временно-го или постоянного использования в морской деятельности.

4. Механизм МОК ЮНЕСКО по передаче морских технологий

Несмотря на наличие каналов для передачи технологий на двустороннем, многостороннем, субрегиональном и региональном уровнях, любое государство-участник может подать Заявление на передачу морских технологий (ТМТА), которое представлено в Приложении к Критериям МОК, в Секретариат.

После получения ТМТА, Секретариат МОК изучает его, консультируется с сотрудниками МОК, научными и техническими вспомогательными органами МОК, при необходимости – с отдельными специалистами. Такое рассмотрение направлено на:

- определение в разумные сроки поставщика морской технологии, отвечающего требованиям ТМТА;
- разработку возможных схем сотрудничества, которые могут повысить эффективность передачи технологий.

После рассмотрения ТМТА Секретариат МОК принимает решение либо о ее передаче указанному поставщику технологии, либо о содействии контактам между поставщиком и получателем технологии для своевременного заключения соглашения на справедливых и разумных условиях.

Кроме того, Секретариат МОК имеет право оказывать по запросу поставщика или получателя техническую помощь для реализации Проекта передачи морских технологий. Такая помощь может включать предоставление:

- экспертных миссий;
- технического обучения;
- оценки результатов Проекта в течение двух лет после его завершения.

Также МОК содействует, при необходимости, участию ученых и / или экспертов из государства-получателя в научных учреждениях передающей стороны / сторон, связанных с развитием морских технологий и технологическими исследованиями. Финансирование такого участия должно обсуждаться поставщиком, получателем технологии и МОК.

Стоит отметить несколько проблем, связанных с самим Заявлением. Так ТМТА содержит всего шесть пунктов: «Информация о заявителе», «Юридическая природа заявителя», «Цель заявки», «Тип запрашиваемых морских технологий», «Запланированная или инициированная заявителем деятельность», «Другая актуальная информация».

Предполагается, что информации, предоставленной заявителем, может быть недостаточно для принятия адекватного решения Секретариатом МОК ЮНЕСКО об одобрении или отклонении ТМТА. Предлагается дополнить ТМТА несколькими пунктами, в частности: «Зона морского пространства, в которой планируется применять запрашиваемую морскую технологию», «Ожидаемые результаты применения технологии». Кроме того, если заявителем является негосударственная структура, то по аналогии с Приложением к Оперативным руководящим принципам к Конвенции об охране подводного культурного наследия 2001 г., необходимо указать краткое описание этой структуры.

Также из текста ТМТА непонятно, имеет ли право физическое лицо запрашивать технологии, т. к. в пункте «Юридическая природа заявителя», помимо правительственных учреждений, неправительственных организаций и частных организаций, предусмотрен подпункт «другое».

К недостаткам установленного механизма передачи технологии стоит отнести невозможность точного определения момента передачи технологии. Кроме того, возникает вопрос, кто будет нести ответственность за несвоевременное предоставление морской технологии. Это связано с тем, что МОК, являясь компетентным органом в данной области, выступает лишь в качестве посредника при передаче запрашиваемых технологий. Дальнейшее сотрудничество между поставщиком и получателем технологии оформляется дополнительными договорами и контрактами.

Решение указанных выше проблем стало бы важным шагом на пути к унификации международных правил разработки и передачи морских технологий.

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие конкретных международно-правовых норм, в практике реализации Конвенции 1982 г. появилась устойчивая тенденция по передаче технологий в области рыболовства и охраны окружающей среды на безвозмездной основе и исключительно на рыночных условиях – техно-

логий, касающихся разведки и разработки ресурсов морского дна. Наличие такой практики особенно важно с учетом того факта, что живые морские ресурсы составляют немногим меньше половины от общего рациона человечества [Орлова 2018:199–207]. Очевидно, что передача инновационных технологий в области рыболовства может в значительной степени способствовать решению проблемы пищевого обеспечения в некоторых развивающихся странах.

В качестве примеров передачи морской технологии можно привести обмен технологиями в рамках международных глобальных программ и проектов. Среди них можно отметить:

- Глобальную систему наблюдения за океаном (ГСНО);
- Систему глубоководных наблюдений (СГН).

Передача морских технологий развивающимся государствам происходит в рамках следующих региональных программ:

- МОКАФРИКА (Африка и прилегающие островные государства);
- МОКАРИБ (Карибский бассейн и прилегающие регионы);
- ВЕСТПАК (Западная часть Тихого океана);
- ИОСИНДИО (Центральная часть Индийского океана).

В рамках указанных региональных программ осуществляется передача морских технологий в области рыболовства, раннего предупреждения цунами, «голубой экономики», различных морских наук.

Сегодня передача морских технологий осуществляется в отношении островных государств Тихого океана в рамках проекта по сохранению морских биологических ресурсов [Harden-Davies 2016:260–267; Harden-Davies 2017:797–822]. Представляется, что разработка и передача морских технологий является необходимым компонентом сохранения и устойчивого использования биологических ресурсов за пределами национальной юрисдикции. С другой стороны, также важно отметить и экономическую значимость передачи морских технологий, их важность для промышленности ряда стран, не имеющих выхода к морю, о чем также упоминается в работах некоторых авторов [Tanaka 2019: 479–492].

Таким образом, механизм передачи морских технологий, установленный МОК ЮНЕСКО, в большей степени учитывает интересы развивающихся государств, особенно государств, имею-

щих неблагоприятное географическое расположение.

5. Заключение

Все проанализированные документы объединяет общий принцип – принцип сотрудничества государств. Все участники должны получать выгоду от такого сотрудничества (предусмотрено во всех документах). Конвенция 1982 г. устанавливает, что при передаче технологий особое внимание должно уделяться интересам развивающихся государств. Критерии МОК конкретизируют это положение. Установлено, что такие технологии могут быть переданы безвозмездно или «по сниженной стоимости». В то же время в Соглашении 1994 г. предусмотрено, что технологии по разведке и разработке природных ресурсов Района приобретаются на справедливых и разумных коммерческих условиях.

Стоит отметить, что вышеупомянутые документы отличаются сферой применения, т. к. охватывают разные технологии, и речь в них идет о разных зонах морского пространства. Сфера применения Конвенции 1982 г. универсальна, регулирует использование морских технологий во всех зонах морского пространства. Соглашение 1994 г. касается только технологий по разведке и разработке природных ресурсов и сохранению морской среды в Районе.

При этом Критерии МОК регулируют в основном передачу таких технологий, которые связаны с морскими исследованиями. МОК ЮНЕСКО играют ключевую роль в передаче технологий в области:

- разведки и разработки природных ресурсов;
- безопасности навигации;
- сохранения морской среды;
- предотвращения катастроф.

Исходя из смысла статей, делаем вывод, что Критерии МОК не касаются технологий по разведке и разработке природных ресурсов, а также связанных с подводной археологией. Кроме того, в Критериях МОК вообще не упоминаются зоны морского пространства. Вместо них употребляется словосочетание «океан и прибрежные районы».

Работа МОК в области передачи морских технологий крайне важна для поддержания международной безопасности, особенно если речь идет о технологиях, связанных с сохранением морской среды. Ряд исследователей отмечает, что биоло-

гическое разнообразие живых морских ресурсов жизненно важно для человечества [Ribeiro 2020:351–378], а потому существующие международно-правовые механизмы, в том числе в области передачи морских технологий, должны в полной мере соответствовать современным тенденциям по сохранению экологической целостности морских пространств.

Установлено, что особое внимание при передаче морских технологий в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Критериях МОК уделяется интересам развивающихся государств. Более того, в Критериях МОК подчеркивается важность передачи экологически-чистых технологий слабо развитым и развивающимся государствам, а также государствам, имеющим неблагоприятное географическое положение, что созвучно с Целями устойчивого развития.

Несмотря на то, что в Критериях МОК был уточнен ряд положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающихся разработки и передачи морских технологий, этот документ нуждается в пересмотре. В частности, необходима конкретизация критериев и условий передачи морских технологий как развитым, так и развивающимся государствам. Кроме того, из текста документа не ясно, к ка-

ким именно зонам морского пространства он применяется.

Заявление на передачу морских технологий также нуждается в уточнении и дополнении в части конкретизации зон морских пространств, где планируется применение технологии, и информации о заявителе. Это упростит процесс принятия решения о передаче запрашиваемой морской технологии соответствующим государствам.

Исходя из приведенных выше выводов, очевидно, что действующий международно-правовой режим разработки и передачи морских технологий нуждается в дальнейшем совершенствовании. Также важно отметить, что в последнее время имеет место возрастающая тенденция среди прибрежных государств по расширению прилегающих морских районов, которая может свидетельствовать о развитии и совершенствовании современных морских технологий, позволяющих вести добычу и разработку ресурсов в ранее недоступных местах [Becker-Weinberg 2014: 187–200]. Таким образом, проанализированный в данной статье международно-правовой режим передачи морских технологий, как и проблемы, связанные с ним, требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Вербовой О.И., Шлыков И.С. 2018. Нормы морского международного права и вопросы властных полномочий государств над морскими пространствами. – *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. № 1. С. 92–97.
2. Гудев П.А. 2014. *Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима*. М.: ИМЭМО РАН. 201 с.
3. Гуреев С.А., Зенкин Г.Г., Иванов Г.Г. 2011. *Международное морское право*. М.: Норма. 432 с.
4. Мирзаи С. 2016. Понятие общего наследия человечества в трактовке международного трибунала по морскому праву. – *Вестник ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция*. Т. 15. № 4. С. 162–168. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.25>
5. Орлова Е.С. 2018. Рыболовные споры в аспекте международных морских споров. – *Актуальные проблемы российского права*. № 9. С. 199–207. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.9.4.199-207>
6. Скаридов А.С. 2020. Актуальные проблемы международного и морского права. – *Океанский менеджмент*. № 3. С. 4–7.
7. Anisimov I.O., Gulyaeva E.E. 2021. Promoting the Development and Transfer of Marine Technologies as a Mechanism for Implementing the Sustainable Development Goals: International Legal Aspect. – *Revista Opinio Juridica*. Vol. 19. No. 32. P. 184–201. DOI: <http://dx.doi.org/10.12662/2447-6641oj.v19i32.p184-201.2021>
8. *Baselines under the International Law of the Sea*. Ed. by C.G. Lathrop, D.R. Rothwell and J.A. Roach. 2019. Leiden: Brill. 186 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004398146>
9. Becker-Weinberg V. 2014. *Joint Development of Hydrocarbon Deposits in the Law of the Sea*. Berlin: Springer. 250 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-662-43570-0>
10. Harden-Davies H.R. 2016. Marine science and technology transfer: can the Intergovernmental Oceanographic Commission advance governance of biodiversity beyond national jurisdiction?. – *Marine Policy*. Vol. 74. P. 260–267. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.marpol.2016.10.003>
11. Harden-Davies H.R. 2017. Research for regions: Strengthening marine technology transfer for Pacific Island Countries and biodiversity beyond national jurisdiction. – *International Journal of Marine and Coastal Law*. Vol. 32. Issue 4. P. 797–822. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/15718085-13204023>
12. Klein N. 2011. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 376 p. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199566532.001.0001](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199566532.001.0001)
13. *Law of the Sea, From Grotius to the International Tribunal for the Law of the Sea. Liber Amicorum Judge Hugo Caminos*. Ed. by L. del Castillo. 2015. Leiden: Brill. 764 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004283787>
14. Ribeiro M.C., Bastos F.L., Henriksen T. 2020. *Global Challenges and the Law of the Sea*. Cham: Springer International Publishing. 467 p. DOI: [10.1007/978-3-030-42671-2](https://doi.org/10.1007/978-3-030-42671-2)

15. Rothwell D.R., Stephens T. 2016. *The International Law of the Sea*. Oxford: Bloomsbury Publishing PLC. 1041 p.
16. Tanaka Y. 2019. *The International Law of the Sea*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 634 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108545907>
17. Walløe Tvedt M. 2020. Marine Genetic Resources: a Practical Legal Approach to Stimulate Research, Conservation and Benefit Sharing. – *The Law of the Seabed Access, Uses, and Protection of Seabed Resources*. Ed. by C. Banet. Leiden: Brill. P. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004391567_013
8. Klein N. *Maritime Security and the Law of the Sea*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 376 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199566532.001.0001
9. *Law of the Sea, From Grotius to the International Tribunal for the Law of the Sea. Liber Amicorum Judge Hugo Caminos*. Ed. by L. del Castillo. 2015. Leiden: Brill. 764 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004283787>
10. Mirzai S. Ponyatie obshchego naslediya chelovechestva v traktovke mezhdunarodnogo tribunala po morskomu pravu [The Concept of Common Heritage of Mankind in Terms of International Tribunal for the Law of the Sea]. – *Vestnik VolGU. Seriya 5, Yurisprudentsiya*. 2016. Vol. 15. No. 4. P. 162–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu5.2016.4.25>

References

1. Anisimov I.O., Gulyaeva E.E. Promoting the Development and Transfer of Marine Technologies as a Mechanism for Implementing the Sustainable Development Goals: International Legal Aspect. – *Revista Opinio Juridica*. 2021. Vol. 19. No. 32. P. 184–201. DOI: <http://dx.doi.org/10.12662/2447-6641oj.v19i32.p184-201.2021>
2. *Baselines under the International Law of the Sea*. Ed. by C.G. Lathrop, D.R. Rothwell and J.A. Roach. Leiden: Brill. 2019. 186 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004398146>
3. Becker-Weinberg V. *Joint Development of Hydrocarbon Deposits in the Law of the Sea*. Berlin: Springer. 2014. 250 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-662-43570-0>
4. Gudev P.A. *Konventsija OON po morskomu pravu: problema transformatsii rezhima* [The UN Convention on the Law of the Sea: problems of regime transformation]. Moscow: IMEMO RAN Publ. 2014. 201 p. (In Russ.)
5. Gureev S.A., Zenkin G.G., Ivanov G.G. *Mezhdunarodnoe morskoe pravo* [International Law of the Sea]. Moscow: Norma Publ. 2011. 432 p. (In Russ.)
6. Harden-Davies H.R. Marine science and technology transfer: can the Intergovernmental Oceanographic Commission advance governance of biodiversity beyond national jurisdiction?. – *Marine Policy*. 2016. Vol. 74. P. 260–267. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.marpol.2016.10.003>
7. Harden-Davies H.R. Research for regions: Strengthening marine technology transfer for Pacific Island Countries and biodiversity beyond national jurisdiction. – *International Journal of Marine and Coastal Law*. 2017. Vol. 32. Issue 4. P. 797–822. DOI: <http://dx.doi.org/10.1163/15718085-13204023>
11. Orlova E.S. Rybolovnye spory v aspekte mezhdunarodnykh morskikh sporov [Fishing Disputes in the Context of International Maritime Disputes]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2018. No. 9. P. 199–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.94.9.199-207>
12. Ribeiro M.C., Bastos F.L., Henriksen T. *Global Challenges and the Law of the Sea*. Cham: Springer International Publishing. 2020. 467 p. DOI: 10.1007/978-3-030-42671-2
13. Rothwell D.R., Stephens T. *The International Law of the Sea*. Oxford: Bloomsbury Publishing PLC. 2016. 1041 p.
14. Skaridov A.S. Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo i morskogo prava [Actual Problems of International and Maritime Law]. – *Okeanskii menedzhment*. 2020. No. 3. P. 4–7. (In Russ.)
15. Tanaka Y. *The International Law of the Sea*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. 634 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108545907>
16. Verbovoi O.I., Shlykov I.S. Normy morskogo mezhdunarodnogo prava i voprosy vlastnykh polnomochii gosudarstv nad morskimi prostranstvami [The Rules of the International Law of the Sea and Some Issues of State Power-Relationship over the Sea]. – *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. 2018. No. 1. P. 92–97. (In Russ.)
17. Walløe Tvedt M. Marine Genetic Resources: a Practical Legal Approach to Stimulate Research, Conservation and Benefit Sharing. – *The Law of the Seabed Access, Uses, and Protection of Seabed Resources*. Ed. by C. Banet. Leiden: Brill. 2020. P. 238–254. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004391567_013

Информация об авторе

Игорь Олегович Анисимов,

кандидат юридических наук, заместитель декана факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России

119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53 / 2, стр. 1

i-anisimov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6575-6381

About the Author

Igor O. Anisimov,

Cand. Sci. (Law), Deputy Dean of the Faculty of International Relations and International Law, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

53 / 2–1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

i-anisimov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6575-6381